И. И. ИВАНОВ - ОМСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ О РОЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Мере Соломоновне

Для критики и на память о совместной работе от автора

[illegible]

26 I 51 г

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК ВКП(б)
КАФЕДРА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

И. И. ИВАНОВ-ОМСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ О РОЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Государственное издательство политической литературы
1950

ВВЕДЕНИЕ

Насущная необходимость идейного вооружения советских людей знанием закономерностей развития общества потребовала дальнейшей теоретической разработки целого ряда вопросов исторического материализма, актуальных в эпоху империализма и пролетарских революций, в эпоху победы социализма и постепенного перехода к коммунизму. Среди других вопросов приобрел политическую актуальность и вопрос о роли географической среды в развитии общества.

В работах Маркса, Энгельса, Ленина содержатся глубоко научные идеи по данному вопросу. Развивая диалектический и исторический материализм, И. В. Сталин в книге «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» показал ясно и вполне исчерпывающе роль географической среды в материальной жизни общества. Еще до этого, в речи «О задачах хозяйственников», в 1931 г., и в других работах он указывал на весьма важное значение определенных географических условий для построения нового, социалистического общества.

Развивая теорию победы социализма в одной, отдельно взятой стране, товарищ Сталин говорил, что в нашей стране имеются все условия для построения полного социалистического, а затем и коммунистического общества. В число условий он включает и такое, как наличие достаточных природных богатств: железной руды, угля, нефти, хлеба, хлопка и др. Наша страна, указывал товарищ Сталин, располагает самыми разнообразными

природными богатствами и благоприятными естественными условиями. Природных богатств в нашей стране гораздо больше, чем в любой другой стране. СССР имеет все естественные ресурсы для создания самой мощной в мире промышленности и наивысшего развития сельского хозяйства.

Претворение в жизнь сталинской теории построения социалистического общества в нашей стране усилило интерес к вопросу о роли географической среды как одного из постоянных и необходимых условий материальной жизни общества. Бурное развитие социалистической промышленности, сельского хозяйства и транспорта потребовало открытия новых источников естественного сырья. Необходимо было всестороннее, конкретное изучение ресурсов страны для более эффективного использования их в построении социализма и коммунизма. В борьбе за устойчивые и высокие урожаи страна поставила как одну из важнейших задач социалистического сельского хозяйства преобразование природы.

В определении роли географической среды и в понимании характера взаимодействия между человеческим обществом и географической средой ярко проявляется противоположность научного, материалистического мировоззрения пролетариата и антинаучного миропонимания буржуазных социологов.

В практике великих работ социалистического строительства пришлось вынести решительную борьбу с людьми, которые, опираясь на буржуазную социологию, придавали географической среде определяющее значение и, отрицая наличие богатейших естественных ресурсов нашей страны, делали капитулянтские выводы по вопросу о возможности развития социалистических производительных сил. Возникновению подобных теоретически ложных и политически вредных взглядов способствовали и антинаучные представления дореволюционных буржуазных ученых о природных условиях нашей страны. Тогда эти представления поддерживались официальной «наукой», пытавшейся оправдать экономическую отсталость и крайнюю нищету народных масс якобы «бедностью страны» углем, рудой и другими ископаемыми.

После революции эти и другие реакционные идеи использовались врагами народа для «теоретического»

обоснования капитулянтских выводов о невозможности построения социализма без помощи извне. Вредители из среды старых буржуазных специалистов, враждебно относившиеся к социалистическому переустройству нашей страны, стремились насаждать эти антинаучные, реакционные идеи, противопоставляя их научному пониманию закономерностей общественного развития.

В капиталистических странах и ныне влияние географической среды истолковывается антинаучно. В XVIII столетии в буржуазной социологии возникло направление — так называемая географическая школа. Выступление представителей этого направления против безраздельно господствовавшего тогда теологического взгляда на общество и противопоставление последнему идей географического детерминизма было прогрессивным.

Но в XIX столетии, когда на историческую арену борьбы выступает рабочий класс, географическое направление, как и все другие направления буржуазной социологии, становится всецело реакционным, заостренным против идеологии рабочего класса, против исторического материализма Маркса. Последователи этой школы превращают свои идеи в идеологическое оружие оправдания колониального угнетения народов Азии и Африки европейскими капиталистическими государствами. Климатом и другими факторами географической среды они «объясняют» экономическую и культурную отсталость неевропейских народов и делают вывод о естественной предопределенности их колониального порабощения капитализмом.

В текущем, XX веке географическое направление выродилось в фашистскую геополитику. Сущность этого течения буржуазной социологии выражается в том, что оно превратилось в средство маскировки агрессивной политики империалистических государств и обоснования их экспансии в широчайших масштабах.

Начиная с 30-х годов нашего столетия геополитика становится одним из наиболее поощряемых и модных направлений буржуазной социологии. В крупнейших капиталистических странах наиболее реакционные идеологи империализма, ссылаясь на факторы географической среды, стремятся подвести «научную» подкладку под свои кроваво-фашистские планы завоевания и порабощения

народов всех континентов земного шара. Наряду с этим реакционные социологи, скрашивая и идеализируя загнивающий капитализм, изображают технический застой, хроническое недоиспользование и консервирование наличного оборудования и живого труда как некое благо для человечества, которое удлиняет срок якобы надвигающегося истощения энергетических и сырьевых ресурсов.

Работы И. В. Сталина и особенно его произведение «О диалектическом и историческом материализме» наносят смертельный удар по реакционным идеям геополитиков. Данное товарищем Сталиным научное решение вопроса о роли географической среды в развитии общества создало прочный фундамент для несокрушимой позиции не только советской науки в ее борьбе против проявления реакционных идей старого мира, но и для прогрессивной части людей всего мира в борьбе против геополитики, являющейся одной из разновидностей фашистской, империалистической идеологии.

В общественных науках до середины XIX столетия безраздельно господствовал идеализм. Буржуазная социология не была свободна от идеализма даже тогда, когда буржуазия была прогрессивным классом. С момента своего возникновения буржуазия сложилась как класс эксплуататоров, как класс политических угнетателей, подавляющий трудящихся города и деревни. Поэтому на всех этапах своего развития она была противницей подлинно научного освещения общественной закономерности, пропагандировала идеалистические взгляды на историю. Если в целях изучения природы буржуазия прежде поддерживала материализм и боролась против феодального теологического мировоззрения, то в понимании общества она предпочитала открыто религиозному взгляду лишь более утонченную идеалистическую позицию. Общность целей эксплуататорских классов — и феодалов и буржуазии — находила свое проявление в сходных идеологических процессах, т. е. в однотипности идеалистических концепций исторического процесса.

Последовательно научная, материалистическая теория развития общества, какой является исторический материализм, раскрывает экономическую и политическую сущность эксплуатации, угнетения человека человеком,

выраженную в разных формах при рабстве, феодализме и капитализме. Это научное понимание исторического процесса в корне противоречит интересам всех классов эксплуататоров, поэтому оно совершенно несовместимо с интересами буржуазии на всех ступенях её существования.

К. Маркс и Ф. Энгельс совершили коренной переворот во взглядах на общественную жизнь. Впервые в истории ими были открыты законы развития общества и была создана подлинная наука исторического процесса — исторический материализм. Только «исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий» [1]. Последовательное распространение материализма на область общественных явлений сыграло большую революционную роль в общественной жизни эксплуатируемых и угнетаемых народных масс. «Только философский материализм Маркса, — писал Ленин, — указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы» [2].

Домарксовское изучение общества в лучшем случае давало накопление случайных фактов и изолированное изображение отдельных сторон общественного развития. Ленин указывает, что открытием материалистического понимания истории устранялись два главных недостатка прежних исторических теорий: во-первых, прежде в лучшем случае рассматривались лишь идейные мотивы общественной деятельности людей и совершенно не учитывались экономические условия, порождавшие эти мотивы; во-вторых, в прежних теориях не охватывалось изучение роли трудящихся масс, т. е. подавляющей части общества и действительных творцов истории.

Марксизм положил конец безраздельному господству произвольных, идеалистических и метафизических, взглядов на общество. «Марксизм, — писал Ленин, — указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 40.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, изд. 4, стр. 8.

противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [1].

Гениальные продолжатели этого учения — Ленин и Сталин в эпоху империализма и пролетарских революций развили далее марксизм, открыв закономерности загнивающего капитализма, а именно: закон неравномерности развития капиталистических стран и возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, и тем самым создали новую теорию социалистической революции и строительства социалистического и коммунистического общества.

Историческим материализмом установлено, что общество развивается по присущим ему внутренним законам и что основой его исторического движения является производство материальных благ, что материальная жизнь общества, его бытие «является первичным, а его духовная жизнь — вторичным, производным, что материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей, а духовная жизнь общества есть отражение этой объективной реальности, отражение бытия.

Значит, источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать не в самих идеях, тео-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 40—41.

риях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.» [1]

В понятие «условия материальной жизни общества», указывает товарищ Сталин, входит прежде всего окружающая общество природа — географическая среда, народонаселение, та или иная плотность населения, и, наконец, способ производства материальных благ. Влияние этих условий на развитие общества неодинаково. Исторический материализм учит, что географическая среда и народонаселение не являются решающими условиями развития общества, что решающим условием и движущей силой является *способ производства материальных благ.* Способ производства определяет общественный строй и переход общества от одной общественно-экономической формации к другой.

В области специальных наук и отдельных отраслей хозяйства чаще всего приходится встречаться с узко эмпирическим пониманием географической среды, при котором учитываются лишь один или несколько отдельно взятых элементов, как, например, некоторые виды естественного сырья, энергии, почв, природных путей сообщения. Нас прежде всего интересуют не отдельные элементы, а географическая среда в целом как одно из постоянных и необходимых условий материальной жизни общества.

Географическая среда влияет на развитие общества, но ее влияние не играет главной, определяющей роли в закономерном развитии общества. Это — одно из важнейших положений исторического материализма. Оно подтверждается в частности тем, что влияние одинаковых или сходных географических условий на развитие общества неодинаково на различных ступенях исторического развития и определяется непосредственно и главным образом существующим способом производства. Влияние географической среды на феодальное общество совершенно иное и по формам и по степени воздействия, чем влияние подобной же географической среды на современное капиталистическое общество. Несомненно, что чем ниже и примитивнее общественное производство, тем

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 545.

сильнее зависимость общества от воздействия данной географической среды, и, наоборот, чем выше уровень общественного производства, тем слабее степень влияния данной географической среды на общество и в то же время все шире, сложнее становится связь и взаимодействие общества с окружающей природой.

Таким образом, недостаточно констатировать влияние географической среды на жизнь общества, но следует показать изменение характера, степени и форм ее влияния в зависимости от изменения уровня производительных сил и характера производственных отношений в обществе. В этом сложном взаимодействии, в котором изменяется как воздействие общества на географическую среду, так соответственно изменяются и условия географической среды, влияющие на жизнь общества, главной активной стороной является само общество.

Буржуазные социологи не понимают сложного диалектического процесса взаимодействия общества и географической среды. Они совершенно обходят вопрос о влиянии общества на географическую среду и проблему географической среды целиком сводят к проблеме влияния ее на общество.

Такое игнорирование факта влияния общества на географическую среду антинаучно, ибо не учитывается главное, т. е. активная, преобразующая деятельность человека. В действительности же в процессе общественно-исторической практики человеческое общество открывает новые свойства природы, способствующие укреплению власти человека над окружающей действительностью. Это дает людям возможность вызывать к жизни одни и уничтожать или ослаблять другие факторы географической среды, в которых общество не заинтересовано.

В наше время почти нет на земном шаре девственной природы: всюду, прямо или косвенно, географическая среда испытывает на себе общественное воздействие людей. Современный человек существенно изменил естественный режим развития животных, а воздействием на животных и непосредственной трудовой деятельностью изменил условия и облик растительного мира. Он изменяет рельеф и частично даже климат обширных пространств. Окружающая современного человека природа в значительной мере есть плод человеческой деятельно-

сти; изменения, которые произошли в географической среде со времени ранних ступеней развития человечества, обязаны собой не столько естественным процессам, сколько быстрому развитию общества.

На низшей ступени развития, когда труд человека в основном был направлен на собирание готовых продуктов природы, воздействие человека на географическую среду было весьма незначительным. Тогда человек со своими примитивными орудиями труда был еще слишком слаб, чтобы раскрыть качества и свойства окружающей природы и использовать их в своих целях. В то время он еще не обладал возможностью существенно изменять характер географической среды в своих интересах. По мере же развития уровня производительных сил воздействие людей на географическую среду усиливалось и усложнялось.

Далее, нарастание степени воздействия людей на географическую среду зависит не только от технического уровня, а прежде всего от классовой позиции общественных сил, которые руководят преобразованием природы.

Во всех предшествующих социалистическому обществу общественно-экономических формациях, включая и капиталистическую, развитие общества и изменение географической среды подчинены стихийным законам. Так, например, при капитализме не интересы общества, а погоня за прибылью и конкуренция эксплуататоров определяют характер и темпы изменения географической среды. Отношение частных собственников к природным богатствам носит хищнический характер.

Только в социалистическом обществе изменение географической среды происходит в интересах всего общества. Здесь при плановом ведении хозяйства концентрируются силы и средства всего общества на решении определённых задач, ведущих к изменению географической среды и более рациональному использованию ее. Социализм прекращает хищническое использование и разрушение природных условий. Невиданными в истории темпами происходит рациональное изменение географической среды в интересах всего общества.

Конкретное выяснение возможностей более полного использования и изменения географической среды при

социализме имеет огромное значение для ведения планового хозяйства и развития науки в социалистическом обществе. О масштабах хозяйственных мероприятий в целях преобразования природы в нашей стране дают представление планы преобразования и освоения пустынь Средней Азии и Закавказья и осушения болот в Белоруссии, лесопасаждений и строительства водоемов в степной и лесостепной полосе СССР, строительства гигантских плотин, самых мощных в мире гидроэлектростанций и оросительных каналов, изменяющих климат и создающих благоприятные условия для сельского хозяйства и промышленного использования естественных богатств. Впервые в истории человеческое общество систематически и по плану покоряет природу в интересах всего общества. Использование необъятных пространств северных районов, обильных ископаемыми, обогатит социалистическую промышленность сырьем и топливом. В перспективе коренное преобразование хозяйственного облика Крайнего Севера: развитие травосеяния, животноводства, овощеводства.

Социалистическое общество раскрывает безграничные возможности познания законов природы, познания свойств географической среды, их использования и изменения в своём поступательном движении к коммунизму.

Марксистский диалектический метод требует конкретного исторического подхода к явлениям. Только конкретно-историческое рассмотрение материальных условий жизни общества, в том числе и географической среды, обеспечивает научное обоснование сложной закономерности взаимодействия общества и географической среды.

Что же собой представляет географическая среда и в чем выражается содержание этого условия развития материальной жизни общества? *Географическая среда есть постоянное естественно-историческое единство непосредственных природных условий, в которых протекает материальная и духовная деятельность людей. Географическая среда представляет собой взаимодействующую совокупность рельефа, климата, почвы, природных богатств недр, флоры и фауны определенной части земной поверхности на данной стадии ее естественного развития и преобразования ее человеком.*

Географическая среда есть изменяющееся условие материальной жизни общества. Изменения ее происходят, с одной стороны, как естественный стихийный процесс и, с другой — как результат воздействия на нее развивающегося человеческого общества.

Для человеческого общества географическая среда есть одно из условий его существования, но географическая среда как часть природы неисчерпаема. В процессе развития общественной практики географическая среда открывает человеку все новые и новые свойства, поэтому с точки зрения геологических, климатических и всяких иных изменений одна и та же природа для непрерывно развивающегося человеческого общества становится качественно более многообразной и более доступной для ее использования и преобразования. Общественно-человеческая практика изменяет географическую среду. Это изменение определяется ростом производительных сил общества. На новой ступени развития производительных сил в географическую среду входят новые элементы природы, например, ископаемые богатства недр земли с возникновением их промышленного использования или некоторые новые свойства атмосферы и вообще окружающего землю пространства в связи с развитием авиации, электричества, радио и пр.

Изучением географической среды как сложного комплекса явлений природы занимается целый ряд наук: география, геофизика, геохимия, ботаника, зоология, климатология, геология, почвоведение и др. Однако понятие географической среды более узко, чем общее понятие природы. Если природа — всеобщее, всеобъемлющее, объективное существование естественного материального мира, то географическая среда — это лишь часть природы, земная поверхность, на которой живут и непосредственно действуют люди, испытывая на себе ее влияние. Она всюду является закономерной совокупностью особой природной среды определенных широт, климатических поясов, рельефа и почвенных условий.

Своеобразие географической среды той или иной части земной поверхности определяется особенностью физических свойств данной местности, рельефом земной поверхности, наличием различных богатств недр, степенью

плодородия почв, богатством животного и растительного мира, климатом, расположением по отношению к большим рекам, морям, океанам и др.

Следовательно, всегда и всюду географическая среда составляет совокупность естественных материалов, сил и условий, которые люди используют в материальной жизни общества. Поэтому «географическая среда, — пишет товарищ Сталин, — бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества» [1].

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 548.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ О РОЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

1. Субъективно-идеалистические и географические теории

Взгляд на роль географической среды в развитии общества, существовавший в предшествовавшей марксизму литературе, и сущность современных буржуазных взглядов по данной проблеме, естественно, не могут не интересовать нас.

В буржуазной литературе в трактовке роли географической среды в развитии общества существуют в основном два противоположных друг другу направления. Одно из них *переоценивает* влияние географической среды на общество и пытается представить ее в качестве решающего и определяющего фактора общественной жизни, другое — *вовсе отрицает* влияние географической среды на развитие общества. Во второй половине XIX столетия одновременно с распространением марксизма и ростом революционных сил пролетариата получают все большее распространение наиболее реакционные субъективно-идеалистические течения буржуазной социологии; общей для них всех чертой является крайняя антинаучность и открытая враждебность историческому материализму.

Нет необходимости рассматривать все направления субъективно-идеалистической социологии, так как все они не отличаются друг от друга сколько-нибудь существенно в оценке влияния географической среды на развитие общества, поэтому мы возьмем в пример только одно из самых модных направлений буржуазной субъективно-идеалистической социологии конца XIX и начала XX столетия — неокантианство.

Неокантианство сложилось на Западе как буржуазная реакция на созданную основоположниками марксизма научную революционную теорию общества. Идеи неокантианства представляли собой махрово-реакционный, субъективный идеализм с налетом агностицизма. Неокантианцы отрицают экономическую основу общественного развития и не придают никакого значения влиянию на общество географической среды. Движущими силами общества они провозглашают свободу воли или «категорический императив». По мнению неокантианцев, общественная жизнь людей не обусловлена никакими объективными причинами. В этом смысле она якобы беспричинна, а поэтому-де в общественной жизни нет каких-либо объективных законов, которые ее обусловливают. «Давно занимаясь историей, — пишет Эд. Майер, — я не нашел ни одного исторического закона и не видел, чтобы кто-нибудь другой нашел таковой».

Географическими условиями они интересуются постольку, поскольку эти условия являются ареной применения воли человека, так же как сами общественные отношения они считают плодом приложения воли человека, обусловленной субъективным «внутричеловеческим» началом.

Исходя из общих философских принципов идеалистического и метафизического рассмотрения природы и общества, неокантианцы отрицают закономерную связь между явлениями природы и общества. По мнению неокантианцев, в отличие якобы от повторяемости в природе, в обществе нет повторяемости; социальные явления выступают как индивидуальные, беспричинные, в их индивидуальном своеобразии.

Вильгельм Виндельбанд (1848—1915), один из основателей неокантианства, первым сформулировал этот субъективно-идеалистический взгляд на исторический процесс. Еще при жизни В. Виндельбанда субъективно-идеалистический взгляд на исторический процесс разделял его последователь Генрих Риккерт (1863—1936), который также, отрицая повторяемость исторических явлений, отрицал закономерность в историческом процессе.

По мнению Виндельбанда, историк должен идеально воссоздавать какой-либо факт прошлого со всеми его индивидуальными чертами. Задача историка в этом слу-

чае якобы сходна с задачей художника по отношению к продуктам его фантазии.

По мнению неокантианцев, общественная наука является не областью действия объективных причин и условий, а областью изучения «целей», преследуемых людьми. Поэтому общественно-историческая жизнь, говорят они, является областью телеологии.

Другим направлением в буржуазной социологии является географическая школа. Возникнув в середине XVIII века, это направление складывалось как вульгарный географизм в социологии. Ныне, в эпоху империализма и пролетарских революций, когда мир расколот на две социальные системы и соотношение сил между системами таково, что развязывание империалистами новой мировой войны *«приведет не просто к поражению тех или иных агрессивных держав, как было до сих пор, а к ликвидации всей системы мирового империализма»*[1], вульгарный географизм в социологии выродился в наиболее реакционно-агрессивное течение империалистической социологии — в так называемую геополитику.

Обратимся к критическому рассмотрению сущности прошлых течений в географической школе и современного течения в социологии империалистов — геополитики.

Характеризуя общественное развитие, основоположники марксизма-ленинизма показали, что еще в недрах феодального общества зарождалось новое, буржуазное мировоззрение. Не поднявшись в понимании общества до уровня материализма, молодая буржуазия тем не менее противопоставила реакционной господствующей теологической, богословской концепции понимания мира натуралистический взгляд на исторический процесс; ряд философов и историков XVIII и начала XIX века стремился объяснить социальную деятельность людей не божественным промыслом, а условиями окружающей природы.

Исторически это были первые попытки установить объективную закономерность общества. Так возникло географическое направление в социологии, утверждающее, что географическая среда является определяющим материальным условием общественной жизни.

[1] *В. М. Молотов,* Сталин и сталинское руководство, Госполитиздат, 1949, стр. 18.

Последователь и представитель французского просветительства XVIII века Шарль Монтескье (1689—1755) стал одним из первых и наиболее известных авторов теории о естественной географической обусловленности форм общественной жизни.

В своем главном произведении «О духе законов» Ш. Монтескье считал географическую среду решающей и всеопределяющей причиной общественного прогресса. Он писал, что «...чрезмерные жары подрывают силы и бодрость людей, и что холодный климат придает уму и телу людей известную силу, которая делает их способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным. Это различие замечается не только при сравнении одного народа с другим, но и между частями одной и той же страны» [1].

Монтескье приходил к таким выводам в силу метафизического характера своих взглядов. Он считал, что в результате влияния климата народы становятся или смелыми оптимистами или безвольными пессимистами.

Монтескье не понимал, что различный общественный облик человека в классовом обществе есть отражение особенностей общественного бытия данного класса, к которому принадлежит рассматриваемый человек или группа людей. «Смелыми оптимистами» тогда оказывались многие из соотечественников Монтескье, т. е. революционный народ и представители революционной буржуазии во Франции XVIII века, а пессимизм и безволие были характерны для потерявшего перспективу феодального класса, хотя и те и другие жили в условиях одного и того же климата. Монтескье подметил различия в свойствах людей его эпохи, но он сделал неправильную попытку объяснить их климатом и ошибочно придал им надисторический характер.

Нельзя отрицать, что климат накладывает известный отпечаток на физический облик человека. Но возникновение рабов и рабовладельцев, крепостных и феодалов, пролетариата и буржуазии не объяснишь климатическими условиями. Точно так же нельзя объяснить климатом (и вообще географическими условиями) наличие антагонизма между названными классами, борьбу между

[1] *Ш. Монтескье*, О духе законов, Спб. 1900, стр. 170.

ними, восстания рабов и крепостных. Социальные революции — эти локомотивы истории — обусловлены не климатом, а особыми общественными закономерностями той или иной общественно-экономической формации. Бесспорно, жители тропических стран плохо приспособлены к тому, чтобы жить в условиях северного климата, а люди севера, попавшие на теплый юг, не сразу приспособляются к жаркому климату. Но и жители жарких стран проявляют смелость, отвагу и непримиримость с положением раба столь же решительно, как и жители стран северного или умеренного климата. Известно, что волевые и смелые, так же как и малодушные и трусливые люди встречаются во всех странах мира, вне зависимости от климата. Следовательно, определяющим моментом в общественном поведении людей является не климат, а характер общественно-политического строя и их социально-классовое положение.

Вопреки взглядам Монтескье история и современная общественная жизнь показывают, какое ожесточенное сопротивление, самопожертвование и героизм проявляют порабощенные народы Азии и Африки в борьбе против политики истребления их американскими и западноевропейскими колонизаторами. Военный и политический разгром немецкого и японского фашистских государств во второй мировой войне при решающей роли СССР вызвал новую волну национально-освободительного движения колониальных народов. Народ Китая, победивший в революционно-освободительной борьбе, борющийся с американскими интервентами корейский народ, героические партизаны Индонезии, Индо-Китая, Индии и других стран жаркого климата никак не похожи на робких и малодушных людей, склонных примириться с участью колониальных рабов империализма.

Таким образом, утверждение Монтескье и современных ему буржуазных последователей о «робости», «трусости», «малодушии» народов жарких стран не соответствует действительности. Конечно, материальная жизнь так называемых цветных народов находится на более низком уровне, чем у европейских народов, но решающей причиной этого является не география, а колониальное положение этих народов. Порабощенные империалистическими странами народы жарких стран долгое время

были лишены возможности развиваться самостоятельно. Совершенно недопустимо считать существующую при капитализме нищету, политическое бесправие и вымирание колониальных народов Африки и Азии следствием якобы присущих им национально-расовых свойств, обусловленных климатом. Известно, что шествие капитализма также и на американском материке оставляло и оставляет за собой трупы коренного населения индейских племен и миллионов привезенных негров. В «цивилизованной» Америке «цветные народы с тех пор, как они из обыкновенных рабов превратились в рабов капитала, мрут, как мухи...» [1]

Поставленное в безвыходные экономические условия, лишенное политических прав, лишенное необходимой медицинской помощи, негритянское население в США не только не растет, а систематически уменьшается. Так, с 1860 по 1940 г. негритянское население уменьшилось с 14% до неполных 10% [2].

Хорошо известно, что это объясняется не свойствами расы, а суровой эксплуатацией и грабительской политикой американских империалистов по отношению к неграм.

Таким образом, в своей теории Монтескье отобразил не только прогрессивную антифеодальную политическую целеустремленность французской буржуазии XVIII века, ее враждебное отношение к феодальной идеологии, но его взгляды соответствовали также интересам буржуазии в ее отношении к трудящимся классам. Еще и тогда, во время прогрессивного использования географической теории против феодального мировоззрения, ее выводы становились идейным оружием в оправдании эксплуатации европейской буржуазией других народов. Географическими условиями оправдывались экспансия западноевропейской буржуазии и порабощение ею азиатских и африканских народов.

«Не надо удивляться, — писал Монтескье, — что малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата удерживало их в свободном состоянии. Все это — следствия, вытекающие из своей естественной причины» [3].

---

[1] *Поль де Крюи,* Стоит ли им жить?, 1937, стр. 143.

[2] См. «Новый мир» № 5 за 1947 г., стр. 151.

[3] *Ш. Монтескье,* О духе законов, стр. 271.

Монтескье идейно оправдывал последовавшую за великими географическими открытиями эпоху ограбления завоеванных народов Африки и Азии и превращения их в рабов европейской буржуазии. Монтескье выразил уже сложившееся тогда в среде молодой европейской буржуазии сознание своего общественно-экономического превосходства перед народами Африки и Азии. Поэтому теория Монтескье оказалась весьма живучей и в последующем развитии буржуазной социологии.

Продолжателем идей Монтескье в географической школе буржуазной социологии в середине XIX века был Генри Бокль (1821—1862).

Бокль не сводит влияния окружающей природы на общество к одному климату, а обращает внимание на совокупность всех условий географической среды. В своей известной двухтомной работе «История цивилизации в Англии» Бокль утверждает: «Если мы станем рассматривать, какие физические деятели имеют самое могущественное влияние на род человеческий, то найдем, что их можно подвести под четыре главные разряда, а именно: климата, пищи, почвы и общего вида природы» [1].

Позиция Бокля отличается от позиции Монтескье только тем, что он шире рассматривает проблему воздействия географической среды на общество. Бокль полагал, что богатство народов, их благополучие обусловлены и всецело зависят от почвы и климата. «Почвой обусловливается вознаграждение, получаемое за данный итог труда, а климатом — энергия и постоянство самого труда... Нет примера в истории, — утверждает Бокль, — чтобы какая-нибудь страна цивилизовалась своими собственными средствами, без особенно благоприятного развития в ней одного из этих условий» [2].

Бокль придавал большое значение влиянию климата на формирование человеческого мышления, характера и тем самым на трудовую деятельность людей.

В признании определяющего характера влияния географической среды Бокль заходит настолько далеко, что даже возникновение и существование религии считает

---

[1] *Г. Т. Бокль,* История цивилизации в Англии, изд. 2, Ф. Павленкова, Спб. 1896, стр. 16.

[2] Там же, стр. 18.

результатом влияния географической среды. Так, например, сильное распространение религиозных суеверий перуанцев он объяснил тем, что в Перу часто происходили землетрясения.

Теория Генри Бокля возникла в Англии в эпоху закрепления и дальнейшего расширения колониального владычества Англии. Уже тогда она широко использовалась для оправдания колонизаторских интересов английской буржуазии.

Буржуазно-классовый характер географической концепции Бокля особенно ярко раскрывается, когда он применяет ее к истории и современному состоянию общества. Причину крайней экономической и культурной отсталости народов Азии и Африки он видел в жарком климате. Бокль прямо указывает, что «распределение богатства так же, как и его производство подчиняются исключительно физическим законам, и что притом сила действия этих законов так велика, что они постоянно удерживали огромное большинство жителей самой лучшей части земного шара в состоянии всегдашней, безвыходной бедности» [1].

Эти антинаучные, типично эксплуататорские и колонизаторские черты теории Бокля получили особенно широкое признание и распространение и поныне используются реакционными буржуазными социологами, учеными и публицистами для маскировки хищнической природы империализма и отрицания того, что причиной крайней экономической и культурной отсталости народов колониальных стран является не климат, а империалистическое ограбление их капиталистическими странами-метрополиями.

На протяжении всего XIX века социологи этого направления в общем вращаются в том же кругу идей, какие были сформулированы Боклем. Социологическая мысль этого направления не получила и не могла получить прогрессивного развития.

Позднейшие последователи этой теории делают прямо реакционные политические выводы. Они превращают ее в идейное оружие империалистической политики порабо-

---

[1] *Г. Т. Бокль,* История цивилизации в Англии, стр. 20.

щения народов и оправдания господства империалистических государств над другими народами.

Характерной особенностью как Бокля, так и всех последователей географической школы буржуазной социологии в странах Западной Европы и Америки является поверхностный эмпиризм. Сторонники географического объяснения развития общества обычно ограничиваются приведением односторонне подобранных эмпирических данных о зависимости от особых географических условий тех или иных сторон общественной жизни людей. При этом как географическая среда, так и общественная жизнь рассматриваются метафизически, действительное влияние географической среды крайне преувеличивается и доводится до абсурда.

Метафизический характер географического направления буржуазной социологии выражается и в его фатализме. Не трудно обнаружить, что при последовательном применении методологического принципа географической обусловленности общественного развития сторонники этого направления неизбежно должны притти к фатализму, т. е. к признанию предопределенности общественной жизни географическими условиями. Это являлось в известной мере следствием и показателем беспомощности буржуазной общественной мысли перед анархией капиталистической действительности.

Для характеристики этого направления иногда употребляется термин «географический материализм», однако такое название неточно и неправильно. В действительности теории этой школы в целом, в том числе позднейших буржуазных социологов-геополитиков, эклектичны, в них вульгарно-материалистические элементы переплетаются с оголтело-идеалистическим, авантюристским подходом к истории. В истории не было и нет научного материалистического понимания исторического процесса, кроме учения марксизма-ленинизма. Все остальные теории человеческого общества в конечном итоге — нематериалистические, идеалистические, ненаучные.

2. Геополитика — доктрина империалистической экспансии

На рубеже XX и в XX веке с наступлением эпохи империализма, когда конкуренция между отдельными капиталистами переросла в более ожесточенную борьбу капиталистических монополий, — буржуазная социология стала усиленно развивать теории о решающем влиянии военной силы на историю. Прикрываясь всякого рода наукообразными терминами, буржуазные теоретики становятся открытыми проповедниками агрессии. Загнивающий капитализм определил направление и географической школы в социологии, которая стала апологией военной агрессии.

Насаждение бредовых идей человеконенавистничества и агрессии — такова роль, взятая на себя «теоретиками», прикрывающимися «наукой» о «естественной» геополитической обусловленности империалистической политики. Захват чужих территорий, покорение и ограбление более слабых народов, создание огромных колониальных империй — вот средства, которые рекомендуются теоретиками от геополитики. Геополитика получила широкое распространение в гитлеровской Германии и теперь в США.

После поражения Германии в первой мировой войне, лишившего ее колоний, германские империалисты стали готовиться к реваншу. Они нуждались в идеологической подготовке. Поставщиками наиболее активных идеологических средств наряду с расистами явились «теоретики» геополитики.

Бывший немецкий генерал и основатель этого реакционного социологического течения К. Гаусгофер выдвинул пресловутую идею отсутствия у Германии «жизненного пространства». Исходя из этой идеи, он оправдывал агрессивную политику Германии и подготовку к новой мировой войне. Завоевание и уничтожение других государств, физическое истребление коренного населения, особенно славянского, геополитик изображал как борьбу немцев за свое «жизненное пространство».

В своей книге «Основы, сущность и цели геополитики» К. Гаусгофер прямо писал, что геополитика является од-

ним из самых могучих боевых средств для справедливого распределения земных пространств между людьми.

Другой видный геополитик, редактор руководящего геополитического журнала Эрих Обст считал, что Германия погибнет, если не получит в кратчайший срок своих прежних колоний и «жизненного пространства» вообще.

Открыто ставя вопрос об империалистической экспансии и насильственном «приобретении жизненного пространства», германские геополитики пытались «доказать» естественно-географическую обусловленность агрессивной политики Германии. Они считали законным, т. е. обусловленным географической средой, стремление германских империалистов захватить естественные ресурсы других государств и превратить их экономику в придаток германского хозяйства. Геополитики выдвигали какой-то мистический, якобы самой природой предписанный Германии «закон движения», который одновременно изображался как экономическая необходимость.

Хищническую и кровавую политику международного разбоя и мирового господства германских империалистов геополитики характеризовали как вполне оправданный курс, вытекающий из якобы объективных законов истории. Итоги второй мировой войны, военный и политический крах германского фашизма, до конца вскрыли авантюризм его политики в целом и геополитики в частности.

Однако потерпела крах и выбыла с исторической арены только одна группа международных империалистов. Разгромлен германский, итальянский, японский фашизм. Но сохранилось еще могущество финансово-монополистического капитала США. После окончания второй мировой войны империалисты США, став во главе мировой реакции, проводят откровенно захватническую внешнюю политику во всех частях земного шара. «Новый, откровенно экспансионистский курс США,—говорил А. А. Жданов, — поставил своей целью установление мирового господства американского империализма» [1].

Эта цель открыто высказывалась американскими империалистами уже в самом начале второй мировой войны, когда США еще только ввязывались в разгоравшуюся войну. Так, в 1940 г. в своей книге с громким названием

[1] *А. А. Жданов,* О международном положении, Госполитиздат, 1947, стр. 11.

«Америка и мировое господство» Джон Маккормик открыто формулировал военные цели американских монополистов. Он писал, что Соединенные Штаты должны не только стать во главе стран английского языка для победы в этой войне, но и после того, как они завоюют этот мир, они должны быть готовы к тому, чтобы руководить им.

Многочисленные факты показывают стремление США насильственно распространить свое военное господство на весь земной шар. Своей агрессивной экспансией США провоцируют десятки гражданских войн и волнений во всем мире, теперь они открыто предприняли военную интервенцию против Китая, Кореи и Индо-Китая. «Откровенно экспансионистская программа США чрезвычайно напоминает бесславно провалившуюся авантюристическую программу фашистских агрессоров, тоже, как известно, недавних претендентов на мировое господство» [1].

На протяжении последних десятилетий в Америке, как и в Германии, возникло и быстро развивалось геополитическое течение. Благодаря нарастанию агрессивности американского империализма идеи геополитиков в США в послевоенные годы становятся особенно модными.

В результате фашистской пропаганды в немецкой литературе было широко распространено мнение, будто геополитическое направление создано впервые немцами и оно есть детище высшей расы — «плод исключительно германской мысли». Однако американцы также немало потрудились над разработкой махрово-реакционной идеологии милитаристически настроенных американских империалистов. Американские геополитики сейчас даже отстаивают свой приоритет в создании этого нового, наиболее реакционного течения в социологии. По их утверждению, первым создателем геополитики является не германский генерал К. Гаусгофер, а американский адмирал А. Мэхэн. Так, Гесслер в 1944 г. в статье, напечатанной в трудах американского Военно-морского института, заявляет: «Альфред Тайер Мэхэн может быть справедливо назван первым из всех ученых геополитиков нового времени... В сочинениях своего величайшего военно-морского стратега Америка имеет твердый фундамент поучительной и применимой геополитики».

---

[1] *А. А. Жданов,* О международном положении, стр. 13.

Претензии американских социологов и публицистов на первенство в разработке «теоретической базы» геополитики показывают явную общность идеологических процессов среди господствующих классов в довоенной фашистской Германии и послевоенных США, показывают популярность идеологии фашизма в империалистическом лагере США. После победы над германским фашизмом в США не только не поддерживается интерес масс к идеям укрепления мира, равенства и дружбы народов, провозглашенным в Атлантической хартии, в решениях Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференций, а, наоборот, внимание концентрируется на «теориях» геополитики и расизма, которые были идеологическим оружием германского фашизма. С энергией, достойной лучшего применения, реакционные социологи США оспаривают первенство в выдвижении идей, которые в минувшей войне привели к гибели и величайшим бедствиям десятки и сотни миллионов людей.

При новом, послевоенном экспансионистском курсе США распространение и популярность геополитики в этой стране совершенно не случайны. Этот новый курс «с логической неизбежностью приводит... к внутренней фашизации политической жизни США, к распространению самых диких, человеконенавистнических «теорий» и представлений» [1].

* *
*

Эклектически используя наиболее реакционные идеи, буржуазная социология США еще в 90-х годах прошлого столетия выдвигает на первый план значение военной силы в истории и агрессивность в политике. В числе этих антинаучных идей была принадлежащая географической школе, широко распространенная в США и Англии «теория» о решающем влиянии «морской силы» на историю, впервые сформулированная Альфредом Тайером Мэхэном (1840—1917) в последнем десятилетии прошлого века. А. Мэхэном была построена империалистическая концепция социологии и политики на одностороннем, ненаучном привлечении материалов истории нового времени (в трех основных его книгах: «Влияние морской силы на

[1] *А. А. Жданов,* О международном положении, стр. 25.

историю», 1890, «Влияние морской силы на французскую революцию», 1892, и «Морская сила в отношении к войне», 1905).

Мэхэн считает, что главной движущей силой цивилизации и развития отдельных стран и народов является «морская сила», т. е. военно-морской флот. Стремясь придать видимость научности и объективности своим взглядам, он утверждает, что сама возможность морского могущества обеспечивается факторами географической среды: а) географическим положением страны, б) физической организацией территории — рельефом, «естественной производительностью» и климатом и в) величиной территории. К условиям, порождающим морскую силу, он относит также численность населения, характер народа и правительства. Но наибольшее значение он придает географической среде.

На основе такого подхода Мэхэн ненаучно рассматривает ряд исторических фактов и приходит к выводу, что ведущую роль во всемирной истории играли прибрежные страны. По его мнению, последние являлись гнездами зарождения и развития цивилизации. Прибрежное положение страны накладывает свою печать на хозяйство, порождает развитие мореплавания и выковывает у народа предприимчивый, воинственный характер.

Географическая среда, по его взглядам, является лишь ареной, на которой возникает и разыгрывается политический фактор — «морская сила». Именно последняя, по Мэхэну, является основной движущей пружиной истории и роста цивилизации.

Мэхэн был капитаном и затем адмиралом военно-морского флота США; истолкование «великой морской силы» как движущей силы истории Мэхэну было необходимо для того, чтобы «теоретически» оправдать создание мощного военно-морского флота США, вышедших на арену империалистических захватов. Ссылки же на естественные условия страны и историю служили ему дымовой завесой для прикрытия империалистических устремлений США за океаны. «Справедливость» целей американского империализма Мэхэн аргументировал «силой позиции», т. е. географическим положением США. Характеризуя преимущества географического положения США, благодаря которому последним «естественно» предназначено играть

ведущую роль, Мэхэн считает, что это преимущество не будет иметь цены, если США будут отставать в отношении военной силы, которая все еще является последним аргументом как республик, так и королей.

«Родоначальник» американских геополитиков Мэхэн был видным идеологом загнивающего американского капитализма на рубеже XX столетия. За истекшие полвека роль американского империализма в системе мирового капитализма благодаря усилению его экономической мощи намного увеличилась, а направления его экспансии умножились. В соответствии с этим видоизменялась и аргументация американских геополитиков в идеологическом «обосновании» империалистических планов.

Из доктрины Монро геополитики развили идею о континентальном единстве Западного полушария и оправдывали борьбу за изгнание из этого полушария своих западноевропейских конкурентов, говоря о противоестественности их влияния в странах Америки. Свою идею «континентальной солидарности» они стремились обосновать географическим единством территории, а также якобы экономическим, политическим и культурным единством государств и народов Западного полушария.

Идея геополитиков о географическом единстве полушария выражает лишь стремления американских монополистов безраздельно хозяйничать в странах Западного полушария.

Антинаучны и произвольны утверждения американских геополитиков о наличии якобы экономической, политической и культурной общности народов Нового Света и отсутствии этой общности с народами Старого Света.

О какой исторически сложившейся экономической общности стран Латинской Америки и США можно говорить, когда до второй мировой войны основная продукция хозяйства латиноамериканских стран — сырье, зерно, мясо и др. — шла в Европу, а последняя снабжала их различными промышленными изделиями. Усилившееся во время войны и после нее экономическое господство США в латиноамериканских странах обусловливает дальнейшее усиление аграрного кризиса из-за невозможности поглотить большую и разнообразную сельскохозяйственную продукцию Южной и Северной Америки.

Так же антинаучны и политически реакционны рассуждения американских геополитиков о политическом единстве стран Западного полушария, якобы проистекающем от «континентального» единства Америки. Ни на одном из континентов земного шара нет такой резко выраженной пестроты всех известных истории форм эксплуатации и политических режимов, какая существует на американском континенте. Такова действительная картина «политической общности» государств Западного полушария.

Вопиюще нелепы утверждения геополитиков и о «культурной общности» народов так называемого Нового Света.

Единственная «общность», которая существует реально в Западном полушарии, — это насильственное подчинение всех государств Америки империалистическим США. Усиливающееся господство финансового капитала и милитаризма США в Латинской Америке — бесспорный факт, который угрожает самостоятельности и независимости всех народов Западного полушария. Против него выступают наиболее передовые и дальновидные представители американских народов. Вот эту действительную реальность и стремятся замаскировать геополитики своими антинаучными и политически реакционными идеями о «континентальной солидарности» или геополитической общности народов «Нового Света».

Политическое течение, формулировавшее стремление к мировому господству, возникло и культивировалось в империалистических кругах США с начала XX столетия. Еще в 1901 г. сенатор Генри Лодж в своем выступлении заявил, что «американский народ и непреодолимые экономические силы ведут нас к экономическому господству над миром»[1]. Но этому авантюристическому стремлению в то время противостояли политические взгляды изоляционистов. Изоляционисты являлись глашатаями панамериканизма, т. е. сторонниками господства американского империализма, только в границах Западного полушария и на морских подступах к нему.

Вторая мировая война окрылила в США носителей сумасбродных идей мирового господства. Военно-полити-

[1] См. *А. Леонтьев*, Экспансия Соединенных Штатов прежде и теперь, «Новое время» № 22 за 1947 г., стр. 9.

ческая мощь германского и японского империализма оказалась разгромленной, а английский империализм — сильно ослабленным. В этой обстановке в корне изменившегося соотношения сил внутри капиталистического мира империалистический курс на мировое господство превратился в официальную доктрину США, так называемую «доктрину Трумэна».

В послании к конгрессу от 19 декабря 1945 г. президент США Трумэн пишет: «Мы все должны признать, что победа, которую мы одержали, поставила американский народ перед лицом постоянной и жгучей необходимости руководства миром» [1]. В 1947 г. на межамериканской конференции в Рио-де-Жанейро Трумэн еще циничнее сформулировал претензии американских империалистов на мировое господство. «О нашем Западном полушарии обычно говорят как о Новом мире. То, что оно является новым миром, сейчас ясней, чем когда-либо раньше. Старый мир истощен, его цивилизация находится под угрозой, его народы страдают. Они испытывают смятение и страх за будущее. Они должны возлагать свою надежду на наш Новый мир» [2].

Не трудно заметить некоторое сходство сегодняшних заявлений Трумэна с недавними заявлениями Гитлера. Последний тоже считал, что народы мира прозябают, не имеют перспективы в своем развитии, и немцы должны «спасти» их.

Таковы первоисточники государственной мудрости американского президента Трумэна и социально-классовое существо его послевоенной доктрины.

Отрицая империалистический характер внешней политики США, геополитики объясняют последнюю естественно-географическими причинами. Стремление США к мировому господству они выводят из естественно предопределенных истоков, так называемых «геополитических факторов».

Видный американский геополитик Н. Спайкмен в изданной им в 1944 г. книге утверждает, что природа территориальной базы оказывает многостороннее влияние на внешнюю политику в мирное время. Он даже детально

---

[1] См. «Известия» от 23 декабря 1945 г.
[2] См. «Правда» от 20 октября 1947 г.

описывает непосредственное влияние отдельных элементов географической среды; так, размеры государства у него воздействуют на его относительную мощь, а естественные ресурсы влияют на густоту населения и экономическую структуру, которые сами по себе являются факторами в формировании политики. Климат, с его точки зрения, обусловливает экономическую структуру государства и таким образом не непосредственно, но безошибочно влияет на его внешнюю политику.

Стремясь надежнее скрыть империалистическую сущность современной международной позиции США, геополитик Н. Спайкмен считает неуместным даже само употребление такой терминологии, как империалистическая, или экспансионистская, внешняя политика. Он предлагает не только объяснять географическими условиями внешнюю политику и другие явления общественной жизни, но и пользоваться для этого географической терминологией.

Известно, что обострение внешнеполитических отношений между капиталистическими государствами является выражением усиления основных противоречий капитализма, порождающих войну. И геополитики, эти глашатаи стремящегося к мировому господству американского империализма, в послевоенных условиях лезут из кожи вон, чтобы подвести «благовидную» идеологическую основу под внешнюю и внутреннюю политику США в подготовке новой войны.

Еще во время войны в книге «Военные цели США» (1944) Липпман, американский публицист и обозреватель, автор книги «Иностранная политика США» (1943), развивал план создания военно-политического блока из многих государств под эгидой США, называя его «Атлантическим сообществом». Липпман считает, что в «Атлантическое сообщество», руководимое США, должны войти: Пан-Америка, Великобритания с доминионами и колониями, Франция со всеми владениями, Голландия с колониями, Норвегия, Дания, Исландия, а также Португалия, Испания, Италия, Греция, Эйре и Швеция.

Липпман осуждает политику изоляционизма как неразумную и неприемлемую для США. В ответном письме в газету «Правда» на советскую критику его плана «Атлантического сообщества» Липпман прямо признает, что

«военная география бассейна Атлантического океана такова, что военный изоляционизм представляет собою неразумную и немыслимую концепцию». «Атлантическая общность является фактом, а не теорией» [1]. По его мнению, географические условия прежде всего определяют принадлежность США, Великобритании, Франции и Канады к одной и той же стратегической системе.

В своей книге Липпман намечает план фактического господства США не только на Атлантическом океане, но и на Средиземном море и на ряде других, еще более удаленных от США пунктов и районов земного шара, которые он называет «зоной жизненных интересов» США. С наглой развязностью, присущей, особенно ныне, американским империалистам, Липпман пишет, что идея всеобщего разоружения применима... только для Тибета, который не имеет внешних сношений, не может быть завоеван, не стоит завоевания и не имеет никаких обязательств за пределами своей территории. В идеологическом оправдании экспансионистского курса американского империализма Липпман не оригинален; германские геополитики территорию для завоевания называли «жизненным пространством» Германии, а американские липпманы это именуют «зоной жизненных интересов» США. Сходство в аргументации вытекает из сходства тех сумасбродных целей, которые ставила гитлеровская Германия и которые ставят монополисты США. Другая проповедница империалистической экспансии, Клэр Люс, тоже использует аргументы геополитики и выдвигает задачу быстрого расширения владычества США. Она идет дальше Липпмана: территория США, по ее мнению, не ограничиваясь берегами Тихого и Атлантического океанов, должна включать и берега Рейна, Волги и Янцзы.

Небезинтересно отметить, что произвольная, политически реакционная, антинаучная концепция геополитиков у различных авторов развивается часто при помощи взаимоисключающих друг друга аргументов. Если Липпман идеологически обосновывает господство США во всех частях земного шара «географической общностью», то Уэллер в своей книге «Заокеанские базы» прямо заявляет, что США необходима система постоянных баз во всем мире ввиду географической отдаленности и оторван-

[1] Письмо У. Липпмана, «Правда» от 20 апреля 1945 г.

ности США от многих районов и пунктов. Как видим, доводы совсем противоположны, и логика при «обосновании» плана мирового господства США отсутствует. Очевидно, здесь важен лишь вывод, способ же доказательства — дело второстепенное. Видимо, они исходят из широко распространенного в США принципа идеалистической философии прагматизма: истинно то, что выгодно, полезно классу капиталистов.

Известно, что «доктрина Трумэна», «план Маршалла», «западный блок» и другие средства американского империализма принципиально несовместимы с политикой национальной независимости, политического суверенитета и экономической самостоятельности государств. Поэтому глашатаи англо-американского империализма маскируют свою политику экспансии и порабощения других народов пресловутой идеей космополитизма, которую в свою очередь «обосновывают» доводами от геополитики. Английский геополитик Вальтер Фицджеральд в своей книге «Новая Европа», изданной в 1945 г., решительно заявляет, что границы, отделяющие суверенные государства Европы, являются средством такого деления, которое не находит себе оправдания с географической точки зрения. Геополитики поддерживают реакционный план создания Соединенных Штатов Европы и открыто рекомендуют странам Западной Европы отказаться от своих претензий на суверенитет и независимость.

В соответствии с этим курсом экспансии американского империализма за последние годы существенно изменилось изображение и «обоснование» геополитиками панамериканизма. От оправдания прежней политики изоляционизма они перешли к обоснованию «Атлантического сообщества», раздув идею панамериканизма до бредовой мечты о господстве над всем миром.

Большинство американских геополитиков соединяет географизм с расизмом и субъективным идеализмом, а зачастую с прямым мистицизмом. Еще на рубеже нашего столетия единомышленник и ближайший друг геополитика А. Мэхэна, сенатор Беверидж, заявлял: «Мы не откажемся от предназначения нашей расы, которой бог доверил цивилизацию мира» [1].

[1] *А. Лсонтьев,* Экспансия Соединенных Штатов прежде и теперь, «Новое время» № 22 за 1947 г., стр. 9.

В 1945 г. издана одновременно в Нью-Йорке и Лондоне объемистая книга созременного теоретика американских геополитиков, профессора Уэльского университета Э. Хэнтингтона «Движущие пружины цивилизации». Автор, по специальности географ, является редактором руководящего географического журнала «Географическое обозрение». Его считают главой американских географов и геополитического течения среди них. В упомянутой книге он исходит тоже из того, что развитие цивилизации человечества обусловлено главным образом географической средой. «Как повороты автомобильной дороги находятся под влиянием гор и рек, так путь цивилизации находится под влиянием физической среды в целом» [1].

В рассуждениях американского геополитика обнаруживается по некоторым вопросам большое сходство и прямое родство его позиций со взглядами германских и американских расистов. Хэнтингтон делит народы на одаренные и неодаренные, на активно-творческие и пассивно-бездарные. Степень же одаренности, по его мнению, обусловлена климатом и биологической наследственностью.

Родство и солидаризация геополитика Хэнтингтона с германскими расистами обнаруживается и в определении немцев как наиболее «полноценной» нации. Немцы, англичане, американцы якобы «обладают необычайной энергией, которая дает возможность устранить все препятствия на пути к доминированию в мире». Уместно напомнить, что книга писалась в годы второй мировой войны и опубликована в 1945 г., т. е. тогда, когда от немецких расистов защищались народы антигитлеровской коалиции и войска этих государств уничтожали их как опаснейших для цивилизации двуногих зверей. Не трудно понять, что симпатии Э. Хэнтингтона к агрессорам в эти тяжелые годы имеют определенный, фашистский политический смысл. Конечно, он внушает, что идея господства в мире порождается не империалистическими вожделениями к порабощению и эксплуатации народов всего мира, а климатом. Так-де возникла эта идея среди мировых больших наций — Германии, Британии и США — через «все стимулирующий климат».

[1] *E. Hentington,* Mains prings of Civilization, New York 1945, стр. 14.

Итак, геополитика стала одной из идеологических основ империализма США.

Одним из политических средств американских империалистов в их стремлении к мировому господству является распространение всякого рода бредовых идей и клеветы на те народы, которые они намечают как объект «приобщения к высшей цивилизации» или которые могут быть серьезным препятствием на этом пути.

Еще в довоенное время Э. Хэнтингтон выдумал пресловутую «карту цивилизации», в которой он разделил народы мира на группы по степени их цивилизованности. СССР он отнес к одной из низших групп, наряду с колониальными и полуколониальными странами. Видимо, в империалистические планы хозяев разных хэнтингтонов — американских империалистов — уже тогда входило превращение СССР в зависимое экономически и политически от США государство, наподобие старого чанкайшистского Китая.

Хэнтингтон и другие геополитики скрывают происшедшие в нашей стране со времени Великой Октябрьской социалистической революции коренные, гигантские изменения. Выдумывая небылицы о характере и жизни народов Советского Союза, они изображают это как следствие климата и других географических факторов. Их «логика» такова: поскольку революция не могла изменить основных условий — климата и прочих географических факторов, — постольку характер и общественная жизнь людей остались такими же, так как последние «определяются» географическими факторами.

Еще в 1932 г. департаментом географии Висконсинского университета издана книга «Географический фактор, его роль в жизни и цивилизации»; в ней значительное место уделяется нашей стране и характеристике ее народов.

Цитируя одного геополитика, авторы этой книги утверждают, что «физические условия образуют характер в такой же степени, в какой скульптор формирует глину; отсюда развились те черты вялого терпения, долгой выносливости и болезненного самопожертвования, которые являются отличительными признаками современных русских людей».

Выдумками, ничего общего не имеющими с действи-

тельностью и наукой, американские геополитики стремятся исказить правду о героизме и высокой идейности нашего народа в революционном преобразовании страны.

Жизнь разбила и развеяла выдумки о характере советских народов. Не «вялое терпение», не «болезненное самопожертвование», а глубоко идейную революционность, сокрушившую самодержавие и капитализм, воспитал в себе советский народ под руководством коммунистической партии большевиков и вождей пролетарской революции и социалистического строительства — В. И. Ленина и И. В. Сталина. Сочетав в себе черты широкого размаха, деловитости, упорства и выносливости в героическом деле построения социализма и коммунизма, советский народ в сплоченной многонациональной семье проявил невиданный в истории патриотизм и самопожертвование в борьбе против угрозы фашистского порабощения. Именно советским народам обязан мир спасением цивилизации от покушений фашистских варваров.

Со второй половины XIX столетия географическое направление буржуазной социологии, отражая интересы исторически обреченного на гибель класса капиталистов, является явно реакционным течением общественной мысли. В XX столетии, особенно в последние два десятилетия, эволюционировав в геополитическое направление, вульгарный географизм буржуазной социологии стал идеологическим оружием самых реакционных и милитаристических кругов капиталистического класса — империалистов Германии, США и других стран.

3. Географизм в истории русской общественной мысли

В дореволюционное время в нашей стране также были попытки объяснить географическими условиями общественное развитие и своеобразие исторического процесса России. Сторонниками географического направления в социологии являлся ряд видных русских историков и социологов. Остановимся кратко на отдельных представителях его и рассмотрим наиболее характерные аргументы сторонников этого течения.

Еще в первой половине XIX столетия крупный русский ученый К. Бэр в специальной работе «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» развивал идею географической обусловленности общественного развития. Автор направлял главное острие своих взглядов против религиозной концепции исторического процесса и против наиболее реакционной «теории» о возникновении расовых различий и неравенства между людьми. «Нет причины думать, — писал К. Бэр, — чтобы различные народы сотворены были каждый отдельно. Гораздо с большим основанием можно предполагать, что разнообразие их произошло из различных влияний климата, пищи и общественного быта... Можно сказать, что вообще разности, замечаемые в человеческом роде, произошли от различий физических условий местности» [1].

Излагая свою точку зрения, К. Бэр не ограничивается общей ссылкой на влияние климата, как это делали Монтескье и другие западноевропейские социологи, а своеобразно развивает свой собственный взгляд на основные причины роста цивилизации народов. Впервые в литературе он указывает на роль рек в распространении цивилизации. «Так как, — писал он, — сообщение народов между собою не только пробуждает, но и распространяет образованность, то реки можно считать как бы артериями, питающими цивилизацию. Цивилизация распространяется по течению рек отчасти потому, что берега их обыкновенно плодоноснее окрестной страны, отчасти по причине движения по ним народов, по причине войны или торговли» [2].

В отличие от западноевропейских, даже ранних, представителей географического направления социологии К. Бэр более решительно формулировал свою натуралистическую концепцию истории, т. е. последовательнее признавал географическую обусловленность общественной жизни людей. «Итак, — писал К. Бэр, — мы можем сказать, — что *судьба народов определяется наперед и*

---

[1] Сборник «Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемая от Русского географического общества», Спб. 1848, стр. 226.

[2] Там же, стр. 225.

как бы неизбежно природою занимаемой ими местности»[1]. Из этих высказываний видно, что их автор стоял на фаталистических позициях признания географической обусловленности хода истории человечества. Бесспорно, что у него естественно-географическое обоснование истории проводится более смело, чем у западноевропейских социологов — Ш. Монтескье и Г. Бокля.

Не освободившись, как и все просветители, от идеализма в представлении об историческом процессе, Бэр все-таки считал, что «ход всемирной истории, конечно, более определяется внешними физическими условиями. Влияние отдельных личностей в сравнении с ними ничтожно. Они всегда почти приводили только в исполнение то, что уже было подготовлено, и, так или иначе, а должно было совершиться» [2].

Взгляды Бэра на общество, как и взгляды других сторонников географической социологии, не отражали объективной закономерности исторического процесса, по существу своему они были ненаучны. Но в конкретно исторической обстановке России первой половины XIX столетия, когда почти безраздельно господствовало реакционное, религиозное толкование закономерности развития общества, эти взгляды объективно имели прогрессивное значение. В обстановке крепостничества и принижения духовенством роли науки такой взгляд на общество содействовал поднятию авторитета науки, усилению умственной деятельности и являлся формой проявления идей просветительства, подтачивающего устои старого, религиозного воззрения на общество и окружающую природу.

При всей ошибочности взглядов Бэра его идеи в тех условиях были передовыми, они расчищали путь для развития материалистического мировоззрения в нашей стране.

Последователями географического направления в социологии являлись также видные историки России — А. П. Щапов (1830—1876) и С. М. Соловьев (1820—1879). А. П. Щапов, например, считал, что решающим условием,

---

[1] Сборник «Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемая от Русского географического общества», стр. 210.

[2] Там же, стр. 231.

определяющим границы Российской империи, является климат. Последним определялись пределы возможности земледелия, а через него — расселение и освоение территории Восточно-Европейской равнины. Таким образом, экономические условия жизни людей прежней России А. П. Щапов поставил в прямую и решающую зависимость от географических условий. Он полагал, что географические условия определяют не только экономику, но, действуя непосредственно на человека, создают физиологические особенности и специфический характер людей.

Другой сторонник географического направления в социологии, крупный историк России, С. М. Соловьев, считал, что «ход событий постоянно подчиняется природным условиям» [1]. В своем конкретном исследовании истории России он объяснял и само образование огромного Российского государства в основном географическими условиями. В частности, по его мнению, реки и речные системы обусловили историческое деление русской государственной территории. Географические условия страны, писал С. Соловьев, накладывают свой отпечаток даже на характер народа, усыпляя деятельность обилием благ природы в одних случаях и возбуждая деятельность скупостью своих даров — в других.

Следует указать, что уклонение в географизм в исторических взглядах Соловьева, как и Щапова, объективно также играло тогда некоторую прогрессивную роль. Не зная действительных законов развития истории, они тем не менее наносили удар политически реакционной концепции божественного предначертания жизни «православной Руси».

В конце прошлого столетия сторонником географического направления в социологии и одним из оригинальных мыслителей этой школы являлся видный русский публицист и социолог Л. И. Мечников (1838—1888). В своей книге «Цивилизация и великие исторические реки» в качестве главной силы, определяющей жизнь и развитие общества, он считал наличие водных путей сообщения: крупных рек, морей и океанов. «Главная задача настоящей книги, — писал Л. Мечников, — и заключается в том, чтобы выяснить и отыскать естественные, но часто

[1] *С. М. Соловьев,* История России, кн. 1, Спб. 1857, стр. 9.

таинственные, пути, при помощи которых различная физико-географическая среда оказывает влияние на судьбы народов, предоставляя некоторым из них верховенство над другими народами»[1].

Выше мы показали, что впервые о влиянии рек на историю народов писал К. Бэр, а не Л. Мечников, как утверждалось в дореволюционной литературе. Вместе с тем следует признать, что Л. Мечников на большом историческом материале обстоятельно развил свой взгляд на роль крупных рек в развитии и территориальном распространении цивилизации, в то время как Бэр формулировал его только в общем виде. Оригинальность взглядов Л. Мечникова в отличие от западноевропейских географистов-социологов состоит в выдвижении на первое место в историческом развитии водных путей сообщения и в том, что он придал своим взглядам характер историзма и теоретически более четко их развил.

Л. Мечников рассматривал периодизацию истории в зависимости от водных путей сообщения:

I. Речной период культур определил цивилизацию древних веков (Египет и Азия). II. Средиземное море определило культуру средних веков (с основания Карфагена до империи Константина Великого). III. Океанический период культур — новая история, куда входит и наша современность.

В соответствии с этой весьма произвольной периодизацией истории Л. Мечников дает особую характеристику каждой культурной фазе: цивилизация замкнутая речная, цивилизация замкнутая средиземноморская и мировая цивилизация с постоянными связями через океан.

У Мечникова разумное зерно заключается в том, что в противовес господствовавшим мистификации и идеализму он отправлялся от реальной природы как предпосылки или условия материальной жизни общества. Великие реки при определенных общественных отношениях, конечно, явились одним из условий и каналов цивилизации.

Когда он показывает различие фаз цивилизации, то получается яркая иллюстрация изменившихся способов

---

[1] *Л. И. Мечников*, Цивилизация и великие исторические реки, изд. «Голос труда», М. 1924, стр. 143.

производства. Но сам Мечников не понимал, что в основе изменившегося масштаба водного пути, изменившегося влияния географической среды лежит изменившийся способ производства материальных благ.

С позиции Л. Мечникова нельзя дать правильный ответ на основной вопрос: почему река Нил обусловила только в определенный период расцвет египетской культуры?

Даже в его собственной системе — чем объяснить переход от цивилизации рек к цивилизации морей и океанов? Причины сменяемости формаций не могут содержаться в реках, морях и океанах, поскольку эти последние остаются неизменными на всех фазах цивилизации.

Наряду с критикой следует указать, что Л. Мечников был левым, прогрессивным деятелем и оригинальным мыслителем в истории общественной мысли России. Он до конца своей жизни являлся ярым противником царизма и колониального угнетения европейскими государствами экономически отсталых народов. Он был противником расовой теории и деления людей на «избранных» и «отверженных», на «полноценные» и «неполноценные» расы. Он справедливо называл эту «теорию» лженаучным взглядом современных рабовладельцев-негроторговцев. По его мнению, расовые различия «должны рассматриваться только как результат приспособления человека к среде, т. е. к разнообразным географическим и социальным условиям»[1].

Историк В. О. Ключевский (1841—1911) также видел сущность исторического процесса, причину формирования основных склонностей, стремлений людей, их общественных отношений в географических условиях. «Несомненно то, — писал В. Ключевский, — что человек поминутно и попеременно то приспособляется к окружающей его природе, к ее силам и способам действия, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказаться, и на этой двусторонней борьбе с самим собой и с природой вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частью и свои отноше-

[1] *Л. И. Мечников,* Цивилизация и великие исторические реки, стр. 111.

ния к другим людям. И чем более природа дает возбуждения и пищи этим способностям человека, чем шире раскрывает она его внутренние силы, тем ее влияние на историю окружаемого ею населения должно быть признано более сильным, хотя бы это влияние природы сказывалось в деятельности человека, ею возбужденной и обращенной на нее же самое» [1].

С этих социологических позиций В. Ключевский подходил к объяснению экономической и культурной отсталости бывшей Российской империи. Бесконечная равнина с ее лесами и болотами, говорил он, затрудняла хозяйственное развитие восточных славян. «Этими первичными условиями жизни русских славян определилась и сравнительная медленность их развития и сравнительная простота их общественного состава, а равно и значительная своеобразность и этого развития и этого состава» [2].

Объясняя дореволюционную экономическую отсталость нашей страны в основном влиянием географических условий, В. Ключевский, крупный и признанный историк дореволюционной России, в силу этого оказывался на антинаучных, даже реакционных, классовых позициях, с которых для него исчезали главные социальные причины отсталости России — крепостнический строй России и русский царизм как его политически реакционная надстройка.

В связи с ростом и широким распространением с начала XX столетия марксизма-ленинизма географическая школа как в капиталистических странах Европы и Америки, так и в предреволюционной России становилась все более реакционным течением буржуазной общественной мысли. Свои социологические антинаучные выводы она использовала в реакционных политических целях. Наряду с доморощенными махровыми реакционерами на русском языке издавались реакционнейшие произведения географистов-иностранцев. Так, например, германский социолог-географ А. Гетнер в своей книге «Россия» высказывал немало нелепостей о судьбах народов нашей страны, которые якобы являются неизбежным следствием географической среды.

[1] *В. О. Ключевский,* Курс русской истории, ч. I, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 53.

[2] Там же, стр. 18.

А. Гетнер и другие враги нашего народа, создав «теорию» естественной бедности географических условий России, обусловленности этим экономической ее отсталости, делал прямой вывод о бесперспективности в преодолении экономической и культурной отсталости страны. Он стремился это обосновать тем, что в нашей стране якобы отсутствуют почти все естественные и хозяйственные условия общественного прогресса.

Распространение этих идей в России всячески поощрялось защитниками царизма, так как, дезориентируя читателя, они скрывали действительные причины отсталости, затушевывали реакционную роль самодержавия в развитии страны.

Гейдельбергский профессор А. Гетнер высказывал идейки, весьма нужные не только для германских империалистических захватчиков, но угодные и для столпов русского абсолютизма. По его мнению, не только экономическая отсталость, но и политическое бесправие народов царской России обусловливалось существующими географическими условиями страны.

Уже после Октябрьской социалистической революции один из русских белоэмигрантов, некий П. Савицкий, выступил с новым «научным» обоснованием географической обусловленности развития общества. Он утверждал, что исторически происходившее перемещение центров более высокой культуры должно быть объяснено различием среднегодовых температур в разных частях земной поверхности.

Центры культуры, с точки зрения П. Савицкого, перемещаются через каждые два тысячелетия из районов более высоких среднегодовых положительных температур в районы более низких температур; передвижение культурных центров происходит в район, где среднегодовая температура на 5 градусов ниже, чем в том месте, откуда она смещается. В соответствии с своей позицией автор всю историю человеческого общества разделяет на фазы:

I фаза — культурные центры со среднегодовой температурой +20° (4 000—2 000 лет до нашей эры): древнеегипетская культура.

II фаза — среднегодовая температура +15° (2 000 лет до нашей эры по начало последней). Культура Азии

и юго-востока Европы (древнегреческая и древнеримская).

III фаза — среднегодовая температура +10°. Хронологически это еще незакончившееся двухтысячелетие нашей эры, современная культура западноевропейских народов.

Далее П. Савицкий указывает, что мы находимся накануне IV фазы, когда центры культуры переместятся в пункты с среднегодовой температурой в +5°.

Ненаучность и прямая нелепость следующих из этой «теории» выводов легко может быть обнаружена, если мы применим ее для нескольких тысячелетий назад или вперед. Известно, что человек существует на земле не одну сотню тысяч лет. Идя в глубь истории и отсчитывая исторические периоды двухтысячелетиями, придется признать, что на ранних ступенях жизни людей очаги или центры их культуры находились в районах настолько высоких положительных температур, в которых фактически не мог нормально существовать и развиваться человеческий организм, или таких, которых наука не допускает ни в одной точке земной поверхности на этой стадии эволюции земного шара. И здесь не помогут никакие ссылки на остывание земли, так как наукой установлено, что остывание земного шара есть слишком медленный и малозаметный (даже в тысячелетия) процесс.

Если попытаться применить выводы П. Савицкого к будущему, то мы должны будем признать, что Арктика и Антарктика когда-нибудь в будущем превратятся в главные центры высшей культуры человечества.

Спрашивается, а куда же будут смещаться центры культуры позднее этой фазы?

Все эти и им подобные домыслы раскрывают глубину кризиса, антинаучность и политическую реакционность буржуазной общественной мысли; показывают стремление ее уйти от познания действительных законов развития общества и засорить сознание людей хламом вздорных аналогий.

Несомненную дань географическому направлению в социологии отдал и Г. В. Плеханов. Известно, что в конце XIX и начале XX столетия географическое направление оказало большое влияние и на взгляды деятелей II Интернационала.

Называя себя марксистами, последние фактически стояли на позициях враждебной марксизму буржуазной социологии. Так, например, Генрих Кунов прямо утверждал, что природа, географические условия, обладает сильным, определяющим влиянием на развитие общества. Карл Каутский тоже считал природные условия причиной, а общественные изменения следствием в историческом развитии. Это прямое искажение исторического материализма совершалось Каутским в угоду буржуазии.

Этому влиянию подвергся Г. В. Плеханов, который, отступая от исторического материализма Маркса, впадал в географический уклон. «Современная географическая наука, — писал Плеханов, имея в виду теорию Л. Мечникова, — вполне соглашается в этом случае с диалектическим материализмом» [1].

Стремясь согласовать географическую социологию с историческим материализмом, Плеханов своеобразно и также неправильно истолковал влияние географической среды. По мнению Плеханова, «влияние географической среды сказывается прежде всего и в сильнейшей степени на характере *общественных отношений*...» [2]

Плеханов как марксист признавал, что люди активно воздействуют на окружающую природу и что степень власти человека над природой обусловлена не географической средой, не самой природой, а уровнем развития производительных сил. Но когда дело доходило до объяснения причины развития производительных сил, тогда Плеханов ошибочно считал этой причиной географическую среду. «Развитие производительных сил, — писал он, — само определяется свойствами окружающей людей географической среды» [3].

Эти ошибочные высказывания Плеханова содержатся и в одном из его лучших произведений — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Еще более ярко ошибочная точка зрения в оценке географической среды выступала у Плеханова в последующих произведениях. В сборнике статей «Критика наших критиков»

---

[1] *Г. В. Плеханов,* Соч., т. VII, 1923, стр. 286.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 244.

Плеханов утверждал, что «прежде всего от свойств географической среды зависит состояние *производительных сил,* находящихся в распоряжении людей»[1]. Наконец, в работе «Основные вопросы марксизма» Плеханов вновь и неоднократно указывает, что «развитие производительных сил, определяющее собою, в последнем счете, развитие всех общественных отношений, определяется *свойствами географической среды*»[2].

Географический уклон Плеханова проистекал из недопонимания им основного положения исторического материализма: «Развиваясь в зависимости от развития производительных сил, производственные отношения в свою очередь воздействуют на развитие производительных сил, ускоряя его или замедляя»[3].

Не умея последовательно применить марксистский диалектический метод к познанию закономерности общественной жизни, Плеханов не смог дать научного решения вопроса о роли географической среды в развитии общества, он оказался под влиянием одной из школ буржуазной социологии.

Использование географического направления буржуазной социологией, выступающей против учения марксизма о законах общественного развития, впоследствии продолжалось механистами и меньшевиствующими идеалистами в борьбе против ленинизма.

В экономических и географических науках разносчики буржуазных идей переоценивали роль географической среды и отрицали прогрессивную, революционизирующую роль новых общественных закономерностей советского социалистического строя. В отдельных науках враги народа стремились использовать эти буржуазные идеи во вредительских целях как против развития социалистического хозяйства, так и против дальнейшего развития науки в нашей стране.

Взгляды географического направления буржуазной социологии проникали в нашу страну через отдельные переводные издания зарубежной литературы.

---

[1] *Г. В. Плеханов,* Соч., т. XI, 1923, стр. 312.
[2] *Г. В. Плеханов,* Соч., т. XVIII, 1928, стр. 206.
[3] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 552—553.

Верным средством против реакционного влияния капиталистического окружения является вооружение советских людей научным марксистско-ленинским учением о законах развития общества и в частности правильным пониманием роли географических условий в развитии общества. В этом отношении огромную роль сыграло появление в свет работы товарища И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», в которой дано четкое и вполне исчерпывающее теоретическое решение вопроса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВА НА ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ СРЕДУ

1. Характер и формы влияния географической среды на развитие общества

Марксизм-ленинизм отнюдь не отрицает влияния географической среды на развитие общества. В противоположность буржуазным социологам, отрицающим или переоценивающим это влияние, исторический материализм впервые в истории поднимает данную проблему на уровень науки и дает исчерпывающее научное решение ее. Развитие общества происходит не изолированно от окружающей природы, а во взаимодействии с ней. Общество — часть природы.

Географическая среда является необходимым, постоянным, естественным условием материальной жизни общества.

Но географическая среда является не единственным условием, а лишь одним из условий материальной жизни общества. Изучение влияния географической среды на развитие общества показывает, что оно не является определяющим. «В чем же, в таком случае, — ставит вопрос товарищ Сталин, — состоит та главная сила в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому?»[1] И товарищ Сталин дает исчерпывающий ответ: «Такой силой исторический материализм считает *способ добывания средств к жизни,* необходимых для существования людей, *способ производства материальных благ* — пищи,

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 550.

одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться»[1].

Открытием законов развития общества основоположники марксизма-ленинизма впервые в истории создали науку об обществе. Они раскрыли действительные, материальные законы общественного развития, показали историческую закономерность в смене способов производства. Развивая исторический материализм, они установили, что неизменного человеческого общества вообще никогда не было, что общество представляет конкретную на данном историческом этапе социально-экономическую формацию.

Общественно-экономическая формация является исторически конкретной системой единства производительных сил и производственных отношений — системой, облаченной соответствующими политико-юридическими формами, а также соответствующими формами общественного сознания. «Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»[2]. Исторически существовали различные, сменявшие друг друга общества: первобытно-общинное, рабовладельческое, феодальное, в современных условиях существуют капиталистическое общество и — на одной шестой части земли, в СССР, — социалистическое общество, представляющее собою первую фазу высшей коммунистической формации. В переходный период от капитализма к социализму вступили страны народной демократии.

Основной причиной, определяющей общественные формации и их смену, является не географическая среда, а тот или иной способ производства, имеющий свои особые законы развития.

Влияние географической среды нельзя признать решающим в изменении общества. «Ее влияние, — пишет товарищ Сталин, — не является *определяющим* влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географи-

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 550.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 390.

ческой среды. На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя. Между тем за тот же период географические условия в Европе либо не изменились вовсе, либо изменились до того незначительно, что география отказывается даже говорить об этом. Оно и понятно. Для сколько-нибудь серьезных изменений географической среды требуются миллионы лет, тогда как даже для серьезнейших изменений общественного строя людей достаточно нескольких сотен или пары тысяч лет» [1].

Итак, являясь постоянным условием материальной жизни общества, географическая среда никогда в истории не была движущей силой общественного развития. Она только естественная предпосылка для развития общества. Для удовлетворения своих потребностей люди не просто обращаются к окружающей природе, а производят орудия труда, посредством которых воздействуют, преобразуют и используют природу. В отличие от животных они питаются не просто продуктами природы, а продуктами труда, произведенными в процессе общественного производства.

В чем же и в каких формах сказывается и проявляется воздействие географической среды на человеческое общество? Ее влияние на протяжении всей истории выражается в том, что она ускоряет или замедляет ход развития общества. Влияние данной географической среды особенно сильно на ранних ступенях развития общества, когда производительные силы человека были еще слишком примитивны и разница в затратах и размерах необходимого труда была различной у народов разных географических зон. Определенные географические условия явились естественной предпосылкой зарождения и развития земледелия и особенностей его на различных ступенях развития производительных сил общества. Приручение диких животных также было возможно при наличии благоприятной географической среды, с ее фауной и флорой, с ее определенными климатическими и другими условиями.

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 113.

На ранних ступенях развития человечества различие естественных географических условий сказывалось на естественном разделении труда, а при соответствующем уровне производительных сил, когда возможен был прибавочный продукт, — и на обмене продуктами труда между разными общинами, племенами. Люди всегда учитывают своеобразие географической среды при производстве орудий труда, жилищ и одежды. На одни стороны общественной жизни географические условия влияют непосредственно, на другие — опосредованно, через целый ряд промежуточных звеньев.

Рассмотрим более конкретно влияние географической среды на различные стороны общественной жизни людей.

Известно, что со времени своего возникновения и на всех последующих ступенях своего развития люди затрачивают определенное, исторически необходимое время труда для поддержания и воспроизводства своей жизни.

Необходимое время труда первобытного человека вследствие низкой производительности труда было во много раз больше, чем на последующих ступенях истории человека, хотя уровень потребностей первого был крайне низок. К. Маркс указывает, что размер или интенсивность затраченного труда, составляющего необходимое рабочее время, различны в разных географических условиях. «Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя» [1].

Это указание Карла Маркса дает нам ответ на важный вопрос — почему древнейшие цивилизации возникли у народов южных стран. Одной из причин этого исторического явления были более благоприятные условия географической среды. Последняя способствовала тому, что затрата на необходимое рабочее время была незначительной и, следовательно, даже при тогдашнем низком уровне развития производительных сил открывалась возможность для возникновения прибавочного продукта, следовательно

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 516.

возникали экономические условия для эксплуатации чужого труда, разделения общества на классы, усиления эксплуататорского класса и развития его культуры. Таким образом, географическая среда способствовала тому, что развитие отдельных народов южных стран опережало развитие народов других стран, с менее благоприятными географическими условиями. Климат древнего Египта, например, при крайне низком уровне материальной жизни людей более благоприятствовал развитию общественной жизни, так как он не требовал таких больших затрат труда на изготовление жилищ и одежды, какие были необходимы людям более холодного климата.

Но влияние благоприятной географической среды многообразно и имеет свою обратную сторону. «Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью» [1].

Следовательно, географическая среда стран с теплым климатом, необходимым минимумом воды, обилием солнца и богатой растительностью давала преимущества людям только на ранней ступени их общественной материальной жизни. На последующих стадиях развития этой жизни данная географическая среда в некоторой мере превращалась в свою противоположность — не стимулировала дальнейшего развития. Прежде всего, как указывает К. Маркс, она не делала острейшей необходимостью последующий прогресс материальной жизни общества, не порождала разнообразия средств и способов труда.

Поэтому «не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, это разнообразие способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать ее или подчинить ее при помощи сооружений крупного масштаба,

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 516—517.

возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности» [1].

Как уже было сказано, характер и формы влияния географической среды на общество различны. Об этом пишет К. Маркс в конспекте книги Л. Моргана «Древнее общество», указывая, что «*Европа,* как *лесная* по преимуществу *зона,* была непригодна для пастушеской жизни; напротив, *степи Центральной Азии* и (долины) *Евфрата, Тигра* и других азиатских рек явились *естественной родиной пастушеских племен.* Туда они, естественно, должны были стремиться» [2].

На ранних ступенях развития общества, когда люди жили небольшими общинами и их хозяйство являлось еще замкнутым, географическая среда влияла даже на виды производства этих небольших общественных объединений людей, благоприятствуя развитию одних и не благоприятствуя возникновению других видов производства. «Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам» [3].

Есть основание полагать, что ввиду сильной зависимости первобытного производства от данных, непосредственных географических условий прохождение народов через стадии рыболовства, охотничества не было везде исторически необходимой и обязательной ступенью их развития. В силу своеобразия географической среды эти виды первобытного производства могли и не стать господствующими, а являлись только подсобными, подчиненными господствующему производству. Исключительно охотничьих народов, т. е. таких, которые жили бы только охотой на зверей, никогда не существовало; для этого результаты охоты слишком были ненадежны.

Фридрих Лист (1789—1846) и ряд других западноевропейских исследователей выдвигали абстрактную схему исторической последовательности хозяйственных форм жизни древнейших людей. Согласно этой схеме все чело-

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 517.

[2] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. IX, Госполитиздат, 1941, стр. 47.

[3] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 359.

вещество в древнейшие времена прошло вначале стадию охоты, затем — пастушества и только впоследствии — земледелия. Эта точка зрения опровергается новейшими научными данными. В частности такой подход основан на игнорировании изучения различий географической среды и ее влияния на материальную жизнь общества. Несомненно, что земледелие является более поздней ступенью общественного производства, чем охота. Но не обязательно, чтобы люди всюду прошли в чистой, так сказать, форме все исторические ступени, в том числе ступень пастушества.

Последние археологические и другие научные материалы показывают, что некоторые народы от стадии собирания плодов, корней и пр. переходили к охоте и затем к земледелию; не у всех народов пастушество существовало в качестве особой ступени их хозяйственного развития. Мы знаем также немало фактов, когда отдельные народы даже в новое время не знали еще земледелия, а занимались скотоводством.

Исторический материализм требует изучения развития общества во всем конкретно историческом своеобразии условий его развития. «Один и тот же экономический базис, — писал К. Маркс, — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [1].

Например, у американских племен вплоть до открытия Америки не было другого рабочего и молочного скота, кроме лам. Америка имела растения, не известные Старому Свету: картофель, табак, какао, из злаков — маис (кукуруза). Но Старый Свет обладал почти всеми поддающимися приручению животными, кроме ламы, и всеми пригодными для выращивания культурами злаков, кроме одного — маиса [2]. К моменту открытия Америки существо-

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 804.

[2] См. *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1949, стр. 22—23 и др.

вало большое различие в уровне общественного развития Старого и Нового Света. Но особенности видов растениеводства и животноводства двух полушарий в известной мере должны быть объяснены различием географических условий.

Люди Старого Света жили в неодинаковых географических условиях. «Условия климата и почвы, особенно огромные пространства пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия» [1].

Географическая среда оказывала значительное влияние на исторический процесс раннего развития народов и нашей страны. В эпоху древней Руси и позже по всей территории Восточно-Европейской равнины жили предки русского народа. Украинские и Донские степи, Приволжье, Приуралье и Север представляли собой большие возможности для их освоения.

Однако географические условия Восточно-Европейской равнины были различны. В почвенно-растительном, животном и климатическом отношении вся эта огромная равнина резко отличалась в южной и северной своей части: южная — степная, засушливая с богатой травянистой растительностью и северная — переувлажненная и сплошь лесная. На юго-востоке азиатские и прикаспийские пустынные и полупустынные засушливые песчаные территории переходят в более богатые растительностью и водою придонские и приднепровские степи, богатые черноземом. Далее к северу начинались районы со все более часто встречающимися перелесками и лесами и с менее плодородными подзолистыми почвами, местами значительно заболоченными, с множеством обильных рыбой рек и озер. Еще дальше к северу огромные пространства были заняты сплошными лесами, в которых имелось обилие ценных зверей. При этом следует учитывать, что в отдаленные исторические времена распространение лесов шло намного дальше на юг, чем в наше время. Так, например, в X столетии вокруг Киева местность была почти сплошь покрыта лесами.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 347.

Естественно, неодинаковые географические условия Восточно-Европейской равнины различно благоприятствовали развитию земледелия и особенно последующей специализации его. Известно, что земледелие зародилось сначала на юге, его первыми центрами были киевские, черниговские и другие южностепные земли.

Лесистый север по-иному влиял на характер материальной жизни славян. Характер их земледельческой культуры был обусловлен здесь иными природными условиями. «Земледелие и хлебопашество могли вестись в лесах в виде первобытной подсечной системы, малопроизводительной, требующей больших затрат труда и участия больших коллективов в работе. Поэтому род и большая семья на севере сохраняются дольше, чем на быстро эволюционирующем юге» [1].

При тогдашней примитивной технике обилие болот и лесов на севере, особенно в Новгородской земле, сильно ограничивало возможность распашки земель; избыток влаги, заморозки и плохая почва делали эти большие затраты труда мало производительными.

Но вместе с тем географические условия тогдашних северных районов с обширными лесами и обилием зверя благоприятствовали возникновению здесь других способов приложения труда: охоты, бортничества (пчеловодства) и др.

По климатическим условиям здесь было необходимо производство теплой одежды из меха зверей. С развитием обмена развитие этой отрасли труда получает свое дальнейшее и широкое распространение. «В более северных лесных областях, — пишет профессор П. Ляпенко, — охота, звероловство, рыболовство, бортничество получали значение важных народных промыслов. Скудость почвы, лесистость, неблагоприятный климат часто препятствовали здесь развитию земледелия. Необъятные леса и обилие вод щедро вознаграждали своими богатствами за скудость почвы.

...Пушные звери являлись главным богатством Новгородского края, в особенности в северных его частях. Область Югры славилась соболями, Двинская земля —

[1] *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. 1, Госполитиздат, 1947, стр. 84.

бобрами, куницами, Печорский край — горностаями, песцами, лисицами, куницами. Белок было так много, что торговля ими шла на десятки тысяч шкур, и беличьи шкуры употреблялись как мелкие деньги. Разнообразные рыболовные угодья, годные для промысловой эксплоатации, дополняли обилие и богатство природных условий»[1].

Эта конкретная характеристика материальной жизни наших предков северных районов страны наглядно показывает, какое существенное влияние на их жизнь оказывала географическая среда, сколь своеобразны были формы влияния ее на низкой ступени развития производительных сил.

Вместе с тем другие географические особенности Восточно-Европейской равнины неблагоприятно отражались на общественной жизни населявших ее народов. Открытый равнинный характер всей ее территории и отсутствие естественных преград в некоторой мере благоприятствовали военным нашествиям с юго-востока кочевых народов, которые разоряли, а то и прямо опустошали всю территорию, замедляя этим экономическое развитие складывающейся России.

Важную роль в общественной жизни играл и такой элемент географической среды, как крупные реки и моря. В частности жителей обширных территорий Восточно-Европейской равнины с ранних времен связывали между собой крупные реки. Через системы рек Волги, Дона, Волхова, Днепра, Двины, Вислы и других и через моря славяне получали выходы к отдаленным странам запада, юго-запада, юго-востока и востока.

Влияние географической среды сказывалось и на выборе местоположения городов. Известно, что возникновение городов обусловлено социально-экономическими причинами: развитием производительных сил, разделением труда, отделением ремесла от земледелия. Развитие товарных форм хозяйства еще в недрах феодального общества обусловило возникновение и быстрый рост городов как ремесленно-торговых центров. Правда, многие из русских городов зарождались как военно-административные центры на окраинах складывавшегося мощного Российского

[1] *П. И. Лященко,* История народного хозяйства СССР, т. I, стр. 132—133.

государства. Но и они одновременно или становились экономическими центрами, или хирели и отмирали. Если бы мы поставили перед собой задачу выяснить не решающие условия возникновения городов, а непосредственную причину создания данного города именно на данном месте, при существовавшем тогда уровне производительных сил, то при объяснении этого явления мы должны будем признать большое влияние географической среды. Обычно города возникали в той географической точке местности, которая по природным условиям могла иметь лучшую связь и более доступные пути сообщения между людьми. Известно, что вначале как пути сообщения осваивались реки, затем моря, поэтому города чаще всего возникали на берегах и в устьях больших рек или на берегах удобных бухт.

В общей совокупности условий общественного производства и воспроизводства удобство расположения к естественным водным путям сообщения играло, несомненно, свою положительную роль. Так, для средневекового города особое значение имело положение по отношению к удобным путям сообщения, а так как из числа естественных путей море и судоходные реки имели первенствующее значение, то подавляющая часть значительных городов располагалась в более или менее тесной близости к морским или речным путям. Лишь в эпоху промышленного капитализма, с изобретением паровой машины люди приступили к созданию длинных и грузоподъемных сухопутных дорог.

Только с развитием сухопутного транспорта города стали строиться не только на берегах рек и морей, но также в других районах скопления населения и больших запасов сырья.

В древности для нашей страны торговой магистралью являлся «путь из варяг в греки», по рекам Волхову и Днепру. И главнейшие города тогда возникали именно на этих реках. Порожденные экономическим развитием страны более молодые города других районов также возникали у берегов крупных рек. Почти все города центральной и восточно-европейской части России возникали у берегов Волги или ее притоков, северные города — на берегах северных рек и сибирские — у крупных рек Сибири.

Позднее, к началу XVIII века, агрессивные государства запада и юго-восточной Европы, захватив устья русских рек, стремились препятствовать росту связей нашего народа с народами запада и востока, связей, порожденных новым уровнем развития производительных сил и новыми общественными потребностями. Бесспорно, что обусловленная экономическим развитием, справедливая борьба России за освобождение невско-балтийских и черноморских берегов определялась в известной мере географическими условиями. Воспевая новую столицу — Петербург, великий русский поэт А. С. Пушкин весьма образно сказал:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно;
Ногою твердой стать при море,
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам.

Влияние географической среды сказывалось также на развитии того или другого вида ремесла, кустарного промысла, а затем и промышленности России XIX века, ускоряя рост их в северных губерниях. Однако и в этом выражалось активное отношение человеческого общества к географической среде. Здесь, как и всюду, люди не являлись объектом воздействия географической среды. Люди выступали активным субъектом, использующим географическую среду как условие материальной жизни общества. Для преодоления неблагоприятных условий люди развивали здесь общественное производство несколько своеобразно. Низкая производительность труда в земледелии толкала их на развертывание других видов общественного производства. Развитию же кустарных промыслов в северных и нечерноземных центральных губерниях благоприятствовали местные географические условия, дававшие в обильном количестве сырье для этих видов общественного производства.

В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» показывает, что в пореформенный период развитие ремесел и кустарных промыслов получает особенно большой размах в нечерноземных губерниях центра и северо-востока России. Очевидно, здесь оказали некоторое влияние географические условия, как то: а) относительная малоплодородность почвы и поэтому низкая эффектив-

ность земледельческого труда, б) долгие и холодные зимы, создающие крестьянству невольный большой перерыв в сельскохозяйственных работах, в) наличие на месте природных материалов, используемых в качестве сырья, — древесина, глина, минералы, волокнистые растения, кожа и шерсть животных и др.

С зарождением и развитием капитализма, еще в недрах феодального общества уничтожались натуральные, замкнутые формы хозяйства, внедрялось товарное хозяйство и складывались постоянные и все более широкие связи между отдельными областями и государствами. Еще в докапиталистических условиях сложившиеся различия в образе жизни и производимых продуктах между обособленно развивавшимися народами явились естественной предпосылкой для возникновения обмена. Сам по себе обмен не создавал различий между сферами производства, но устанавливал связь между ранее сложившимися под влиянием географической среды различными сферами производства. К. Маркс говорит об этих различиях как об одном из условий возникновения современного товарного производства. «Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары» [1].

Капитализм на новом уровне развития производительных сил создавал новое общественное разделение труда. На это обусловленное социальными причинами разделение общественного труда оказывала и оказывает влияние географическая среда. Например, наличие рудных запасов определяет возможное производственное лицо данного района, определяет размах, какого может достигнуть данная отрасль производства. В этом смысле географическая среда влияет и на международное разделение труда. Однако колониальные интересы империалистических стран и противоречия между колониями и метрополиями, а также противоречия между самими империалистическими странами уродуют общественное разделение труда в капиталистическом обществе. Только после победы социалистической революции, с развитием планового социалистического хозяйства возможно рациональное обще-

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 359.

ственное разделение труда, использующего полностью преимущества географической среды как одного из материальных условий общественного производства.

Различие географических условий разных районов, влияющих на общественное разделение труда, выражается в богатстве минеральными ресурсами, в плодородии земель и благоприятности климата, в степени удобства транспортно-территориального положения, в сочетании нужного комплекса сырьевых ресурсов и в других особенностях. Известно, что железо, уголь, нефть, гидроэнергия, леса, плодородие почв и многие другие естественные богатства природы распределены неравномерно и имеются не всюду. Одни страны имеют больше, другие меньше, а третьи совсем не имеют некоторых природных богатств, необходимых для современного общественного производства.

Рост крупной промышленности не может происходить без сырья, топлива и т. д. Географическая среда влияет на размещение не только добывающих, но и перерабатывающих отраслей промышленности, особенно таких, которые требуют большого количества топлива или громоздкого сырья.

Еще создатели русской уральской металлургии в конце XVII века практически учитывали всю важность влияния географической среды. Постановлением от 10 июня 1697 г. Петр I решил «завесть большой железный завод» на реке Нейве (или Невье). Выбор места строительства первого доменного Невьянского завода на Урале был обстоятельно обоснован в директиве верхотурскому воеводе. Из Сибирского Приказа царя писали, что завод надо построить «на пристойных местах, на речке, где без великих трудов и расходов... возможно и пристойнее, в недальном расстоянии от тех руд и близ рек судовых, которыми б мочно железо водою в понизовые, сибирские и русские городы отпускать, построить плотину для молотовых и больших мехов подъему и при которых местах сыщутся многие... леса»[1].

На Урале были налицо благоприятные условия для

[1] Цитирую по книге П. Г. Любомирова «Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России», Соцэкгиз, Ленинград 1937, стр. 32.

развития металлургии. Кроме высококачественной руды на месте имелся лес, служивший строительным материалом для шахт и заводов и топливом для плавки руды. Горные реки давали двигательную силу заводу и дешевый путь для перевозки.

Производство продовольственных и технических культур у различных народов земного шара весьма разнообразно и отчасти также объясняется различием естественных условий общественного производства. Именно разнообразием географической среды в некоторой мере мы можем объяснить своеобразие сельскохозяйственных культур у различных народов одной и той же ступени исторического развития.

Географическая среда, несомненно, оказывает влияние на межрайонное и международное разделение труда и размещение промышленности. Однако это влияние не является решающим, и объяснение разделения труда только географическими условиями привело бы к искажению объективной картины распространения различных отраслей общественного производства по районам и странам. Изучение истории общественного производства показывает, что само возникновение разделения труда вызвано социальными причинами — ростом производства, создающего прибавочный продукт, предназначенный для обмена. С развитием торговли разделение труда изменилось и продолжает изменяться в наше время.

«В XIV и XV веках, — пишет К. Маркс, — когда еще не было колоний, когда Америка еще не существовала для Европы, а с Азией сношения велись лишь через Константинополь, когда Средиземное море было центром торговой деятельности, — в то время разделение труда имело совсем иную форму и иной характер, чем в XVII веке, когда испанцы, португальцы, голландцы, англичане и французы основали колонии во всех частях света» [1].

Географические условия жизни народов Индонезийских островов и некоторых районов Азии во многом являются более благоприятными, чем у народов большей части Европы. Тем не менее народы Европы в своем общественном развитии поднялись гораздо выше, чем внеевропейские народы. Это объясняется тем, что экономиче-

[1] *К. Маркс,* Нищета философии, Госполитиздат, 1941, стр. 110.

ское и культурное развитие европейских народов происходило на более широкой основе производственного опыта и разнообразия условий производства, чем народов тихоокеанского бассейна, длительно находившихся в стороне от этого мощного развития производительных сил. Эту неравномерность в дальнейшем усиливала колониальная политика капиталистических стран.

В другой связи указывалось, что крупный русский историк В. Ключевский объяснял экономическую и культурную отсталость прежней России своеобразной географической средой — равнинно-степным характером местности, удаленностью от торговых путей. Теперь эта теория опровергнута не только теоретически. Практика социалистического строительства показала, что основная причина отсталости бывшей царской Российской империи коренилась в общественном строе.

Уничтожение Великой Октябрьской революцией старых, отсталых общественных отношений, сильно тормозивших общественный прогресс, и создание новых, передовых социалистических общественных отношений позволило менее чем за два десятилетия превратить нашу страну из экономически отсталой в технически передовое социалистическое мощное индустриально-колхозное государство. Это произошло, как мы знаем, не стихийно, не в порядке самотека, а по воле пролетариата, выражаемой большевистской партией Ленина — Сталина. Коренное изменение экономического, политического и культурного облика жизни народов СССР произошло в тех же географических условиях благодаря творческой революционной деятельности многомиллионных масс, вооруженных подлинной наукой о законах общественного развития — марксизмом-ленинизмом — и направленных на эти величественные преобразования нашей партией и ее основоположниками — Лениным и Сталиным.

Благодаря победе социалистической революции оказалось возможным уничтожить вековую отсталость царской России в немыслимые при капитализме короткие сроки. Эта важнейшая политическая задача, поставленная Лениным и Сталиным, диктовалась в условиях враждебного капиталистического окружения жизненной необходимостью. «Мы, — говорил товарищ Сталин в 1931 г., — отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны

пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[1].

Страна выполнила эту задачу, поставленную товарищем Сталиным. Она одолела империалистов в Отечественной войне, потому что в 10 лет преодолела путь, который при обычных темпах прошла бы только за столетие.

Географическая среда является необходимым, постоянным, предварительным и сопутствующим, но не ведущим условием материальной жизни людей. Она благоприятствует этой жизни или затрудняет ее развитие. Например, крайний север Европы, Азии и Америки длительно оставался необитаемым из-за недостатка тепла и излишка влаги, а пустыни Африки и Азии — из-за излишка тепла и недостатка влаги. Но всюду на фоне географической среды жизнь людей определялась историческими законами самого *общественного* развития. Этим должны быть объяснены многие исторические явления, когда народы благоприятнейших географических условий оказывались в своем развитии стоящими ниже, чем народы менее благоприятных географических условий.

Недра земли, ее поверхность, реки, моря, климат — все то, что является географической средой для человеческого общества, — существуют десятки тысяч лет. Однако народы, обитатели данной географической среды, то поднимались до роли передовых, то нисходили до положения зависимых, а то и просто погибали. Если бы географическая среда являлась определяющим условием и движущей силой исторического процесса, то положение народов в одних и тех же географических условиях не могло подвергаться таким резким изменениям.

С точки зрения буржуазных вульгарных географистов, утверждающих, что географическая среда — определяющая основа в развитии общества, совершенно невозможно правильно понять и объяснить столь превратные судьбы народов древнего и нового времени. Точно так же с этих позиций невозможно научно объяснить и того, почему реки, моря, океаны и прочие географические факторы играют различную роль в разные эпохи, при разных условиях развития производительных сил. Многие из географи-

[1] *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 329.

ческих факторов при одних конкретно-исторических условиях играют отрицательную роль, а при других — положительную.

Первобытный охотник, например, благоприятно использовал такой географический фактор, как лес, где водилось много зверя. С приручением животных и с переходом к скотоводству лес становился помехой. Пастушеские племена откочевывали в открытые степи. С развитием земледелия человеку также нужны были открытые, безлесные плодородные почвы. Лес мешал земледельцу, он был главным препятствием на пути распространения земледелия вширь. Леса уничтожались как главное препятствие воспроизводства материальной жизни земледельческих народов. Наоборот, в наше время отсутствие лесов, хищнически истребленных в эпоху феодализма и капитализма, в свою очередь становится помехой дальнейшего прогресса сельскохозяйственного производства. Социалистическое общество ставит перед собой задачу широких полезащитных лесных насаждений. Необходимо подчеркнуть, что такая задача может быть решена только при социализме.

В период усиленной колонизации европейцами Северной Америки туземное население оттеснялось из районов с благоприятными для развития сельского хозяйства географическими условиями в районы неблагоприятные. В один из таких неблагоприятных районов Северной Оклогамы в начале XIX века были вытеснены туземцы из племени Осаджи. Через несколько десятилетий, с появлением массовой потребности в нефти и развитием ее добычи, было установлено, что бесплодная, суровая местность Оклогамы богата запасами нефти. В результате неблагоприятные географические условия резко превратились в благоприятные для европейских колонизаторов, которые поэтому вновь согнали американские племена и с этой территории.

Географическое положение древней Греции благоприятствовало выполнению той исторической роли, которую она сыграла в поступательном развитии человечества, в развитии классической рабовладельческой культуры.

С развитием рабовладельческого способа производства в странах средиземноморского бассейна потребность в пополнении рабской силы, в экономическом и культур-

ном обмене требовали развития мореплавания. Вдаваясь полуостровом в море и располагая удобными естественными гаванями, Греция стала центром торговых путей между государствами древних цивилизаций Азии, Африки и более молодыми по развитию народами Европы.

Древние греки сумели использовать свое выгодное экономическое и географическое положение и подняли цивилизацию рабовладельческого общества на высоту, которой ни одной из стран этого древнего способа производства не удалось достигнуть. Таким образом, древним грекам географическая среда благоприятствовала в успешном разрешении социальных задач, порожденных развитием производительных сил той эпохи. Наоборот, в эпоху империализма и пролетарских революций географические условия Греции играют иную роль. Греция расположена на главном пути, через который Великобритания держит связь с колониями Востока. Понятно, что создание в Греции независимого демократического государства не устраивает английских империалистов, поскольку греческий народ, провозгласив демократические принципы гуманизма, стал бы противодействовать английской колониальной эксплуатации народов Востока. Поэтому все силы англо-американских финансовых магнатов направлены к тому, чтобы удержать современную Грецию в сфере своего политического влияния, вопреки воле греческого народа, в качестве послушного монархического гнезда реакции. Укрепившись в Греции, империалисты стремятся закабалить народы и других Балканских стран, прервав их развитие по пути к социализму.

Отрицая империалистические стремления, американские геополитики стараются доказать естественно-географическую обусловленность экспансии США в Средиземном море и в частности в Греции. Но как совершенно невозможно объяснить географическими условиями причину упадка древнегреческой культуры, так же невозможно географическими причинами доказать стремление к мировому господству современных крупных империалистических государств и в частности их кровавый способ подавления движения за независимость демократической Греции.

С позиции геополитиков нельзя ответить и на вопрос — почему одни и те же так называемые «причины» поро-

ждают прямо противоположные следствия; почему в древности греческий народ занял ведущую роль в развитии культуры, а в наши дни ему навязывают бесславную роль орудия англо-американского империализма, путевого сторожа на их коммуникации и очага международной реакции среди свободных балканских народов.

Только знание подлинных законов развития общества и их всестороннее глубокое научное исследование показывает, что быстрый общественный прогресс или экономическая отсталость (и как следствие последней потеря экономической и политической независимости) общества определяется той ролью, какую данная экономическая формация занимает в поступательном историческом движении. При этом исторический материализм не отрицает, что при определенном способе производства географические условия могут более благоприятствовать или совсем не благоприятствовать, тормозить разрешение стоящих перед обществом противоречий и задач.

Географическая среда оказывает значительное влияние на размещение промышленности, но этим влиянием нельзя объяснять ни возникновения новых отраслей промышленности, ни их последующего развития. Известно, что в природе существуют разнообразные естественные богатства, используемые современной промышленностью в качестве сырья или энергии. Многие из этих материалов продолжительное время совершенно не использовались, и только на соответствующем уровне развития производительных сил возникла общественная потребность в том или ином естественном материале.

Было бы бессмысленно утверждать, что огромные залежи каменного угля какой-то географической местности благотворно влияли на материальную жизнь людей данной местности в те эпохи, когда еще не было массового использования каменного угля. «Только с появлением паровой машины, — пишет Ф. Энгельс, — обширные *угольные копи* Англии получили значение; только теперь зародилось *производство машин,* а с ним усилился интерес к *железным рудникам,* поставлявшим сырой материал для машин; повышенное потребление шерсти подняло английское овцеводство, а усилившийся ввоз шерсти, льна и шелка вызвал рост английского торгового флота» [1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. III, стр. 310.

Социальные факторы развивающегося общества обусловливают открытие новых благоприятных возможностей географической среды и создают условия для их использования. В противовес метафизическим взглядам сторонников географического детерминизма марксизм-ленинизм раскрывает исторически изменяющийся характер влияния того или иного географического фактора. Известно, что только с изобретением средств водного транспорта реки, моря и океаны стали важнейшим средством связи между народами, а до этого они *разъединяли* народы, *мешали* их общению. Изменилось также влияние горных преград, болот, непроходимых лесов и других географических особенностей материков. «Горные преграды, — писал Ф. Энгельс, — отделявшие австрийскую монархию от внешнего мира, Богемию от Моравии и Австрии, Австрию от Штирии, Штирию от Иллирии, Иллирию от Ломбардии, — эти преграды перестают существовать при возникновении железных дорог. Гранитные стены, позволявшие каждой провинции сохранять свой особый национальный состав и вести замкнутую местную жизнь, перестают служить преградой» [1].

В дореволюционной и зарубежной литературе встречаются указания, что причиной раннего возникновения в Англии металлургической и машиностроительной промышленности являются благоприятствовавшие этому географические условия — наличие угля и пр. Но это утверждение не верно исторически и теоретически. Ф. Энгельс в своем произведении «Положение рабочего класса в Англии» показывает, что Англия потребляла некоторое время привозное железо, в том числе и русское, доставляемое с Урала. Известно, что до изобретения пудлингования, т. е. превращения чугуна в ковкое железо, последнее производилось путем накаливания только с помощью древесного угля. В Англии же древесного угля недоставало, а применение каменного угля (получение кокса из антрацита) тогда еще не получило распространения. Таким образом, ссылки на географическую обусловленность более раннего возникновения в Англии металлургии и машиностроения опровергаются историческими фактами [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. V, стр. 254.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. II, стр. 362 и др.

Определяющую роль и здесь играли социальные причины, промышленный переворот, а не географические условия.

На развитие русской дореволюционной промышленности влияние географической среды также не имело определяющего значения. Несмотря на наличие больших природных богатств, восточные и юго-восточные окраины царской России были наиболее экономически отсталой частью страны. В этих районах имелись уголь, нефть, руды, возможность использования водной энергии и массового производства хлопка, сахарной свеклы, шерсти, шелка и многих других видов промышленного сырья. Однако их промышленное использование находилось в зачаточном состоянии или совсем не производилось. Вместе с тем развитие производительных сил происходило в центральных и северо-западных районах, географически удаленных от сырья и энергетических источников. Например, текстильная промышленность Ивановского и Московского районов работала на донецком угле и привозном хлопке, а петроградская машиностроительная промышленность — на южном металле и заграничном угле.

Возникновение металлургической промышленности в России было положено еще петровскими реформами, но географическое ее перемещение с Урала на юг России было обусловлено социальными причинами. В. И. Ленин писал: «то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма» [1]. Таким образом, решающими причинами развития металлургии Урала и Юга — изменения темпов и удельного веса их — являются социальные, а не географические условия.

Выше мы показали, как географическая среда способствует ускорению или торможению развития производительных сил. Однако наше суждение было бы неполным, если бы мы ограничились только этим.

Мы знаем, что еще Монтескье, Бокль, Бэр и другие исследователи XVIII и XIX столетий признавали влияние географической среды на общественный строй и на идеологические процессы. Но между их взглядами и научным марксистским разрешением проблемы существует корен-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 424.

ное различие. Сторонники географического направления буржуазной социологии делали серьезную ошибку, когда влияние географической среды на людей изображали как главное и непосредственное влияние, которым определяется история человечества, отношение людей друг к другу, их характер и даже религиозность мировоззрения. Признание такого непосредственного влияния географической среды имеет свое научное оправдание в отношении животных и растений, но оно неприменимо к человеческому обществу.

Воздействие географической среды на человеческое общество, в отличие от воздействия ее на растения и животных, происходит не непосредственно, а через систему общественного производства. В противовес буржуазным социологам исторический материализм рассматривает влияние географической среды на людей не как решающее условие, а как такой процесс, где формы ее влияния производны от уровня развития производительных сил.

«Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [1].

Влияние географической среды на развитие общества в целом подтверждается историческими фактами и особенностями общественного развития различных народов и стран.

В. И. Ленин указывал, что в древности и в средневековье, т. е. на более низком уровне развития общества, само «образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких» [2].

Влияние географических условий, опосредствованное процессом производства, сказывается и на идеологических процессах. Отражая общественное бытие в искусстве — музыке, литературе, изобразительном и особенно прикладном искусстве, творцы искусства показывают это бытие во всей его конкретности материальных и в том числе географических условий. Географические условия находят свое отражение также и в развитии науки. В частности

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. 1, 1948, стр. 63.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, изд. 4, стр. 442.

единица измерения времени — год — древними египтянами была введена под влиянием наблюдавшихся смен времен года, в том числе и такого географического явления, как периодические разливы реки Нила: отсчет годов производился по промежуткам времени от одного разлива до другого. Развитие земледелия породило необходимость более точного измерения и распределения орошаемых Нилом земель, и благодаря этому возникла геометрия. Насущная потребность правильно ориентироваться в бескрайних просторах пустынь и степей, а затем на море побудила народы передней Азии, а затем и Европы, к созданию астрономии. Таким образом, влияние географической среды на идеологические процессы не являлось непосредственным, а сказывалось через развитие производства. Часто временное местное влияние географической среды может катастрофически прервать или затруднить жизнь людей определенного района, например, землетрясения, вулканические извержения, наводнения, ураганы, засухи, град, несвоевременные морозы и т. п. Но человеческое общество все более обуздывает и эти грозные явления природы. Познавая окружающую природу, наука вскрывает причины вредных влияний географической среды, а зная их, находит средства предотвращения или обезвреживания влияния этих форм на человека.

К числу непостоянных вредных для многих людей явлений относятся эпидемии, распространению которых благоприятствуют климат и другие факторы определенной географической среды. Известно, например, что во второй половине XIV столетия в Европе от одной только эпидемии чумы погибло более 25 млн. человек, что тогда составляло четверть населения всей Европы. Но благодаря историческому прогрессу эти эпидемии перестают быть такими опустошающими, какими были несколько столетий назад.

В наше время дальнейшей успешной борьбе против эпидемий и других видов болезней мешает наличие империализма, хищническая эксплуатация. Так, достигнутый уровень науки и техники позволяет решительно преодолевать многие болезни в тропических странах, однако система колониального угнетения обессиливает народы колоний перед стихиями. В колониальных странах тропического пояса от мухи цеце (распространитель опасной сонной болезни) и от комара анофелес (носитель тропи-

ческой малярии) и ныне гибнет множество людей, несмотря на сравнительно высокий уровень развития медицинских наук в метрополиях. Ясно, что чем ниже культурно-экономический уровень народа, чем более он угнетен, тем в меньшей мере имеется социальная возможность предотвращения болезней.

Вместе с тем существует ряд болезней сугубо социального характера, которые получили большое распространение с развитием буржуазной цивилизации, такие, например, как туберкулез, сифилис. В опубликованном недавно в Вашингтоне докладе руководителя федерального ведомства социального обеспечения Оскара Юинга сообщается, что почти одна шестая часть всего населения США, более 25 млн. человек, страдает хроническими болезнями; 8 млн. нервно-психических больных. В докладе признается, что «почти 80 процентов американских семей не в состоянии оплачивать расходы, связанные с лечением серьезного заболевания» [1].

Американский автор книги «60 семейств Америки», Ландберг, показывающий роскошь, паразитизм капиталистической верхушки, приводит заявление руководителя здравоохранения Чикаго доктора Г. Бундесена, что «каждый пятый житель США страдает сифилисом». Из других источников Ландберг сообщает, что за последние полвека количество больных в американских психиатрических больницах возросло в пять раз [2].

Хотя капитализм с его высокой техникой и небывалым развитием наук избавил человека от ряда массовых заболеваний, неустранимых спутников жизни людей при рабстве и феодализме, но он вместе с тем принес целый ряд новых болезней, которых раньше не знали и появление которых нельзя объяснить непосредственным влиянием географической среды. В новое время эпидемии чумы, сапа и других болезней возникают вследствие социальных условий и вследствие злостных преступлений фашизма, как это показал процесс над японцами, подготавливавшими и применявшими бактериологическое оружие во второй мировой войне. В настоящее время американская

---

[1] См. «Правда» от 25 января 1949 г.

[2] См. *Ф. Ландберг*, 60 семейств Америки, ГИИЛ, 1948, стр. 401 и 403.

военщина наряду с производством атомной бомбы все больше уделяет внимания биологическому оружию; в целях подготовки этого оружия в США созданы бактериологические лаборатории в Кэмп Детрике, в штатах Миссисипи, Юта, Индиана. Там проводятся исследования по распространению таких болезней, как чума, холера, тиф, туляремия, сап, сибирская язва, а также опыты по применению ряда вирусов, злокачественной плесени, химических веществ для истребления трав и хлебных злаков.

Подопытными объектами для американских ученых-садистов являются не только мыши, но и люди. Так, среди эскимосов дальнего севера Канады они распространили эпидемию чумы. Совсем недавно было раскрыто злодейское преступление империалистов США перед человечеством — сбрасывание с самолетов в массовом количестве страшного вредителя сельскохозяйственных культур — колорадского жука — на территорию Германской демократической республики и на территории других европейских стран с целью уничтожения их урожая.

В свое время историк чумных заболеваний указывал, что «...она стала распространяться и проникать в такие страны, в которых ее не видали уже издавна, и даже в такие, в которых ее раньше, повидимому, никогда не было... В Западной Европе чума появляется прежде всего в портовых городах, куда она завозится судами» [1].

Следовательно, главной причиной широкой распространенности заболеваний является не географическая среда, а общественный строй.

Русский географ профессор А. М. Воейков в дореволюционное время писал: «Нельзя сомневаться в том, что голод подготовляет почву для заразных болезней, как и для других болезней. В 1892 году холера была особенно сильна лишь там, где население пострадало от неурожаев 1890 и 1891 гг., т. е. в восточной части России; далее на запад, где голода не было, и холера была слаба» [2].

То, что формы влияния географической среды определяются социальными условиями, иллюстрируется на раз-

[1] *Ф. А. Дербек,* История чумных эпидемий..., Спб. 1905, стр. 1.

[2] *А. И. Воейков,* Распространение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека, Спб. 1911, стр. 71.

ных классах одной и той же общественно-экономической формации. В одном и том же обществе в одно и то же время степень влияния географической среды на классы не одинакова. Это различие есть следствие коренной разницы в общественном бытии класса эксплуататоров, с одной стороны, и классов эксплуатируемых — с другой.

Еще при феодализме благоустроенный быт и элементы знаний предохраняли господствующую верхушку аристократии от сурового воздействия окружающей географической среды. В то же время тяжелые жизненные условия крестьянства, голод, плохое жилище и одежда, нечеловеческие условия труда в городе и деревне благоприятствовали распространению болезней и иногда повальной смертности. Историк эпидемий Ф. А. Дербек указывает, что хотя с XI столетия в России были врачи, но задача их заключалась в те времена и позже, до XVII столетия, почти только в лечении князей. Народ смотрел на повальные болезни, как на нечто фатальное, неизбежное, посланное на него разгневанным богом, и поэтому, повидимому, считал лишним или даже неправильным обращаться в таких случаях к помощи людей.

Империалисты в колониальных странах интересуются здоровьем народных масс лишь постольку, поскольку это совпадает с интересами эксплуатации ими трудящихся и поскольку эпидемические болезни угрожают собственной жизни империалистов. В случаях эпидемий феодалы просто называли их «божьим наказанием за грехи». В капиталистическом обществе действительные социальные причины затушевываются ссылками буржуазных ученых на расовую неполноценность эксплуатируемых народов, на неблагоприятные природные условия, вредно влияющие на здоровье, на качество пищи и т. д. (Бокль, Спенсер, Конт). Но пища, например, в одних и тех же климатических условиях в эксплуататорских обществах резко различна для богатых и бедных. Не климат, а смена способов производства определяет изменение ассортимента и качества продовольственных продуктов и их распределение в одних и тех же климатических условиях.

Натуральное хозяйство феодального общества производило полностью пищу в собственном хозяйстве, где ею более или менее обеспечивались земледельцы, дворня и феодал. При капитализме не только городское промыш-

ленное население не производит все, что ему нужно для пропитания, но и сельскому населению «приходится покупать даже продукты земледелия» [1], не говоря уже об употреблении продуктов промышленного производства.

Самостоятельное рассмотрение влияния одного из факторов географической среды допустимо и может быть научно оправдано только при узком, специальном исследовании того или иного конкретного процесса или же отдельного звена какого-либо процесса. Но и в этом случае исследователь не должен упускать из поля своего зрения того, что действие одного из факторов географической среды происходит не изолированно от других, а в тесном и даже противоречивом взаимодействии с ними.

Наша задача заключается в том, чтобы раскрыть влияние географической среды на материальную жизнь общества и показать роль географической среды как сложного комплекса в общей закономерности общественного развития, вместе с тем показать, что влияние географической среды не является определяющим условием материальной жизни общества.

Степень и формы влияния географической среды на общественную жизнь людей различны на разных стадиях развития общества, и изменение их обусловлено развитием способа общественного производства.

2. Изменение форм и степени влияния географической среды на развитие общества

Исторический материализм требует конкретного исторического изучения явлений, в том числе и географической среды как одного из условий материальной жизни общества. Влияние географической среды должно рассматриваться во всех связях и изменениях исторического процесса и окружающих природных условий, т. е. самой географической среды.

«Если мы, — указывает К. Маркс в «Капитале», — отвлечемся от большего или меньшего развития обществен-

[1] «Ленинский сборник» XIX, 1932, стр. 34.

ного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п. и к окружающей человека природе. Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д. При зачатках культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства. Сравните, напр., Англию с Индией или — в античном мире — Афины и Коринф с прибрежными странами Черного моря» [1]. Из этого следует, что всякие надисторические рассуждения о влиянии того или иного фактора географической среды на общественную жизнь становятся совершенно бессмысленны.

Нельзя говорить о влиянии географической среды на материальную жизнь общества древней Киевской Руси, имея в виду залежи угля Донбасса, руды Кривого Рога и марганца Никополя. На той стадии общественного развития они для общества не имели еще никакого значения. И, наоборот, многие элементы географической среды, которые ранее оказывали сильное влияние на материальную жизнь общества, впоследствии свое значение утрачивали.

Если мы возьмем влияние крупных рек и морей, то оно сказывается и в современных условиях. Однако формы этого влияния на разных стадиях общественного развития различны и даже противоположны: их первоначальное отрицательное влияние, как непреодолимой преграды, сменилось позже положительным влиянием в виде удобных и самых дешевых путей сообщения.

Поддержание жизни людей на низшей ступени зависело от дикорастущих плодов, трудовая деятельность человека в основном ограничивалась их собиранием.

«Такой *способ* пропитания, — замечает К. Маркс, — предполагает тропический или субтропический климат. Леса, производящие плоды и орехи под тропическим

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 515—516.

солнцем. Люди *жили,* по крайней мере отчасти, *на деревьях*» [1]. Невозможность подчинения сил данной географической среды и грозная опасность, подстерегавшая раннего человека на каждом шагу, делали необходимым все более тесное общественное сотрудничество людей. Имея в виду эту сильную зависимость от географических условий, В. И. Ленин говорил, что «первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого первобытного существования...» [2]

При крайне низком уровне развития производительных сил и примитивности общественных отношений зависимость людей от окружающей природы была необычайно сильной. «Медленно, почти незаметно они подвигались вперед в период дикости: от *языка жестов* и *несовершенных звуков* к *членораздельной речи;* от дубины, как первого *оружия,* к *копью* с кремневым наконечником и, наконец, к *луку и стрелам;* от *кремневых ножа* и *долота* к *каменному топору и молотку;* от *ивовой* и *тростниковой корзины* к *корзине, обмазанной глиной,* которая дала *сосуд для варки пищи на огне,* и, *наконец, к гончарному искусству*» [3].

Вначале люди очень медленно добивались ослабления сурового воздействия на них географической среды. «*В отношении средств пропитания* они прогрессировали от *дикорастущих плодов в ограниченном месте обитания* к *рыбе и морским моллюскам и, наконец, к хлебным корням и дичи*» [4].

В течение ашельской геологической эпохи человек уже научился использовать огонь. Под его воздействием совершался переход от первобытного стада к общине с кровнородственной семьей. Рыбная пища, указывает К. Маркс, есть «первый вид *искусственно* приготовляемой пищи; без варки она не может быть вполне усвоена; *огонь* был прежде всего употреблен именно для этой цели. [*Охота за дичью* слишком ненадежна, чтобы когда-либо представлять исключительное средство для поддержания жизни]. С (появлением) этого нового вида пищи человек

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. IX, стр. 4.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, изд. 4, стр. 441.
[3] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. IX, стр. 41.
[4] Там же.

сделался независимым от климата и местности; *следуя по берегам морей и озер* и по *течениям рек,* он мог еще в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности» [1].

Изобретение способов искусственного добывания огня имело исключительно важное историческое значение. Трудно переоценить это огромное изобретение. Поэтому вполне естественно, что в мифологическом творчестве древних народов сила огня олицетворялась в непокорной богам деятельности великана Прометея и у многих народов просто обоготворялась.

Открытие и применение способов искусственного добывания огня в той исторической обстановке обусловили величайший скачок человечества вперед. Оно породило ряд новых видов труда, расширило и улучшило ассортимент пищи и положило начало строительству долговременных жилищ. Огонь сделал возможным иное расселение людей на земном шаре. Он сделал обитаемыми новые районы земной поверхности, в которых прежде, без огня, была невозможна жизнь людей.

Человек, писал Энгельс, «распространился по всей пригодной для житья земле, он, единственное животное, которое в состоянии было сделать это самостоятельно. Другие животные, приспособившиеся ко всем климатам, научились этому не самостоятельно, а только следуя за человеком: домашние животные и насекомые-паразиты» [2]. Использование огня, указывал Энгельс, увеличило разнообразие пищи, особенно для детей, слабые молочные зубы и неокрепший желудок которых не могли перерабатывать некоторые продукты в сыром виде; это резко увеличило прирост населения. Использование человеком огня усилило материальную жизнь общества, существенно ускорило ход его развития.

Климат является постоянным условием материальной жизни общества. Но, признавая это, и Монтескье и Бокль как метафизики не учитывали, что климат как одно из географических условий на разных ступенях развития общества по-различному влиял на жизнь людей. Даже

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. IX, стр. 4.

[2] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, Госполитиздат, 1949, стр. 138.

сами границы обитаемости человеком определенных климатических зон исторически смещались, раздвигаясь на север и дальше на юг. То, что географическая среда делала невозможным для человека более низкой ступени развития общества, становилось возможным на более высокой его ступени. По мере развития общества изменялось понятие о положительных или отрицательных географических условиях для общественной жизни людей. «Переход от равномерно жаркого климата первоначальной родины в более холодные страны, где год делится на зиму и лето, создал новые потребности, — писал Ф. Энгельс, — потребности в жилище и одежде для защиты от холода и сырости, создал, таким образом, новые отрасли труда и вместе с тем новые виды деятельности, которые все более отдаляли человека от животного» [1].

С постройкой жилищ люди использовали огонь для их обогревания. Одеждой человек научился защищать свое тело от вредного воздействия холода, дождя и палящего солнца. В дальнейшем, по мере совершенствования жилищ и одежды, люди все больше изменяли степень и формы влияния окружающих условий природы во все времена года.

Таким образом, от ранней грубой черепичной посуды и каменных ножей до современных фабрик-кухонь и других сложнейших предприятий пищевой промышленности, от древнего очага на земляном полу жилища до современных систем подачи газа и крупных теплоэлектроцентралей проходил материальный общественный прогресс, направленный на подчинение человеку определенных сил и свойств природы.

С каждым новым открытием изменялись формы, степень и характер влияния географической среды на человеческое общество. В охотничий период материальной жизни людей, в охоте на дикое животное люди специализировали свои орудия труда применительно к естественным условиям труда, т. е. учитывали конкретные условия географической среды. Среди обитателей лесов лишь в редких случаях встречались метательные орудия охоты, рассчитанные на дальнее расстояние, например, вместо палки употребляли дротики. Наоборот, жители степной

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 138.

открытой местности, у берегов рек и морей переходили от простого удара камнем или палкой к использованию метательных орудий охоты типа бумеранга, пращи. Изобретение лука и стрел дало возможность убивать на большом расстоянии не только убегающего зверя, но и летящую в воздухе птицу. Благодаря более совершенным орудиям труда охота облегчалась, и тем самым изменялся характер зависимости человека от окружающей географической среды. С изобретением гарпуна стала возможной и более высокая ступень рыболовства.

Земледелие, приручение и одомашнивание животных породили новые формы воздействия географической среды на материальную жизнь общества.

Развитие земледелия показывает, что влияние географической среды на общественную жизнь изменялось в зависимости от характера земледельческих орудий труда. Бесспорно, что использование железа для изготовления металлических орудий труда революционизировало само земледелие и изменило зависимость материальной жизни людей от окружающих природных условий.

На низкой стадии развития общества люди воспроизводили свою материальную жизнь в условиях естественно образовавшейся засушливости или сильной влажности климата и почвы. Когда земледелие являлось основным и почти единственным видом общественного производства, несомненно, эти неблагоприятные условия географической среды крайне связывали, ограничивали жизнь людей. Позднее, по мере совершенствования орудий и форм труда, степень влияния неблагоприятных географических условий сократилась даже и в земледелии.

При феодализме географическая среда иначе влияла на характер и результаты земледельческого труда, чем при капитализме. В условиях феодализма, при низкой агротехнике и отсутствии ветеринарной помощи, неурожай и падеж от болезней скота часто принимали катастрофические размеры. Отсутствие или слабость путей сообщения и экономических связей приводили к тому, что в случае сильных неурожаев целые области вымирали от голода.

В ряде стран, в том числе и в царской России, в этом отношении положение мало изменилось и при капитализме. Хорошо известно, как сильно страдало от засухи и других стихийных бедствий единоличное мелкое

крестьянское хозяйство нашей страны. Голодные годы приводили к массовой гибели людей, разорению деревень. И только Великая Октябрьская социалистическая революция, сплошная коллективизация, крупное машинное социалистическое земледелие навсегда положили конец этому всенародному бедствию. Дальнейшее укрепление и рост социалистического земледелия, развертывание советской властью немыслимых прежде мероприятий по защите, орошению и осушению земель, по повышению их плодородия коренным образом изменит зависимость социалистического земледелия от стихий.

История развития скотоводства также убеждает нас в том, что характер и степень влияния географической среды изменялись в зависимости от ступени развития общества. В ранний период развития скотоводства человек ограничивался приручением тех животных, которые существовали в данной местности в диком состоянии. В степях, богатых травой, разводили лошадей и рогатый скот; на горных склонах разводили горных животных — коз, овец и др., в пустынных степях — верблюдов. В последующем это влияние географической среды было преодолено и люди стали акклиматизировать животных, привозимых из других частей земного шара, и развивать животноводство в зависимости от тех или иных хозяйственных задач. Например, развитие животноводства в современной Дании, Голландии и многих других странах вызвано исключительно капиталистическим характером развития этих стран.

Влияние географической среды на земледелие является более очевидным, чем влияние ее на другие виды материальной деятельности людей.

Но тем не менее она и здесь не выступает ни движущей, ни определяющей причиной развития. Это подтверждается всей историей и современным развитием земледелия. Климатические и почвенные условия земной поверхности давно были благоприятными для разведения различных сельскохозяйственных культур, но многие культуры люди стали производить в широком масштабе сравнительно недавно. Благоприятные для земледелия свойства почвы сами по себе не порождают развития в этих районах земледелия. Последнее возникает только на определенной ступени развития производительных сил.

Несмотря на то, что земледелие возникает сравнительно позже некоторых других видов трудовой деятельности древнего человека, оно отличалось от позднейшего резко выраженной нерациональностью использования почв и низкой продуктивностью ассортимента. Развитие более ценных сельскохозяйственных культур в тех же почвенных и климатических условиях происходило гораздо позже. Например, в Индии, Австралии и некоторых районах Африки остались те же благоприятные для сельского хозяйства географические условия, что и до колониального подчинения их европейскими империалистами. Однако развитие хлопководства, разведение джута, каучука и массового товарного тонкошерстного овцеводства получило широкий размах только в результате превращения этих частей материков в сырьевой придаток капиталистической промышленности метрополий.

Большинство сельскохозяйственных растений вначале произрастало и культивировалось человеком лишь на небольших площадях земной поверхности. «*Рожь, пшеница и ячмень,*— цитирует К. Маркс,— встречались в *диком состоянии на правом берегу Евфрата, к северо-западу от Ана.* О том, что рожь и пшеница росли в диком состоянии в *Месопотамии,* говорит уже *вавилонский историк Берос*» [1]. Этих растений, дающих пищу человеку, Европа тогда еще не знала ни в диком, ни в культурном виде, не знали их и люди Нового Света, тогда еще не открытой Америки. Значительно позже пшеница и ячмень перенесены были из Передней Азии и акклиматизированы почти по всему земному шару. История этих культур дает представление об истории и других сельскохозяйственных растений. Для научного понимания этих явлений нам не найти ответа в самой географической среде, его нужно искать в истории развития материальной культуры человеческого общества.

Формы и степень влияния географической среды на развитие промышленности точно так же различны на разных ступенях ее развития. «В первое время существования текстильных мануфактур, — пишет А. Редгрейв, — местонахождение производства зависело от того, есть ли поток с настолько достаточным падением, чтобы он мог вращать

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. IX, стр. 158.

водяное колесо... и только по введении силы пара взамен силы воды фабрики получают возможность сосредоточиваться в городах и в местностях, где можно найти в достаточном количестве воду и уголь, необходимые для производства пара»[1].

Возникновение современной крупной промышленности вызвало новые формы влияния географической среды (зависимость от наличия угля, нефти и других факторов). Первые промышленные производства возникли на основе использования силы воды, и их местоположение зависело от наличия рек или сточных озер. Замена водяного двигателя паровым освободила промышленность от местных рамок и позволила сосредоточивать ее в крупных центрах.

В дальнейшем применение паровой машины не только в производстве, но и на транспорте позволило развертывать капиталистическую крупную промышленность даже в районах, не имеющих собственного сырья или топлива. «Капиталистическая промышленность, — писал Энгельс, — уже стала относительно независимой от узких рамок местного производства необходимых ей сырых материалов. Текстильная промышленность перерабатывает преимущественно привозное сырье. Испанская железная руда перерабатывается в Англии и Германии, испанская и южноамериканская медная руда — в Англии. Каждый каменноугольный бассейн снабжает промышленность горючим материалом далеко за своими пределами, охватывая все более расширяющуюся с каждым годом область. На всем европейском побережье паровые машины приводятся в движение английским каменным углем, местами — немецким и бельгийским. Общество, освобожденное от пут капиталистического производства, может пойти в этом направлении еще гораздо дальше»[2]. Развитие бумажной и ряда других отраслей современной промышленности в Англии и Германии, не имеющих собственного сырья, является яркой иллюстрацией изменения форм влияния географической среды в зависимости от изменения материальной жизни общества.

Открытие электричества, изобретение способов его получения, использования и передачи на большие расстояния

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 383 (примечание).

[2] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 280—281.

создают возможность развития промышленности и в районах полного отсутствия местных энергетических ресурсов. Ф. Энгельс в прошлом столетии предсказал это как предстоящую электротехническую революцию, когда смысл открытия Депрэ был еще далеко не ясен и самим специалистам, а практическое использование его находилось в зародыше. «Новейшее открытие Депрэ, — писал тогда Энгельс, — состоящее в том, что электрический ток очень высокого напряжения при сравнительно малой потере энергии можно передавать по простому телеграфному проводу на такие расстояния, о каких до сих пор и мечтать не смели, и использовать в конечном пункте... окончательно освобождает промышленность почти от всяких границ, полагаемых местными условиями, делает возможным использование также и самой отдаленной водяной энергии...» [1]

На современной ступени развития промышленность становится еще более независимой от местной географической среды, когда путем массового производства всякого рода синтетических продуктов заменяется ими недостающее или просто отсутствующее в данной стране естественное сырье. Благодаря усовершенствованию методов производства многие природные материалы, прежде считавшиеся непригодными, ныне широко используются как сырье для промышленного производства. Современная промышленность подвергает большинство материалов такой коренной переработке, что придает им совершенно новые механические и химические свойства; бетон, пластмасса, специальные сплавы металлов и др. — таковы новые синтетические продукты производства.

Формы и степень влияния географической среды меняются в зависимости от преодоления человеческим обществом территориальных расстояний и установления между ними постоянной связи. Гористый рельеф и изрезанность материков морями и реками являлись непреодолимым препятствием на прежних ступенях жизни человека. «И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно бо́льшими

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 289.

препятствиями, чем теперь...»[1] На заре человеческой истории даже реки являлись непреодолимым препятствием в жизни кочевников.

С изобретением средств плавания этот географический фактор стал оказывать прямо противоположное влияние. С древнейших времен реки являются средством наиболее легкого и быстрого передвижения и связи. Обитатели побережий пользовались важным преимуществом водного транспорта рек, а несколько позже — морей и океанов.

Однако и в использовании рек как транспортных артерий степень влияния географической среды была различной на разных этапах совершенствования средств плавания; на первом этапе человек мог плыть только по течению; он еще не овладел водным путем против течения рек и проточных озер. Применение весла существенно преодолело неблагоприятное влияние географической направленности рек и сделало возможным плавание во всех направлениях по рекам, озерам и морям. Формы влияния данных географических условий изменились; человек стал на путь покорения водной стихии, но долго еще мореплавание находилось в зависимости от погоды на море.

Позже применение паруса позволило использовать силу ветра и независимо от течения воды перемещать огромные суда и большие массы грузов, чего прежде нельзя было выполнить силой человека даже при многочисленной команде корабля.

В предыдущей главе мы указывали, что Л. Мечников объяснял только влиянием рек местоположение городов и что он переоценил роль первых. Ошибка его состояла в том, что, исходя из метафизических позиций, он придал абсолютное значение географическому фактору, он не учел исторически меняющееся его влияние в зависимости от уровня развития человеческого общества и признал его решающим условием общественного развития.

Конкретно-исторический подход к изучению данной проблемы избавляет нас также от ошибки рассматривать изоляцию людей реками, морями и горами только как отрицательное явление в жизни народов. В действительности на ранних ступенях развития общества географическая среда как изолирующий фактор играла часто благо-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, изд. 4, стр. 441—442.

творную и прямо спасительную для него роль. Непроходимые горы и водные пространства в определенных социальных условиях защищали слабые народы от более сильных завоевателей. В частности не только благоприятные почвенные и климатические условия долины реки Нила, но и изоляция этой долины с севера морем, а с востока и запада непроходимой пустыней благоприятствовали переходу египтян раньше других народов к оседлой жизни и защите их более высокой культуры от кочевых и воинственных народов. Несколько позже, с ростом народонаселения, эта же изоляция оказала некоторое положительное влияние на создание сложных гидротехнических сооружений и расширение площади земледелия. С последующим развитием производительных сил, с ростом средств мореплавания еще в древности изоляция была преодолена и были установлены постоянные связи Египта с Азией и югом Европы.

В наше время для плавания на судах используется не только сила движения воды и ветра, но также энергия угля или нефти, запасы которой корабль имеет в своих трюмах. Создание пароходов изменило степень и формы прежнего влияния географической среды при использовании человеком водных путей сообщения. Благодаря изобретению парового и других механических двигателей, замене колеса винтом реки, моря и океаны стали мощными артериями экономической и политической связи между различными народами. Моря и океаны, прежде разъединявшие и изолировавшие, теперь соединяют народы различных островов и континентов.

В свое время люди также затрачивали много энергии и времени на передвижение по суше, а массовая перевозка грузов была совершенно невыгодна или даже просто невозможна. Скалистые горы, топкие болота и безводные жаркие пустыни являлись тогда абсолютно непреодолимым препятствием. И на относительно равнинных территориях Европы не было постоянных надежных связей между областями и народами, так как постройка магистральных грунтовых дорог и мостов в древности и даже в эпоху феодализма при низкой эффективности труда была непосильна. Даже в эпоху Возрождения дорог не строили, их накатывали и протаптывали сами путники; в виде исключения улучшенные дороги прокладывали для

проезда короля или вельможи, преимущественно вблизи столичных городов. Удобных колесных дорог было мало. Сухопутная перевозка грузов производилась главным образом на вьючных животных, для этого было достаточно тропинки.

Однако развитие производительных сил и рост меновых отношений поставили перед народами Европы задачу преодолеть препятствия географической среды в области установления экономических связей между народами. Развитие торговых отношений требовало нахождения новых географически возможных путей сообщения. Такие пути проникновения в глубь материка Европы были найдены с юга и севера. Венеция и Генуя благодаря своему выгодному географическому положению стали торговыми центрами на юге Западной Европы. Именно здесь, Адриатическим морем и Генуэзским заливом, Средиземное море ближе всего подходило к внутренним путям сообщения материковых стран Европы. В Венеции и Генуе сходились морские и сухопутные дороги, связывавшие все части Средиземноморского бассейна с внутренними странами Европы.

Возможные пути сообщения в глубь материка Европы с севера пролегали через Нидерланды. Торговые пути по Рейну, Шельде, Маасу встречались в Нидерландах с морскими путями, ведшими в Англию, в страны Северного и Балтийского морей, во Францию и Испанию.

Развитие крупной промышленности и в связи с этим рост перевозок больших и тяжелых грузов привели к необходимости изменения типа пути и рода тяги, что преодолевало неблагоприятное влияние географической среды, препятствующей передвижению по суше. «Именно революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта... Средства транспорта и сношений, завещанные мануфактурным периодом, скоро превратились в невыносимые путы для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми размерами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с созданными ею мировыми рыночными связями» [1].

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 390

Эта революция в области изменения сухопутного транспорта в ряде стран Европы осуществилась в конце XVIII и в XIX веке. Прежнюю накатную дорогу на естественном грунте заменило искусственно созданное прочное основание для рельсов, а естественных тягачей — животных — сменили машины. Сухопутные дороги, соединявшие вначале небольшие расстояния между близлежащими угольными шахтами и заводами, впоследствии распространились на сотни километров.

Сила пара, используемая в стационарных машинах для промышленности, была применена в первой четверти XIX века на транспорте как новая, более мощная сила тяги в виде паровоза.

Итак, географическая среда благоприятствует или препятствует прогрессу путей сообщения, с необходимостью порождаемому развитием производительных сил общества. При равных условиях экономического уровня общества географическая среда способствует преобладающему развитию определенного вида транспорта, например водного в одних странах или областях и сухопутного — в других.

В экономическом развитии Норвегии, Англии, Италии, Греции и ряда других стран в силу их островного и полуостровного географического положения наибольшее распространение и господствующую роль получил водный транспорт. Наоборот, в царской России большее распространение получили сухопутные виды транспорта. Наряду с главной причиной отсутствия водного транспорта — экономической отсталостью страны — в этом сказалось также влияние материкового положения России и удаленность ее от морей, расположенных на окраинах страны: севере, северо-западе, юге и востоке огромной Восточно-Европейской и Сибирской равнины. Именно географическими условиями объясняется отчасти то обстоятельство, что в прошлом в нашей стране морское судоходство не получило такого относительно большого значения, какое оно имело в названных выше полуостровных и островных странах.

Таким образом, степень и формы влияния географической среды на развитие транспорта различны и в основном зависят от уровня развития производительных сил общества. Развитие современных водных, железнодорожных

и автомобильных путей сообщения освободило человеческое общество от препятствий, которые представляла собой географическая среда в преодолении пространства. Кроме использования рек, люди строят искусственные каналы, превращают небольшие реки в судоходные, создают различные виды наземных средств связи и подземные скоростные дороги.

Новые средства преодоления расстояний, давая новые скорости, почти независимы в своем действии от времени года и рельефа местности, удобны и безопасны для беспрерывного, круглосуточного передвижения людей и перевозки грузов.

Прежде люди были бессильны парить и перемещаться в воздушном пространстве. В прошлом столетии они завоевали эту возможность. Русские исследователи и изобретатели стоят на одном из первых мест как завоеватели воздуха. М. В. Ломоносову принадлежит приоритет в изобретении геликоптера, изобретатели А. А. Архангельский, М. И. Иванин, Третесский, О. С. Костович, К. Э. Циолковский разрешили проблему управляемости аэростата. Русский моряк А. Ф. Можайский первый построил и испытывал двухмоторный аэроплан, изобрел элероны, воздушные змеи; С. С. Неждановский создал коробчатые змеи, Д. И. Менделеев открыл метод компримирования водорода, составил проект управляемого аэростата. Не счесть имен русских изобретателей в авиации: С. А. Ульянин, Я. М. Геккель, И. И. Сикорский, Д. П. Григорович, Н. Р. Лобанов, А. Г. Уфимцев, Ф. Г. Калеп. Знаменитыми учеными в области аэродинамики Н. Е. Жуковским и С. А. Чаплыгиным сделаны великие открытия задолго до появления аналогичных работ в Западной Европе и Америке, их достижения послужили за границей образцами для подражания и оказали большое влияние на развитие западноевропейской авиационной науки и техники.

Воздухоплавание было величайшей победой человека над природой, но, поднимаясь сначала на воздушном шаре, люди вынуждены были двигаться только в направлении ветра. Так же в свое время человек покорял гидросферу: научившись плавать, он вначале использовал течения рек и движение воздуха над водной поверхностью (парусный флот).

В XX столетии авиация покорила движение воздушных масс. С изобретением самолетов и дирижаблей можно стало летать во всех направлениях, по течению и против течения воздуха. Люди преодолели свое прежнее бессилие не только тем, что научились свободно летать по воздуху, как птицы, они теперь научились летать даже выше и быстрее птиц. Самая быстролетная на земле птица — стриж летает с максимальной скоростью, равной примерно 400 *км* в час. Современный скоростной самолет перекрывает эту скорость больше чем в два раза.

В современных условиях быстрого прогресса науки и техники люди направляют свои усилия на более быстрое преодоление пространства, т. е. на изменение зависимости человека от этого воздействия окружающей природы. Поезда, пароходы, автомобили, самолеты, телеграф, телефон, радио, телевидение — все направлено к тому, чтобы получить новые рекорды скорости и преодоления расстояний, в прошлом разъединявших и изолировавших людей.

Географическая среда частично влияет на темпы прироста и плотность населения. Однако Мальтус и его последователи не бессознательно допускали грубую ошибку, формулируя свой человеконенавистнический закон прироста населения, исходя только из условий окружающей природы и не учитывая объективных социальных закономерностей капиталистического общества. В действительности влияние географической среды неодинаково на разных этапах развития общества, и максимальная плотность населения, обусловленная географическими причинами как некая величина, является величиной, исторически меняющейся.

Не было и не может быть абсолютного перенаселения, а существовало и может существовать относительное перенаселение при данной форме хозяйства, при исторически определенном способе производства. Абстрактных законов нет: при капиталистическом способе производства «рабочее население, — говорит Маркс, — производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон населения, так как всякому особенному историческому способу производства

в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек»[1]. Например, возникновение земледелия расширило пределы плотности населения в сравнении с максимально возможной при охоте и даже скотоводстве. Овощеводство в сельском хозяйстве позволяет существовать большему числу людей на данной территории, чем простое полеводство. Развитие крупной промышленности, дающей сельскому хозяйству машины и минеральные удобрения, вновь раздвинуло прежние границы максимальной плотности населения.

Возможность воздействия географических условий на рост народонаселения сказывалась, например, через эпидемические болезни. Специальные исследователи этого вопроса показывают, что и это воздействие географической среды также не является неизменным, а зависит от общественного прогресса и изменяется по мере подъема общества на более высокую ступень развития. «Заразительные болезни, — писал один из первых и видных историков русской медицины Рихтер, — а особливо *язва,* причиняли в России самые страшные опустошения, и притом в древности более, нежели в последние столетия»[2]. На ранних стадиях своего развития люди были почти бессильны в борьбе против распространения эпидемических болезней, так как не знали ни их источников или распространителей, ни средства борьбы с ними.

Чем ниже народ стоит в культурном отношении, тем он беспомощнее по отношению к разного рода вредным внешним влияниям, в том числе и к эпидемическим болезням, тем свободнее, с другой стороны, эти последние распространяются среди него. Просматривая историю повальных болезней с древнейших времен, можно заметить, что эти болезни, производившие страшные опустошения в более отдаленные эпохи, становятся слабее в качественном и количественном отношениях по мере приближения к настоящему времени. То же самое наблю-

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 637.

[2] *В. Рихтер,* История медицины в России, ч. I, М. 1814, стр. 181.

дается при сравнении действия эпидемических болезней среди разных современных народов, стоящих на разных ступенях цивилизации.

Обобщая все выше сказанное, следует сделать вывод, что изменения форм и степени влияния географической среды на общество нельзя научно познать вне конкретных социальных условий состояния общества, во взаимодействии с которым находится данная географическая среда. Характер и формы ее воздействия изменяются именно тогда, когда люди достигают подчинения той или иной силы природы посредством новых средств труда, на новой стадии исторического развития.

Новый способ производства вооружает общество все более мощными средствами воздействия на географическую среду. Взяв у окружающей географической среды диких животных, приручив и изменив их, люди в последующем использовали домашних животных как средство освобождения от охотничьего способа существования.

На ранних ступенях развития общества, при очень низком уровне производства изменение человеком степени и форм влияния географической среды или освобождение его от этих форм влияния происходило более медленно, чем в новое время.

В свете приведенных выше исторических фактов и на основе научного рассмотрения общественного развития перед нами раскрывается, с одной стороны, ненаучность взглядов сторонников географического направления буржуазной социологии, стремившихся рассматривать влияние географической среды как движущую силу истории, действующую неизменно и вне связи с уровнем развития общества, и, с другой стороны, бесспорное и исчерпывающее научное решение вопроса историческим материализмом.

Неправильно было бы представлять, что по мере развития общества происходит процесс упрощения и уменьшения связей общества с окружающей природой. Наоборот, на более высоких ступенях развития общества связь его с окружающей природой расширяется, усложняется и становится все более многообразной. На начальных ступенях развития материальной жизни общества влияние географической среды было более однообразно

и сурово, а воздействие на нее и связи общества с ней — более узки и примитивны. Это объясняется очень низким уровнем производительных сил и ничтожно малой производительностью труда. К. Маркс в «Капитале» указывает: «На зачаточных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних» [1].

На высоком уровне материальной жизни общества люди используют географические условия в более разнообразных целях, чем прежде. Например, когда-то водные массивы грозно противостояли человеку как непокорная стихия, связь между людьми и этой стихией выражалась в использовании ее как средства утоления жажды и элементарной гигиены. По мере развития общества воздействие этого элемента географических условий усложнялось. С историческим усложнением материальной жизни общества связь его и с другой областью географической среды, с лесом, становилась более глубокой.

С развитием общественного производства отношение человека к окружающей природе все более усложняется, и «расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения» [2].

Рассматривая общественную жизнь людей конкретно-исторически, основоположники марксизма-ленинизма пришли к открытию сложной закономерности влияния географической среды. Они не только научно подтвердили, что она не оказывает решающего влияния на развитие общества, но установили закономерную изменяемость характера этого влияния в зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений, т. е. от способа производства материальной жизни общества. Чем выше способ производства, тем сложнее, шире и глубже связь общества с окружающей природой, но одновременно тем сильнее степень господства чело-

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 515.
[2] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 833.

века над природой — такова общая объективная закономерность.

Развитие машинной индустрии является крупнейшим шагом в подчинении окружающей природы и в изменении степени и форм влияния географической среды на материальную жизнь общества. Например, в дореволюционной России добывалось и использовалось в производственных целях только 20 химических элементов. Природные материалы, содержащие остальные химические элементы, не использовались в экономически отсталой царской России. Развернувшийся в СССР экономический расцвет и создание мощной социалистической промышленности и передового сельского хозяйства уже к началу третьей сталинской пятилетки обусловили развертывание добычи и использование 80 химических элементов.

В настоящее время развитие социалистического хозяйства немыслимо без многих видов сырья, залежи которых впервые были открыты в годы сталинских пятилеток и о существовании которых в царской России даже не подозревали.

С установлением нового прогрессивного общественного строя расширяется использование естественной энергии и материалов природы для ее подчинения, т. е. порождается более многообразное по формам влияние географической среды на общественную жизнь людей.

Крупные реки как естественные пути транспортных связей осуществляют эту функцию и ныне, но с развитием железных дорог, безрельсового транспорта и авиации относительно сократилась степень влияния этого географического фактора на материальную жизнь общества. Вместе с тем на той ступени развития общества, когда получило широкое распространение производство электрической энергии и в частности все возрастающее использование гидроэнергии, возникла новая форма влияния рек на материальную жизнь общества.

Как уже было сказано, на различных ступенях развития общества формы влияния географической среды настолько изменяются, что переходят в свою прямую противоположность. Побеждая стихийные силы природы, человек ставит их на службу обществу и их влияние

превращает из препятствующего в содействующее, или из отрицательного в положительное.

Следовательно, нельзя изучать влияние географической среды абстрактно, оторванно от конкретных социальных условий. Научное познание роли географической среды возможно только с позиций исторического материализма, раскрывающего своеобразие закономерностей материальной жизни в каждой общественно-экономической формации.

Все предшествующее развитие общества и великие социальные преобразования в нашей социалистической стране опровергают и теоретически и практически буржуазные «теории» о решающей роли географической среды в развитии общества.

Характер влияния географической среды изменяется количественно и качественно. Древнейший человек, изготовивший удобную палку как орудие труда, в той степени, в какой он сознавал ее значение, мог гордиться своим могуществом перед другими живыми существами и мог считать свое открытие великим скачком на высшую ступень развития. Изобретатели огня могли посмеяться над наивностью первых изобретателей орудий труда. Они могли считать именно свое время, век огня, ступенью высшего развития техники и величайшим скачком в деле освобождения людей от влияния природы.

Но эти скачки подготовлялись длительным периодом накопления общественного производственного опыта и совершенствования орудий труда. Чем меньше было накоплено людьми производственного опыта, тем длительней был период подготовления скачка и тем меньше был сам скачок, изменяющий влияние географической среды. «Прежде чем, — писал Энгельс, — первый кремень при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным» [1].

Наконец, естественно возникает вопрос: если влияние географической среды по мере развития общества все время изменяется, то может ли в будущем, при коммунизме, наступить такой момент, когда прекратится изме-

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 133.

нение форм и степени этого влияния. На этот вопрос дают ответ основоположники марксизма-ленинизма.

Развитие материальной жизни общества всегда происходило и будет происходить в условиях окружающей нас природы. Нельзя представить себе развития общества вне природы. Окружающая людей природа всегда будет выступать в качестве одного из условий развития общества. Можно создать себе абстракцию об обществе без природы или без связи его с ней. Но такая абстракция будет ненаучной, ибо в ней игнорируется одно из постоянных условий материальной жизни общества — географическая среда. Марксистский диалектический метод, указывает товарищ Сталин, требует рассмотрения всякого явления, всякого процесса во всех их связях и взаимодействиях с другими явлениями и процессами. Следовательно, развитие общества всегда нужно рассматривать во всех его конкретно-исторических связях с окружающей природой. Такова принципиально-методологическая постановка и для решения данного вопроса.

К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» указывали, что при изучении деятельности человеческого общества «первый подлежащий установлению конкретный факт — телесная организация этих личностей и ею обусловленное отношение их к остальной природе» [1]. Они подчеркивали, что изучение и всякое описание исторического процесса должно исходить из этих природных основ. Отношение людей к окружающей их природе — первая предпосылка их материальной и духовной жизни. Труд, — указывает К. Маркс в «Капитале», — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Без труда, без производства невозможно существование общества ни в прошлом, ни в будущем.

В своей материальной жизни люди всегда будут использовать природу как материал для изготовления различных орудий или продуктов, необходимых обществу. «Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 10.

чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться цивилизованный, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства»[1].

Как бы ни был высок уровень производительных сил и техники будущего коммунистического общества, природа всегда остается в качестве кладовой необходимых естественных материалов. Даже промышленность будущего, почти целиком работающая на синтетическом (искусственном) сырье, будет создавать его из какого-то первичного, природного материала. «Заместить силы природы человеческим трудом, — указывал Ленин, — вообще говоря, так же невозможно, как нельзя заместить аршины пудами. И в индустрии и в земледелии человек может только пользоваться действием сил природы, если он познал их действие, и *облегчать* себе это пользование посредством машин, орудий и т. п.»[2]

Люди в своей общественной трудовой деятельности всегда будут воздействовать на природу. В процессе этого воздействия и при коммунизме будут возникать новые задачи, для решения которых будет необходимо новое подчинение и использование природы и ее естественных сил.

Следовательно, исторический материализм признает, что, как бы ни изменялись степень и формы влияния географической среды на развитие общества, это влияние и его изменяемость никогда не исчезнут, а в будущем будут еще более многообразными. Изменяясь по степени и формам воздействия и становясь все более разнообразной, географическая среда всегда будет являться «одним из необходимых и постоянных условий материальной жизни общества»[3].

3. Влияние человеческого общества на географическую среду

Данными археологии и других наук установлено, что ранний человек — питекантроп — существовал приблизительно 800 тыс. лет назад. На протяжении своего развития человек оказывал влияние на географические усло-

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 833.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 95.
[3] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 548.

вия уже самим фактом своего существования, но в этом он еще мало чем отличается от животных.

Взаимодействие с окружающими географическими условиями присуще не только человеку, но всякому животному организму и растениям. Однако характер закономерности взаимодействия человеческого общества с географическими условиями совершенно отличен от взаимодействия с этими условиями животных и растений. Растения в борьбе за существование пассивно приспосабливаются к местности своего зарождения. Для животных и людей растения сами выступают одним из элементов окружающего их сложного комплекса географических условий.

Животные также не производят, не воссоздают необходимых условий жизни, а только потребляют или уничтожают то, что воссоздается естественным путем в окружающих их условиях среды. Животные не могут увеличить количество пищевых средств, тем более они не могут создать новых средств для своего существования. «Стадо обезьян, — писал Ф. Энгельс, — довольствовалось тем, что дочиста поедало пищу, имевшуюся в его районе, размеры которого определялись географическими условиями или степенью сопротивления соседних стад. Оно кочевало с места на место и вступало в борьбу с соседними стадами, добиваясь нового, богатого кормом, района, но оно было неспособно извлечь из района, где оно добывало себе корм, больше того, что он давал от природы, за исключением разве того, что стадо бессознательно удобряло почву своими экскрементами... Все животные в высшей степени расточительны в отношении предметов питания и притом часто уничтожают в зародыше их естественный прирост» [1].

Животные изменяют географическую среду самим фактом своей жизни в процессе борьбы за существование. Ч. Дарвин приводит ряд примеров коренного изменения растительного покрова в результате размножения животных, истребляющих растения. Далее Ч. Дарвин показывает, что с истреблением растительного покрова сами размножившиеся животные погибают. Следовательно, животные изменяют не только растительную поверхность

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 136.

географической среды, но и путем собственной гибели изменяют животный мир. Ф. Энгельс указывает, что «в природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, и общие законы проявляются во взаимодействии этих сил» [1].

Весь многообразный мир животных в свою очередь представляет для людей составную часть закономерно сложного комплекса географической среды.

Как уже было сказано, взаимодействие человеческого общества с географической средой коренным образом отличается от взаимодействия с ней растений и животных.

Люди противостоят географической среде и воздействуют на нее не индивидуально, а коллективно, через исторически определенную систему общественных отношений. «Люди, — пишет товарищ Сталин, — ведут борьбу с природой и используют природу для производства материальных благ не изолированно друг от друга, не в качестве оторванных друг от друга одиночек, а сообща, группами, обществами» [2]. Они воздействуют на географические условия посредством сложной системы производительных сил и производственных отношений, выражающейся в особом способе общественного производства на каждом этапе истории человечества. «Животное, — указывает Ф. Энгельс, — в лучшем случае, доходит до *собирания*, человек же *производит;* он добывает такие средства к жизни (в широчайшем смысле слова), которых природа без него не произвела бы. Это делает невозможным всякое перенесение без соответственных оговорок законов жизни животных обществ на человеческое общество» [3].

Характерным признаком человеческого общества и коренным отличием людей от животных является способность трудиться, делать орудия труда. На самой первой стадии развития человеческого общества орудия труда были примитивны и труд людей — малопроизводительным. «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознав-

[1] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах, Госполитиздат, 1948, стр. 41.
[2] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 550.
[3] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 249.

шие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности» [1].

Тем не менее даже на первой ступени своего развития человек обладал преимуществом перед животными. Он создавал орудия труда и действовал ими коллективно в сложившейся системе общественных отношений. Поэтому воздействие его на окружающую географическую среду уже тогда было качественно иным. Посредством общественного труда первобытная орда побеждала самых сильных животных: мамонта, бизона, пещерного медведя, она преодолевала губительное влияние и других факторов географической среды.

С первых ступеней своего развития человек прибегал к использованию энергии, или сил окружающей природы. Рыхление земли палкой для добывания корней и удар камнем увеличивали мускульную силу дикаря за счет энергии природы. Камень в руке усиливал удар, а палка удваивала и утраивала его силы в борьбе с диким зверем. Уже на этой низкой ступени человек начал использовать силу тяжести камня — энергию земного притяжения, осмыслить которую он сумел только спустя сотни тысяч лет. Изготовляя орудия труда, человек в отличие от животных превращал естественные силы в полезную для себя работу.

Не золотой век и не земное райское блаженство представляла тогда природа для первобытного человека, она окружала его неведомыми и на каждом шагу опасными силами. Материальные условия жизни обусловливали общественные связи и средства борьбы против нарушителей сложившихся правил общественных отношений. Высшей мерой наказания было изгнание провинившегося из общины, а это было тогда равносильно смерти. Отдельно человек не мог противостоять окружающей природе и погибал в непосильной борьбе с ней. Следовательно, даже примитивные орудия труда и ничтожно малая производительность их давала людям возможность преодолевать вредное воздействие сил окружающей природы и воспроизводить свою жизнь только благодаря общественному характеру труда.

---

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 167.

В отличие от животных люди создают средства существования, которых природа вовсе не имеет в готовом виде, создает в недостаточном количестве или невысокого качества.

Ф. Энгельс указывает, что «животное только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней. И это является последним существенным отличием человека от остальных животных, и этим отличием человек опять-таки обязан труду» [1].

Деятельность людей всегда является целенаправленной на реализацию общественных задач, на удовлетворение своих потребностей. «...Действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли. Это мог сделать только человек» [2].

Люди изменяют географическую среду сознательно, ставя перед собой определенные цели. «...В истории общества, — писал Энгельс, — действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» [3]. Главной целью человека в изменении географической среды является подчинение ее себе, как необходимого условия материальной жизни. Именно использование свойств и сил природы является качественно более высокой ступенью отношения человека к природе в сравнении с животными.

Успешное использование свойств и сил природы определяется уровнем общественного производства.

Активное отношение к природе: способность создавать орудия труда, воздействовать на географическую среду через систему общественных отношений и изменять ее на основе познания объективных законов природы — в этом коренное отличие человеческого общества от животных.

Влияние географической среды на материальную жизнь человеческого общества и изменение им географической среды являются не двумя самостоятельными

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 140.
[2] Там же, стр. 140.
[3] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах, стр. 41.

процессами, а только различными сторонами единого процесса взаимодействия при решающем влиянии общественного развития.

Этот процесс взаимодействия не происходит на неизменной основе. С развитием производительных сил и производственных отношений человеческое общество получает новые, более мощные возможности воздействия на географическую среду. С покорением себе той или иной стороны географического окружения последняя превращается в опору для решения новых задач.

Изменение и подчинение человеческим обществом географической среды есть вполне закономерный процесс. Он происходит на основе уже ранее завоеванного подчинения природы на определенном этапе исторического развития общества, на основе определенного способа производства. В процессе материальной жизни человеческое общество освобождается от воздействия явлений природы, противостоящих ему в качестве слепой необходимости: развитие общественного производства порождает знания, благодаря которым общество не только использует в своих интересах явления природы, но и преобразует последнюю. Таким образом, история преодоления необходимости слепого подчинения природе и развития господства человека над географической средой является важнейшим фактором в развитии человеческого общества.

Воздействие людей на географическую среду нельзя рассматривать как некую несущественную сторону или деталь общественной жизни. Многие буржуазные социологи-идеалисты, говоря о воздействии людей на окружающую природу и считая это следствием развития идей или разума, не понимают значения материальной жизни общества по существу. В действительности же степень материального воздействия человеческого общества на географическую среду есть один из важнейших признаков и показателей общественного прогресса человечества.

При всех общественно-экономических формациях люди воздействуют на географическую среду в процессе своей материальной жизни. Решающим фактором материальной жизни общества является производство. Но нет производства вообще, а существуют исторически определенные формы общественного производства. «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов

природы внутри и посредством определенной общественной формы» [1].

Исторически определенный способ производства является показателем степени господства человеческого общества над силами окружающей его природы. Вместе с тем он является мерой воздействия данного общества на географическую среду, мерой реально возможных масштабов ее изменения и использования данным обществом.

С момента возникновения человека и до современной эпохи средством воздействия людей на природу являются созданные трудом общественные средства производства. Создание их было первым актом, выделившим человека из животного мира, и они являются главной основой жизни людей на всех ступенях их существования и отношения к географической среде: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы» [2]. В процессе труда человек изготовляет орудия труда из предметов природы, подвергая их обработке.

При использовании имеющихся непосредственно в окружающих географических условиях предметов как орудий труда первобытный человек развивает и более целесообразно использует свои физические органы. «Таким путем предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего» [3].

Уже «в первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых не может достать ру-

---

[1] *К. Маркс,* К критике политической экономии, стр. 198.
[2] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 184.
[3] Там же, стр. 186.

ками, мы видим присвоение одного предмета с той целью, чтобы приобрести другой...»[1] Потребовался длительный путь развития, до того как человек научился создавать более прочный, чем дерево, кость и камень, материал для орудий труда. Открытие способов использования металлов создало возможность производства более совершенных орудий труда. Однако и в дальнейшем процесс дифференциации и совершенствования орудий труда был процессом усиления функций телесных органов: тупой утолщенный конец молота имеет своим образцом кулак, острота сошников — ногти пальцев и т. п.

Совершенствование производительных сил и производственных отношений усиливало воздействие человека на географическую среду, обеспечивало рост присваиваемых продуктов природы и наибольшего ее изменения. Человек, писал К. Маркс, развивает «дремлющие в последней (природе. — *И. И.*) способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»[2].

В приручении первых животных люди получают большую новую силу, которую они направляют для борьбы с остальной природой. «*Домашние животные,* дополняющие *своей силой мускульную силу человека,* — новый фактор величайшего значения»[3].

Домашние животные использовались для преодоления расстояний при перевозке имущества и самих людей, впоследствии для обработки земли. Разведение домашних животных обеспечивало регулярное поступление пищевых продуктов (молоко, мясо) и материала для одежды и обуви (шерсть, кожа). Таким путем «начинавшееся, — пишет Ф. Энгельс, — вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства»[4].

Научившись использовать мощную силу животных, затем воды и ветра, человек все больше усиливал свое воздействие на географическую среду. Исторически нарастало использование механических, физических и химиче-

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 191 (примечание).
[2] Там же, стр. 184.
[3] «Архив Маркса и Энгельса», кн. IX, стр. 7.
[4] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 134.

ских свойств тел, при помощи которых успешнее использовались и изменялись географические условия.

С развитием механики и с изобретением паровой машины использование сил природы резко возрастает и небывало расширяется. «Вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства обратного воздействия на природу; при помощи одной только руки люди никогда не создали бы паровой машины, если бы вместе и наряду с рукой и отчасти благодаря ей не развился соответственным образом и мозг человека»[1].

В наше время применение паровой машины отходит на второй план. Новая сила природы — электрическая энергия — получает все более широкое и многообразное применение. Основоположники марксизма еще на заре открытия электрической энергии гениально предсказали ее великое будущее. Это «открытие, — указывал Ф. Энгельс в письме к К. Марксу, — делает возможным использование всей колоссальной массы водяной силы, пропадавшей до сих пор даром»[2]. Последующее развитие общества в конце XIX и в начале XX столетия целиком подтвердило это предвидение. В наше время электричество, подобно тому как раньше пар, приводит в движение еще более мощные и самые разнообразные машины — гиганты промышленности и транспорта.

Силы природы, обузданные машиной, выполняют многочисленные работы по преобразованию и использованию природных условий жизни. Посредством машины дробят скалы, копают землю для создания судоходных каналов, добывают металл, обрабатывают его в такие материалы, каких сама природа в готовом виде не имеет. Современные автоматические станки и сложные телемеханические агрегаты целиком заменяют физический труд человека и частично освобождают последнего даже от работы по контролю и регулированию действия этих машин. Следовательно, с развитием производительных сил и производственных отношений исторически возрастает степень овладения человеческим обществом естественными силами окружающей природы.

Великое будущее предстоит атомной энергии в социалистическом и коммунистическом обществе; предназна-

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, стр. 14.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXIV, стр. 587.

ченная империалистами к осуществлению их разрушительных целей, она будет использована обществом, свободным от эксплуатации, в интересах и на благо всего человечества.

Возникает вопрос: какова закономерность возрастания степени воздействия людей на географическую среду и какие формы общественной организации исторически обусловливают усиление их господства над ней. Говоря об уменьшении зависимости материальной жизни общества от факторов географической среды, от которых человек сильнее зависел на низшей ступени развития, мы уже указали на то, что это определялось повышением уровня развития производительных сил и изменением производственных отношений. Говоря другими словами, возросшая степень господства общества над географической средой, новое ее изменение определяются более высоким способом производства. Здесь два звена одного и того же процесса взаимодействия.

«Чтобы производить, — писал К. Маркс, — люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [1]. История общества знает пять общественно-экономических формаций, пять способов производства: первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический. Каждому способу производства присущи свои темпы развития производительных сил и, следовательно, темпы усиления господства человека над окружающей природой. Не географической средой, а *особенностью способа производства* определяется изменение уровня господства человека над природой и сама степень влияния географической среды на общество.

Товарищ Сталин вскрыл закономерность развития производительных сил в следующей сжатой характеристике: «Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству; переход от каменных орудий к металлическим орудиям (железный топор, соха с железным лемехом и т. п.) и, соответственно с этим, переход к возделыванию растений и к земледелию; дальнейшее улучшение металлических

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, стр. 63.

орудий обработки материалов, переход к кузнечному меху, переход к гончарному производству и, соответственно с этим, развитие ремесла, отделение ремесла от земледелия, развитие самостоятельного ремесленного и потом мануфактурного производства; переход от ремесленных орудий производства к машине и превращение ремесленно-мануфактурного производства в машинную промышленность; переход к системе машин и появление современной крупной машинизированной промышленности, — такова общая, далеко неполная, картина развития производительных сил общества на протяжении истории человечества»[1].

В капиталистических странах техника дает большие возможности изменения географической среды, но дальнейшее покорение природы и изменение географической среды задерживается не самой природой, а капиталистическими общественными отношениями, не соответствующими уровню производительных сил. Капиталистические отношения, основанные на частной собственности и эксплуатации человека человеком, в эпоху загнивания капитализма приводят к разрушению производительных сил, к массовому созданию средств разрушения.

Как в прошлом рабовладельческий и феодальный способы производства на определенной ступени своего развития, так и теперь капиталистический способ производства исключает возможность возрастания господства людей над природой и более разумное управление ее силами.

Капиталистический способ производства является громадным тормозом для дальнейшего усиления мощи людей над окружающей природой.

Только в СССР, где сметен капиталистический способ производства и полностью уничтожена частная собственность на средства производства, где построен социализм и созданы условия для постепенного перехода к высшей фазе коммунизма, — созданы условия для безграничного преобразования географической среды и покорения человеком окружающей природы. Планирование общественного труда и средств труда создает все условия для непрерывного наращивания темпов и масштабов усиления господства человека над окружающей природой.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 118.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЗДЕЙСТВИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НА ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ СРЕДУ

1. Частная собственность на средства производства — основное препятствие для рационального отношения общества к богатствам природы

Степень господства человеческого общества над силами окружающей природы, мера воздействия, использования и преобразования географической среды определяются способом производства материальной жизни общества.

Особенно сильно возросло сравнительно с предшествовавшими формациями господство человеческого общества над окружающей природой в эпоху промышленного капитализма. Оно стало возможно благодаря изобретению и широкому применению машин.

К. Маркс в «Капитале» указывает, что машина сама по себе сокращает рабочее время и облегчает труд человека при воздействии на окружающую природу. Она знаменует большую победу над силами природы, но при капитализме она увеличивает богатство не класса производителей — пролетариата, а класса собственников средств производства — капиталистов [1].

Капиталистический способ производства создал крупную промышленность, способную производить в больших размерах металл для производства более прочных, сложных и совершенных орудий преобразования и использования окружающей природы. Массовое промышленное производство машин преобразило транспорт, коренным образом изменив и увеличив возможности в преодолении расстояний. Крупная капиталистическая индустрия

---

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 446.

создала новую, сравнительно более высокую, нежели при феодализме, техническую основу земледелия.

Применение паровых машин, постройка железных дорог, создание больших морских и океанских пароходов, превращение рек в судоходные, прорытие крупных речных и морских каналов, распашка земель и культурное освоение целых частей света, создание крупных электростанций и применение электрической энергии в промышленности, на транспорте и в городском хозяйстве, внедрение химии в промышленность и земледелие, развитие авиации — все это неимоверно усилило воздействие общества на географическую среду. «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства, — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, — создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» [1].

Но вместе с этим следует учитывать специфические черты способа производства этого общества.

Противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, обусловливающее эксплуатацию человека человеком, абсолютно исключает планомерную организацию материальной жизни общества. Вследствие этого капиталистический способ производства на всех стадиях своего развития не в состоянии разумно воздействовать на географическую среду и создать человеческие условия для трудящихся классов. Анархия капиталистического производства и конкуренция порождают непроизводительное расходование рабочей силы и технических средств; они снижают и сужают возможности рационального воздействия общества на географическую среду. Частнособственнический способ производства приводит к хищническому отношению собственников к богатствам природы, к разрушению естественных богатств. Например, при капиталистическом хозяйствовании значительная часть высокоценных сортов топлива и сырья для промышленности гибнет в шахтах или отвалах.

В сельском хозяйстве резкое истощение почв является результатом хищнической эксплуатации земли круп-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1950, стр. 37.

ными землевладельцами и главным образом капиталистическими арендаторами, не заинтересованными в производстве капитальных затрат, обеспечивающих сохранение и повышение плодородия почв. Мелкие же хозяйства в свою очередь не в силах производить эти затраты.

В годы экономических кризисов и войн, неизбежно порождаемых капитализмом, происходит в массовых масштабах прямое разрушение средств воздействия на географическую среду.

Сужение возможностей использования и хищническая эксплуатация географической среды в эпоху империализма не только сковывают дальнейшие возможности преобразования ее, но нередко разрушают уже достигнутые человеком завоевания в области покорения природы.

Первая коренная особенность капиталистического производства состоит в том, что средства производства являются частной собственностью класса капиталистов. Погоня за прибылью, конкуренция между капиталистами и их объединениями выступают главным стимулом капиталистического производства и его дальнейшего расширения. Этот же стимул определяет и характер, степень воздействия капиталистического общества на географическую среду, степень ее использования и преобразования. Погоня за прибылью неизбежно порождает нерациональное воздействие на природу, расхищение естественных богатств.

Вредные для человека изменения географической среды, порождаемые капиталистическим производством, нельзя сводить к случайным злонамеренным действиям отдельных лиц. Нет, здесь разрушительные последствия — неизбежное следствие системы; они обусловлены природой самого капиталистического производства. Эти последствия неустранимы до тех пор, пока существует капитализм, ибо воздействие на географическую среду там обусловлено не общими интересами всех людей, а антиобщественным, корыстным стремлением класса капиталистов.

Нерациональный характер капиталистического отношения к окружающей природе обусловлен стихийными законами капиталистического производства. Как в отношении между товаропроизводителями, так и в отношении к окружающей природе эти стихийные законы прокладывают себе путь помимо воли и сознания действующих

субъектов; они приводят к результатам, самым неожиданным и прямо противоположным их стремлениям. Капиталисты не являются господами своих общественных отношений и отношений к окружающей природе, наоборот, над ними господствуют стихийные законы.

«Хотя капиталистический способ производства, — указывает К. Маркс, — принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неустранимых, хотя по существу дела излишних» [1]. Расточительство выражается, например, в возрастающих издержках на рекламу, в росте торгово-посреднического аппарата и других расходов, в конкурентной борьбе. Американская пословица, гласящая, что «дороже стоит продать товар, чем его сделать», правдиво выражает размеры расточительства.

То же самое и в отношении к окружающей природе средства и силы капиталистического общества используются не столько для усиления власти человека над ней, сколько для удержания господствующего положения капитализма и для усиления или сохранения позиций одних монополистов в борьбе с другими. «При капиталистическом производстве, — пишет К. Маркс, — с одной стороны, много средств расточается, а с другой стороны, при постепенном расширении дела наблюдается много случаев такого рода нецелесообразного расширения в стороны (отчасти во вред рабочей силе); причина заключается в том, что здесь ничто не совершается по общественному плану, но все находится в зависимости от бесконечно различных обстоятельств, средств и т. д., с которыми считается отдельный капиталист. Из этого вытекает огромное расточение производительных сил» [2].

Так, например, конкурирующие между собой в добыче нефти владельцы смежных нефтеносных территорий прежде всего бурят скважины по границам своих земель, чтобы извлечь побольше нефти с площади конкурента.

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 532.

[2] *К. Маркс,* Капитал, т. II, Госполитиздат, 1949, стр. 168—169.

В результате получается излишняя густота скважин в приграничных участках, что является нерациональной растратой живого общественного труда и средств в использовании географической среды. Американские железнодорожные компании намеренно строили мосты через реки низко над водой, чтобы препятствовать развитию водного транспорта и этим устранять своих конкурентов.

Конкурирующие английские угольно-газовые компании оказывали длительное сопротивление строительству электростанций, электрификации промышленности и городского хозяйства. Враждующими капиталистическими фирмами расходовались огромные средства не для быстрейшего и лучшего использования электричества как могучей силы природы и более универсальной формы энергии, а для подкупа государственного аппарата в надежде задержать электрификацию и на другие мероприятия, смысл которых противоположен целям усиления власти человека над окружающей природой.

Анархия, стихийный характер капиталистического производства порождает уродливое географическое размещение промышленности капиталистических стран и международное капиталистическое разделение труда. Ненормальное территориальное размещение добывающей промышленности дореволюционной России, нынешней Английской империи и других капиталистических стран объясняется не природно-технико-экономическими факторами, а вытекает из противоречий капиталистического развития. Промышленные центры, возникающие вдали от источников сырья, топлива и рынка сбыта, порождают перевозки большой массы грузов, сырья, топлива и готовой продукции на дальние расстояния. В результате столь нерационального использования природных богатств и естественных сил природы происходит излишняя затрата общественного труда. Все это резко сокращает возможность капиталистического общества подчинить себе и использовать окружающую природу.

В капиталистическом мире обычны акты прямого разрушения средств воздействия на окружающую природу: конкуренты провоцируют друг у друга пожары на нефтепромыслах и складах продукции, поломку машин, аварии в шахтах, на транспорте и т. д. Крупные капиталистические фирмы переманивают специалистов, запрещают

использование их опыта другими и засекречивают новые, более эффективные методы производства.

Таким образом, в преобразовании и использовании окружающей природы капитализм не сплачивает людей, а разъединяет на враждующие и борющиеся друг с другом группы даже внутри класса капиталистов.

Хищническое использование при капитализме ископаемых богатств недр, плодородия почвы нельзя объяснить недостаточно совершенной техникой, слабой организацией производства в ряде отраслей и стран или существованием среди людей злонамеренных лиц, как это пытаются представить многие буржуазные экономисты и социологи.

Множество фактов из прошлого и современного развития капитализма показывает, что хищническое отношение к окружающей природе присуще капиталистическому хозяйству и будет существовать до тех пор, пока не будет целиком уничтожен капиталистический способ производства.

Исследователи капиталистической цивилизации супруги Уэбб в своей книге «Упадок капиталистической цивилизации» вынуждены признать, что «при капитализме невозможно создать интерес в производстве, который не был бы также интересом в упадке и разрушении» [1].

Они показывают, что в капиталистическом обществе, начиная со стекольщика, заинтересованного в буре с градом, и владельца придорожного гаража — в несчастных случаях с автомобилями, и кончая крупными фирмами — все заинтересованы в том, чтобы природа почаще проявляла свою непокорность человеку и побольше вызывала стихийных бедствий, аварий, несчастных случаев и т. п. «Созидатель прибыли, — читаем мы в вышеназванной книге, — по самой своей природе, заинтересован в повреждении и разрушении не только наиболее ценных орудий производства, но и некоторых из тех, которых нельзя заменить» [2].

Поскольку в капиталистическом обществе отношение к географической среде всецело обусловлено извлечением прибыли, то всякое хищническое отношение к географи-

---

[1] *С. и Б. Уэбб,* Упадок капиталистической цивилизации, изд. «Мысль», Л. 1924, стр. 102.

[2] Там же.

ческой среде, уменьшающее затраты и сулящее большую прибыль, будет безусловно претворено в жизнь, независимо ни от каких гуманных соображений и общественных интересов. «Если капиталист, — пишут С. и Б. Уэбб, — находит, что он может обогатиться скорее при помощи беззаботного потребления незаменимых минеральных источников общества, при помощи наиболее расточительной утилизации его лесов и при помощи истощения плодородия его земель, — как бы ни было это разорительно для постоянных экономических интересов общества, — то ничто не может воспрепятствовать или даже отговорить от такого употребления диктатуры, заключающейся в частной собственности на орудия производства» [1].

Хищническое отношение капиталистов к использованию богатств природы привело во всех странах к истреблению лесов, что повлекло за собой обмеление рек, истощение и прямое разрушение прежде плодородных почв и неблагоприятное изменение климата.

Вплоть до начала XX столетия мировая потребность в каучуке удовлетворялась за счёт ресурсов дикорастущих в Южной Америке каучуконосных деревьев. Со временем Америка лишилась ресурсов натурального каучука, так как хищническая их эксплуатация уничтожила эти деревья.

В наше время хищничество выражается в неразумной эксплуатации и опустошении запасов рудоископаемых, дающих человеку металл для различных орудий труда, минеральных богатств и прочих источников, содержащих резервы потенциальной энергии. В опубликованном сборнике Американской академии политических и социальных наук в статье «Горняки и электрификация» Мак Алистер Келеман сообщает, что в американской угледобывающей промышленности при существующих условиях выработки «одна треть угля остается в земле и теряется навсегда».

Назначенная президентом Ф. Рузвельтом комиссия по проверке добычи нефти в США в своем докладе вынуждена была признать: «Сырая нефть добывалась с преступной небрежностью. Миллиарды кубических футов

[1] *С. и Б. Уэбб,* Упадок капиталистической цивилизации, стр. 158.

газа уходили в воздух при производстве нефти. Поскольку не было возможности сбыть излишек нефти, образовались запасы, которые хранились ненадлежащим образом, в результате чего нефть испарялась, портилась, а частью гибла от пожаров» [1].

Буржуазные экономисты и социологи всячески восхваляют «частную инициативу» и «честную конкуренцию», изображая их как непревзойденные и высшие черты современной цивилизации, благодетельствующие человечество. Однако наиболее здравомыслящие из них не скрывают, что «частная инициатива» и «честная конкуренция» являются лишь прикрытием для хищнической экспансии капиталистов. *«Всякая конкуренция,* — признает Дарроу, — *является дикой, волчьей, ненасытной, и она не может быть иной.* О справедливой конкуренции можно мечтать с таким же успехом, как и о ведении войны деликатными способами» [2].

Эта волчья конкуренция, или ненасытная погоня за прибылью, является разрушающим началом в воздействии на географическую среду. Даже такие закоренелые фабианцы, обычно сглаживающие острые углы в критике капитализма и избегающие четких классовых характеристик политических и экономических процессов, как супруги Сидней и Беатриса Уэбб, признают, что хищничество и разрушение окружающей природы присущи капиталистическому производству и без этого его существование немыслимо, подобно тому как жизнь волка немыслима без истребления им других животных. «Но ни один большевистский агитатор, — пишут они, — не мог бы заклеймить опустошение и разрушение природных ресурсов материка Америки более неумеренными выражениями, чем президент Рузвельт [3] и губернаторы отдельных шта-

---

[1] *Дарроу,* Второй доклад президенту США. Сборник «Плановые маневры в капиталистических странах», Соцэкгиз, М. 1936, стр. 231.

[2] *Дарроу,* Первый доклад президенту комиссии по обследованию закона о восстановлении народного хозяйства. Сборник «Плановые маневры в капиталистических странах», Соцэкгиз, М. 1936, стр. 219.

[3] Здесь имеется в виду не Франклин Рузвельт, а Теодор Рузвельт (1858—1919), президент США в 1905—1909 гг., являвшийся вдохновителем американского расизма и геополитики.

тов». «Причиной всего этого опустошения и разрушения не является зложелательство человека, даже капиталиста, но это неизбежный результат извлекающего прибыль предпринимательства» [1].

Таким образом, хотя воздействие на географическую среду в капиталистическом обществе происходит, как правило, на основе современного знания законов природы, тем не менее оно ограничено классовым интересом капиталистов и поэтому носит хищнический характер. Только с уничтожением капитализма и созданием социалистического строя перестает быть стихийным использование человеком законов природы. При социализме воздействие на географическую среду, основанное на полном использовании науки, впервые в истории получает небывалые масштабы разумно-плановой деятельности всех членов общества.

2. Хищническое использование природных богатств

Капиталистическое сельское хозяйство сделало огромный шаг вперед в сравнении с феодальным. Расширились территориально, значительно возросли масштабы сельскохозяйственного производства продовольственных и технических культур. Были созданы в больших размерах не существовавшие прежде отрасли сельского хозяйства. Для удовлетворения спроса промышленности и населения городов стали производиться в большом количестве совершенно новые сорта технических и продовольственных культур. Стали применяться более совершенные орудия труда, что резко повысило его производительность. Таким образом, и в сельском хозяйстве капитализм усилил воздействие человека на географическую среду и расширил рамки ее использования.

Но вместе с этим в силу капиталистического характера производства использование свойств и богатств географической среды приобрело хищнический характер, приводящий к разрушению благоприятных природных условий сельскохозяйственного производства.

---

[1] *С. и Б. Уэбб.* Упадок капиталистической цивилизации, стр. 109, 111—112.

Известно, что леса играют исключительно важную роль в сохранении и регулировании влажности почв, они предупреждают эрозию почв, смыв плодородного покрова. Однако истребление лесов при капитализме получило такой губительный размах, что превзошло за последние полтора столетия размеры уничтожения лесов за всю предыдущую многотысячелетнюю историю существования человека на земле.

Ограниченные попытки в капиталистических странах проводить лесонасаждение остаются бесплодными, наталкиваясь на сопротивление частных земельных собственников.

Мелким земельным собственникам, придавленным к земле капиталистической конкуренцией, непосильны даже простейшие лесомелиоративные мероприятия. А капиталисты не идут на вложение своих капиталов в такую отрасль, как лесонасаждение, где оборот капитала крайне медленен и мало шансов на быстрое извлечение высокой прибыли. Да и правительства, выражая интересы монополистов, ни в одной капиталистической стране не оказывали противоборства хищническому истреблению лесов. Наоборот, в завуалированной форме они узаконяли это истребление. Не случайно русские лесоводы называли основной закон царского правительства о сохранении лесов — законом об истреблении лесов. Д. П. Корницкий, автор книги «Гибнущие леса» (1910), свидетельствует, что в царской России не только частные лесовладельцы, но и казна держит в своих руках леса отнюдь не ради их культивирования, а исключительно в интересах фиска — ради доходов.

К. Маркс писал, что «...рациональное земледелие на каждом шагу наталкивается на непреодолимые помехи, полагаемые частной собственностью»[1]. В силу конкуренции совершенно невозможны самые элементарные агротехнические мероприятия, если они выходят за рамки частного хозяйства и требуют для своего претворения в жизнь сотрудничества многих собственников. В Соединенных Штатах Америки, например, процесс хищнического разрушения плодороднейших почв идет нарастающими темпами. Даже элементарные агромероприятия на-

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 630 (примечание).

талкиваются там на сопротивление земельных собственников, не желающих производить затраты на лесонасаждения.

На хищническое использование капитализмом природных богатств указывал еще Ф. Энгельс в «Диалектике природы»: «Какое было дело испанским плантаторам на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получавшим в золе от пожара удобрение, которого хватало на *одно* поколение очень доходных кофейных деревьев, — какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный отныне верхний слой почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы! При теперешнем способе производства и в отношении естественных и в отношении общественных последствий человеческих действий принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный результат. И при этом еще удивляются тому, что более отдаленные последствия тех действий, которые направлены на достижение этого результата, оказываются совершенно иными, по большей части совершенно противоположными ему» [1].

С ростом масштабов капиталистического сельского хозяйства росли и размеры его разрушения. «Всякий прогресс капиталистического земледелия,— писал К. Маркс, — есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия» [2].

Выдающийся русский почвовед П. А. Костычев, изучая состояние земледелия дореволюционной России, также приходил к заключению, что современное ему земледелие истощает и разрушает плодородие почвы. Он показал это на нарастании неурожайности: если в XVIII веке, указывал П. Костычев, в среднем неурожаи были один раз в десять лет, то в XIX веке они стали происходить один раз в три года [3].

Американские экспансионисты и другие проводники «доктрины Трумэна» ныне усиленно расхваливают

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 143.

[2] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 509.

[3] См. *П. А. Костычев,* Почвы черноземной области России, Сельхозгиз, М.—Л. 1937, стр. 8.

американскую «частную предприимчивость». К чему же привела сельское хозяйство США эта пресловутая «частная предприимчивость?» По признанию генерального директора Международного объединения по вопросам продовольствия и сельского хозяйства при организации Объединенных наций Бойда Орра, разрушение почв в земледелии США нарастает катастрофическими темпами. В своей публичной лекции в 1948 г. в Лондоне он заявил: «Темпы истощения плодородной почвы в США вызывают тревогу. Примерно одна четверть площади, первоначально занятой пахотными землями и пастбищами, уже опустошена в США или серьезно истощена. Каждый год в этой стране уничтожается три миллиона тонн верхних плодородных слоев почвы». Растущее разрушение плодородных почв капиталистическим земледелием признает и руководящий орган английских лейбористов — «Дейли геральд». В номере от 14 мая 1948 г. эта газета писала: «Мы истощаем и обедняем почву, и день расчета близок». Процессы эрозии в США достигли зловещих размеров. Уже свыше 55% всей поверхности Америки так или иначе поражены эрозией; это означает, что миллионы гектаров прежде плодородных земель превращаются в пустыню.

Все это свидетельствует о том, что капиталистическое земледелие не только не обеспечивает дальнейшего наступления на окружающую природу в интересах материальной жизни общества, а, наоборот, обрекает это общество на отступление перед стихийными силами природы.

Механизация сельского хозяйства в капиталистических странах протекает неравномерно. Так, например, среди капиталистических стран в наиболее механизированном сельском хозяйстве США весь парк тракторов, комбайнов и грузовиков сосредоточен в 30% ферм, а в остальных 70% ферм работают на живом тягле на основе рутинной техники, тысячелетиями используемой человеком [1].

Сельское хозяйство капиталистических стран переживает хронический аграрный кризис, в условиях которого механизация сельского хозяйства становится все более

[1] См. *З. Ракоши,* Об энергетике сельского хозяйства США, журнал «Социалистическое сельское хозяйство» № 7 за 1940 г., стр. 113.

невыгодной, а для мелких хозяйств — непосильной. Рост цен на жидкое топливо, взвинчиваемых нефтяными монополиями, и резкое падение цен на корма за последние годы привели к тому, что фермы, даже имеющие тракторы, используют живую тягловую силу, а тракторы лишь частично используются в наиболее напряженный период полевых работ в помощь рабочему скоту. Нерентабельность современных машин и, как следствие, их бездействие — таковы черты уродливой капиталистической механизации сельского хозяйства.

Известно, что арендаторство в капиталистическом мире является наиболее вредной формой хозяйства, разрушающей сами средства производства. Находясь в условиях непрерывной борьбы конкурирующих капиталистических хозяйств, арендатор не заинтересован (да и не в силах) затрачивать средства и труд для сохранения на длительное время благоприятных условий плодородия. Наоборот, он заинтересован в получении быстрого экономического эффекта за счет хищнического использования, ухудшения и разрушения основных средств производства, истощения почвы и пр.

К. Маркс отмечал [1], что руки мелких хозяев, крестьян не действуют на почвы так хищнически и разрушающе, как это происходит в частнокапиталистических или арендаторских хозяйствах. Ревизионисты пытались на этом построить свою реакционную «теорию» преимущества мелкого хозяйства перед крупным.

Ныне наиболее реакционные буржуазные социологи и экономисты также идеализируют фигуру мелкого частного собственника, прикрывая этим все возрастающую власть монополистического капитала и его государственного аппарата как орудия агрессивной внешней и внутренней политики империализма. Они много говорят о том, что техника XX века будто бы сделала рентабельным и конкурентоспособным мелкое хозяйство.

В действительности, как уже говорилось, разорение мелких собственников-фермеров не только не приостановлено, а еще более усиливается. За последние десятилетия в США число арендаторов-издольщиков непрерывно росло за счет разорения самостоятельных фермерских

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 127.

хозяйств. В 1920 г. оно составляло 28%, т. е. более одной четверти всего числа фермеров. В 1930 г. число их возросло до 34,6%, а в 1940 г. удельный вес арендаторов-издольщиков достиг 38,7% всего числа фермеров, — больше одной трети фермеров США разорились и превратились в арендаторов-издольщиков.

Применение новых средств агротехнических наук в современных условиях капиталистических стран не только не облегчает жизнь земледельческого населения, но навлекает на него неисчислимые бедствия.

Известно, что в годы аграрного кризиса в капиталистических странах сознательно уничтожаются сельскохозяйственные продукты, которые могли бы поддержать жизнь погибающих от голода безработных, труд которых мог бы быть использован на крупных работах по предотвращению процессов истощения и разрушения почв и усиления власти человека над окружающей природой. Однако аппарат капиталистических государств используется не для этого, а для разрушения уже созданных производительных сил в сельском хозяйстве: по директивам государственных органов на плантациях вырубают многолетние культурные деревья, плоды которых дают продовольствие и техническое сырье, распаханные поля превращают в зарастающие сорняками пустыри. Так, в Калифорнии, центре плодоводства Америки, в 1931 г. было выкорчевано 500 тыс. персиковых деревьев, занимавших более 5,5 тыс. акров плантаций.

Советские люди привыкли к тому, что общественность СССР и государство наказывают тех, кто оставляет незасеянной часть поля, по чьей вине погибают выращенные растения или продукты. У нас награждают, окружают почетом тех, кто способствует росту посевных площадей, урожайности и более бережливому сбору урожая. Нам, советским людям, непонятен и кажется безумным тот факт, что в США государство выдает денежные премии тем хозяйствам, которые разрушают производительные силы. В капиталистических странах в топках паровозов сжигают пшеницу, молоко выливают в реки, уничтожают картофель, кофе и прочие продукты, когда миллионы людей голодают. Парадоксально, но факт, что в США премируют людей, которых в СССР наказывают как вредителей и врагов общества.

«Мораль истории, — писал К. Маркс еще в «Капитале», — которую можно также извлечь, рассматривая земледелие с иной точки зрения, состоит в том, что капиталистическая система противоречит рациональному земледелию, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует его техническому развитию)...» [1]

Итак, развитие техники и агрономических наук переросло формы землевладения и методы землепользования капиталистического общества и пришло с ними в резкое несоответствие. Частнособственнические формы сельского хозяйства капиталистического общества задерживают дальнейшее развитие производительных сил общества и сковывают деятельность людей для более полного использования окружающей природы и рационального ее изменения.

В сельском хозяйстве еще в большей мере, чем в промышленности, капиталистический способ производства тормозит подчинение природы. Он задерживает технический прогресс и применение средств рационального изменения и полноценного использования географической среды.

Более того, капиталистический способ производства разрушает основные условия материальной жизни общества.

При капитализме предпринимались отдельные попытки освоения полупустынь и пустынь. Однако эти попытки не шли дальше прожектов.

Антагонизм классов, национальная борьба, раздробленность и анархия в приложении труда, конкуренция отдельных сельских хозяйств в капиталистическом обществе лишают возможности рационального освоения пустынь. Кратковременные выгоды, извлекаемые отдельными частными хозяевами, заслоняют коренные интересы общества. Частные капиталистические интересы несовместимы с общественными интересами.

Руководствуясь в своих работах личной выгодой, частные строительные компании экономят на технических силах, на строительных материалах за счет прочности сооружений тех же оросительных систем. Вследствие этого

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, стр. 127.

частые неудачи, катастрофы, прорывы плохо устроенных плотин и каналов приводят большие площади земель в полную непригодность и подрывают доверие к ирригационному делу.

Капиталистические условия ведения сельского хозяйства тормозят прогресс растениеводства и животноводства. Исторически прогресс растениеводства и животноводства осуществлялся преимущественно путем искусственного отбора наиболее приспособленных и более ценных по другим свойствам пород животных и сортов растений. Иллюстрацией может служить создание (хотя и стихийно, эмпирически) культурного сорта сахарной свеклы. Дикая свекловица, предок современной сахарной свеклы, содержит всего около 2% сахара. В половине XVIII века началось уже сравнительно массовое разведение сахарной свеклы, которая давала тогда 6% сахара. Через сто лет, в 1848 г., сахаристость свеклы поднялась до 9,8%, затем через пятьдесят лет — до 15,2% и в наше время достигла 18,1% сахара. Таким образом, сахаристость окультивированной сахарной свеклы превосходит своего дикого предка в девять раз [1].

В последние десятилетия наука создает новые возможности изменения качества растений и животных, а также окультуривания ряда диких растений. Но выводы ученых и практические достижения отдельных хозяйств вступают в резкие противоречия с капиталистическими условиями развития сельского хозяйства, они становятся несовместимыми с последними.

Постоянная угроза полного разорения приводит к тому, что даже крупные сельские хозяйства капиталистических стран не могут нормально воспроизводить наиболее качественно ценные и более нужные породы скота и сорта растений, так как они требуют больших затрат труда и денежных средств.

Капиталистический способ производства еще сильнее задерживает преобразование и подчинение географической среды в сельском хозяйстве колониальных стран. Метрополии стремятся сохранить и использовать в своих целях экономическую отсталость колоний и слабость коло-

[1] См. журнал «Советская ботаника» № 5 за 1933 г., изд. Академии наук СССР, стр. 93.

ниальных народов в борьбе со стихийными силами природы. Так, например, Англия, построив плотины, использует воды Нила в Верхнем Египте для своих хлопковых плантаций; она лишила Нижний Египет воды, экономически и политически изолировала Египетский Судан от Египта.

По определению ряда западноевропейских специалистов, орошаемая площадь древнего Египта составляла 2 713 тыс. *га*. А при владычестве англичан в Египте орошаемая площадь на рубеже XIX—XX столетий составляла всего 1 850 тыс. *га* [1], т. е. на одну треть меньше орошаемой площади при древних фараонах. Таковы плоды колониального владычества англичан, «приобщивших» древнейший народ к «европейской цивилизации».

Итак, в метрополиях и еще более в колониях капитализм обрекает сельское хозяйство на прогрессирующее отставание, на чрезвычайно замедленное развитие, так как хищническое отношение к окружающей природе при капиталистической системе хозяйства неустранимо. «И технически совершенные орудия сельскохозяйственного производства в этих условиях, — писал крупнейший знаток сельского хозяйства академик В. Р. Вильямс, — часто направлены к более быстрому ограблению плодородия почвы, а через нее и общественного богатства населения» [2]. Все это свидетельствует о том, что капиталистический способ производства не столько реализует объективные научно-технические возможности усиления власти человека над географической средой, сколько порождает всякого рода препятствия в решении этой великой задачи.

К началу XX столетия загнивающий капитализм стал сильнее тормозить технический прогресс; в сельском хозяйстве явно обнаружился процесс истощения почвы в результате ее хищнического использования. Буржуазная экономическая и социологическая литература эпохи империализма стала «теоретически обосновывать» непричастность капиталистического способа производства к этим усиливающимся, разрушительным процессам. Наиболее

---

[1] См. *Max Eytz,* Das Wasser in alten und neuen Aegypten, Lebendige Kräfte, B. II, Berlin 1924, S. 30.

[2] *В. Р. Вильямс,* Почвоведение, М. 1949, стр. 368.

подходящим оказался так называемый «закон убывающего плодородия земли». Исходя из «теории» Мальтуса, буржуазные экономисты — Давид, Брентано, Булгаков и другие — пытались «естественными причинами» объяснить отсталость капиталистического земледелия (в сравнении с промышленностью) и узаконить его бесперспективность.

Эта «теория» нашла широкое распространение и в дореволюционной России. Деградация сельского хозяйства, массовое обнищание и революционизирование крестьянства толкали идеологов русского царизма и буржуазии к разработке идей, способных скрыть подлинные социальные причины беспросветного положения крестьянства, объясняющих его причиной, обусловленной якобы самой природой.

Чтобы придать видимость «учености» своим реакционным политическим выводам о естественной предопределенности и неизбежности нищеты и экономической отсталости сельского хозяйства дореволюционной России, Булгаков, например, отводит «закону убывающего плодородия почвы» центральное место в теории экономического развития сельского хозяйства. Он договаривался до абсурда, утверждая, что: «Силы природы обрезывают крылья машинному производству в земледелии и не позволяют объективировать его, как это имеет место относительно других производственных процессов».

Вместо научного обоснования необходимости применения современных агротехнических средств для преобразования географической среды и более продуктивного ее использования Булгаков проповедывал необходимость пассивного приспособления к географической среде.

Видные буржуазные социологи и экономисты царской России все бедствия, обусловленные социальными причинами, пытались взвалить на природные условия: перенаселение в центральных губерниях России, бедность русской деревни, примитивность хозяйства. Все это, по их утверждению, невозможно устранить в силу якобы обусловленности географическим фактором — «скудостью» природных условий, истощением почв.

Распространяя лживые утверждения о якобы непригодности для сельского хозяйства земель на окраинах

Российской империи, особенно в ее северной части и в Сибири, они пытались скрыть стремление царизма сохранить помещичье землевладение и его беспомощность в разрешении переселенческой проблемы.

Критикуя Булгакова и других, Ленин указывал, что нет абсолютно непригодных земель для земледелия, что понятия о непригодных землях исторически преходящи. Ленин разоблачал попытки буржуазных экономистов заслонить тормозящую роль общественных отношений в царской России природным фактором и изобразить это как непреодолимый, вечный закон природы в земледелии. «Непригодным в значительной своей части, — писал Ленин, — этот фонд является в настоящее время не столько в силу *природных* свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие *общественных* свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность» [1].

«Закон убывающего плодородия почвы» Ленин характеризовал как антинаучный и политически реакционный вывод буржуазной политической экономии, «заслонявшей общественные отношения вымышленными «вечными законами»» [2]. В действительности этот так называемый «закон» «представляет из себя бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил» [3].

Дальнейшее повышение производительности освобожденного от оков капитализма сельскохозяйственного труда лежит в селекции семян и научно обоснованной агротехнике. В этой области при социалистическом способе производства имеются практически неограниченные резервы увеличения производительности сельскохозяйственного труда.

««Закон убывающего плодородия почвы», — писал Ленин, — вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неиз-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 228.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 92.
[3] Там же, стр. 93.

менной»[1]. Следовательно, факт убывающего плодородия при капитализме не закон природы, а результат хищнического хозяйствования капиталистического земледелия.

Ленин предсказывал для социалистического будущего бурный прогресс земледелия. Осуществление в нашей стране сплошной коллективизации, организация крупного социалистического земледелия, использующего современные машины и основанного на научно-агрономических методах, укрупнение колхозов и тем самым повышение их технической оснащенности на деле доказали свое превосходство перед земледелием капиталистическим. Общественной практикой подтверждено, что «закон убывающего плодородия» является исторически относительным законом, выражающим одно из существенных свойств капиталистического земледелия, т. е. его хищническое отношение к использованию почв и, как следствие этого, неизбежное понижение плодородия и прямое разрушение почв. Ныне не только для ученых специалистов, но и для всех беспристрастных наблюдателей и практиков социалистического земледелия очевидна вся антинаучность и реакционность утверждений буржуазных социологов и экономистов о вечности и непреодолимости «закона» снижения плодородия почвы и задерживания им прогресса земледелия вообще.

Капиталистический способ производства, сковывая прогресс сельского хозяйства, задерживает преобразование и более разумное использование человеком географических условий. Как в промышленности, так и особенно в сельском хозяйстве капиталистическая система становится все более несовместимой с новыми научными методами производства.

Это замечал и выдающийся наш соотечественник, основоположник науки почвоведения В. В. Докучаев.

«Но, само собой разумеется, — писал он, — что никакая *наука*, никакая *техника* не могут пособить *больному*, если последний *не желает лечиться*, не желает пользоваться указаниями *ни той, ни другой* или беспрестанно, нередко по капризу, нарушает данные ему советы»[2].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 94.

[2] *В. В. Докучаев*, Наши степи прежде и теперь, Сельхозгиз, 1936, стр. 116.

Правда, основоположник научного почвоведения В. В. Докучаев, характеризуя почвы, делал упор на такие их свойства, которые возникают в процессе эволюции самой природы. Он недостаточно учитывал влияние производственной деятельности общества как весьма важного фактора почвообразования и изменения самого существенного свойства почвы — ее плодородия.

Отмеченный недостаток взглядов В. В. Докучаева объяснялся определенными историческими условиями. Тогда господствовали факты главным образом отрицательного влияния человеческого общества на почву, т. е. факты истощения почвы и даже разрушения ее плодородия в мелких крестьянских и особенно помещичье-капиталистических хозяйствах. Процессов же повышения плодородия почвы, порождаемых производственной деятельностью людей, земледелие царской России почти не знало.

Постоянное и в полной мере положительное влияние человеческой деятельности на повышение плодородия почв присуще только социалистическому хозяйству. А этих социальных условий В. В. Докучаев не мог знать.

Роль социального фактора в почвообразовании и, следовательно, изменение плодородия почв научно обосновал позже последователь Докучаева академик В. Р. Вильямс. Он впервые дал всестороннее обоснованное учение о почвообразовательных процессах, раскрыв при этом как решающий фактор влияние человеческого общества на изменение почв. В предисловии к основной работе Докучаева «Русский чернозем» В. Р. Вильямс указывает, что «...с тех пор, как человек стал производить себе хлеб, с тех пор, как стал он обрабатывать землю, он все более и более вмешивается в природное течение почвенных процессов и изменяет его; он в зависимости от социально-экономических условий в стране или обогащает почвенное плодородие или грабит его, а плодородие, как известно, есть существенное качественное свойство почвы» [1].

В. Р. Вильямс обнажил метафизичность буржуазных теорий почвоведения и первым в этой науке доказал, что эволюцию почв следует рассматривать на основе законо-

---

[1] *В. Р. Вильямс,* Предисловие к книге В. В. Докучаева «Русский чернозем», стр. 11.

мерностей взаимодействия человеческого общества и окружающей природы. Благодаря работам В. Р. Вильямса наша социалистическая родина добилась создания новой науки о почвах и их образовании. Его трудами была доказана объективная возможность практически безграничного роста плодородия почв. Он является создателем учения о закономерностях непрерывного повышения плодородия почв. Мы здесь не касаемся некоторых ошибочных положений Вильямса, так как они относятся не к его научной агрономической теории о почве и о биологических основах плодородия почвы, а лишь к его схеме агрономических мероприятий, что не следует отождествлять, как отмечал академик Т. Д. Лысенко в статье «Об агрономическом учении В. Р. Вильямса» [1].

Однако, несмотря на огромные достижения нашей страны в науке о почвах, среди советских почвоведов встречаются еще одиночки, которые не понимают огромных достижений советского почвоведения и в своих работах пытаются тянуть назад. Так, например, профессор А. Родэ при рассмотрении изменения почв игнорирует производственную деятельность людей и полностью сводит почвообразовательный процесс к причинам, лежащим в самой природе.

Изображая себя сторонником учения Докучаева, профессор А. Родэ противопоставляет свою позицию учению Вильямса и фактически выступает против учения последнего. Не поняв Докучаева, А. Родэ не понимает и того, что учение Вильямса основано на концепции Докучаева и является дальнейшим развитием ее. Последующей разработкой науки о почвообразовании и свойствах почв, особенно раскрытием роли рационального земледелия в почвообразовательном процессе, Вильямс устранил некоторую абстрактность в концепции Докучаева и придал науке о почвах вполне конкретный, действенный, революционный характер.

Если, по учению Вильямса, хищнический характер использования почвы в капиталистическом земледелии приводит к понижению и даже разрушению ее плодородия, а рациональное использование почвы в планово разви-

---

[1] «Правда» от 15 июня 1950 г.

вающемся социалистическом хозяйстве, построенном на высшей агротехнической основе, ведет к безграничному повышению ее плодородия, то, по мнению А. Родэ, для науки о почвах подобной проблемы нет и быть не может.

«Идеи» А. Родэ о постепенном замедлении почвообразовательного процесса по своей социальной сущности столь же реакционны, как и пресловутый «закон убывающего плодородия». Различие между ними в том, что так называемый «закон убывающего плодородия почвы» скрывает хищнически разрушительное использование почв при капитализме, «идея» же Родэ исключает возможность повышения плодородия почвы при социализме, ведет к признанию относительного уменьшения ее плодородия.

С позиций А. Родэ получается, что социалистическое земледелие не имеет объективных условий для безграничного подъема урожайности. Выходит, что наша страна не может ставить задачу постоянного повышения плодородия почвы, а следовательно, и роста урожайности, т. е. создания изобилия сельскохозяйственных продуктов как одной из предпосылок перехода от социализма к коммунизму.

Следует указать также на родство точки зрения почвоведа А. Родэ с реакционной позицией вейсманистов-морганистов в биологии, рассуждающих об оскудении фонда «генов» для сортообразования более ценных и продуктивных растений и для породообразования лучших животных. Профессор Родэ и академик Шмальгаузен[1] стоят на общей позиции, пропагандируя «теорию» затухания развития, «естественного предела» в преобразовании человеком окружающей природы.

В действительности всей историей прошлого и современной практикой социалистического хозяйства доказано, что почвообразовательный процесс идет с нарастающей с течением времени скоростью. Хищническое истощение почвенного плодородия при капитализме только временно осложняло этот процесс.

---

[1] См. критику морганистов, данную академиком Т. Д. Лысенко в его докладе «Положение в биологической науке», Сельхозгиз, 1948, стр. 23.

Учение Докучаева—Вильямса о почвообразовании исчерпывающе показывает закономерность развития почв и вооружает советских людей на преобразование природных условий социалистического земледелия, на борьбу за увеличение плодородия почвы и достижение небывало высоких урожаев. В последние годы идея В. Р. Вильямса о том, что «урожаи могут расти беспредельно» [1], овладела в нашей стране миллионами людей, она стала мощной силой и научной основой конкретных планов повышения урожайности социалистического сельского хозяйства.

В современных капиталистических странах разрыв между агротехнической возможностью и действительностью в производительности сельскохозяйственного труда становится все большим. Например, в США и других капиталистических странах за последние десятилетия механизация производственных процессов и энергетического аппарата не охватила сколько-нибудь значительно сельскохозяйственное производство. Производительность годовой работы двигателей внутреннего сгорания (трактора, грузовика, комбайна, индивидуальной электроустановки) не только не больше, но продолжает оставаться меньше даже старых типов двигателя: рабочего скота, водяных и ветряных двигателей [2].

«Несоответствие, — писал Ленин, — в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше... Усиленно быстрый рост техники несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов» [3]. И это объясняется не спецификой непосредственного соприкосновения человека с окружающей природой в земледелии, как утверждали Булгаков и др., а капиталистическим способом производства.

Нарастание отставания капиталистического сельского хозяйства объясняется не географической средой, а об-

---

[1] *В. Р. Вильямс,* Почвоведение. Земледелие с основами почвоведения, Сельхозгиз, 1949, стр. 6.

[2] См. *З. Ракоши,* Об энергетике сельского хозяйства в США, журнал «Социалистическое сельское хозяйство» № 7 за 1940 г., стр. 115.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 196—197.

щественными законами капитализма. Только в результате частной собственности на землю, анархии и хищнической эксплуатации земли, хронического аграрного кризиса, обнищания и разорения самостоятельных земледельцев, арендаторства и батрачества все более ограничиваются возможности технического прогресса сельского хозяйства и катастрофически растёт истощение и непосредственное разрушение почв.

3. Разрушение материальной и духовной культуры человечества при империализме

Более ста лет назад Маркс и Энгельс указывали, что «Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собою лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства» [1].

Современный уровень производительных сил капиталистического общества создал технические возможности для более широкого масштаба использования географической среды, увеличения размаха ее преобразований и усиления власти человека над ней. Но капитализм в эпоху империализма, капитализм загнивающий, не только не создает должного простора для дальнейшего совершенствования многообразных видов использования природных условий, а оказывается неспособным даже полностью использовать уже созданные средства производства.

Все, что делается в империалистических странах по воздействию на географическую среду, является ничтож-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Манифест Коммунистической партии, стр. 38.

но малой частицей того, что можно было бы сделать при современном уровне производительных сил и достижений науки.

Социальная структура капиталистического общества такова, что всякое воздействие на природу производится с позиции эгоистических интересов небольшой кучки монополистов, которые отнюдь не исходят из цели рационального и всестороннего использования и преобразования условий материальной жизни общества. Например, при постройке гидротехнических сооружений для энергетических целей не учитываются задачи транспортного, рыбного и сельского хозяйства. И, наоборот, при сооружении оросительных или транспортных систем (плотины, каналы, шлюзы и пр.) не считаются с возможностью комплексного использования этих систем для энергетических и иных целей. Конечно, этого нельзя объяснить ограниченностью кругозора или неосведомленностью капиталистов и их специалистов, это обусловлено невозможностью в рамках частной собственности дать широкое комплексное решение данных проблем.

Для капиталистических фирм и объединений комплексное решение хозяйственных проблем несовместимо с целями этих фирм как частных предприятий.

Американский экономист С. Чейз, отмечая, что самой прекрасной стороной современной капиталистической цивилизации являются инженерные работы, вместе с тем признает, что сложное техническое строительство осуществляется не для целей всего общества, а в интересах торгашей. «Про современную американскую цивилизацию, — пишет он, — в целом можно только сказать, что она влачит достаточно чахоточное существование». «Техник — современный Прометей, скованный цепями» [1].

В XX столетии, пожалуй, ни одна отрасль капиталистической промышленности не получила такого относительно значительного развития, как рост электроэнергетического хозяйства. Происходило и происходит резкое смещение энергетической базы капиталистического производства — от парового двигателя к электрическому и рост электроэнергетического аппарата. Это объясняется глав-

---

[1] *С. Чейз,* Процветание Америки факт или миф? Гиз, 1931, стр. 149 и 151.

ным образом милитаризацией капиталистического хозяйства. Однако этим же объясняется и отставание темпов и размаха электрификации, неравномерность и ограничение прогресса электротехники, сохранение крайне отсталых форм силового хозяйства.

Торможение электротехнического прогресса сказывается прежде всего в ограничении как количественного, так и качественного роста электроэнергетики. Сказочные размеры прибыли благодаря монополии часто низводят на-нет преимущество новых видов силового хозяйства перед старыми. Так, например, бывший американский посол в Германии Сейкт, выступая на Втором мировом энергетическом конгрессе, заявил, что американские электрокомпании устанавливают рыночные цены на энергию в 15—20 раз выше фактической себестоимости.

С особой остротой сказалось это на наблюдающемся снижении прироста электроэнергии за счёт гидроэлектростанций. Например, использование водных сил для получения электроэнергии в США с 1900 по 1929 г. возрастало в три раза медленнее в сравнении с общим ростом производства электроэнергии [1]. Объясняется это тем, что, несмотря на дешевизну гидроэлектроэнергии и большую экономию в расходовании минеральных видов топлива, сокращение перевозок и высвобождение затрачиваемого на это труда, сооружение гидроэлектростанций требуют более крупных затрат при самом строительстве, а капиталисты неохотно идут на длительное авансирование своего капитала.

Хищническое использование природных богатств привело к массовому разрушению средств уже достигнутого человеком господства над окружающей природой. Ленин в своем анализе монополистического капитализма показал, что монополия не устраняет стихийности и противоречий развития, а «усиливает и обостряет хаотичность, свойственную *всему* капиталистическому производству в целом» [2]. Ныне к признанию этого же вывода вынуждены притти и некоторые видные буржуазные идеологи.

---

[1] См. *В. Вейц,* Современное развитие электрификации в капиталистических странах, изд. Академии наук СССР, Л. 1933, стр. 39.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 196.

Никакая форма капиталистического объединения, никакой размер предприятия, признает Дж. Соул, не может служить защитой против последствий хаотической системы промышленности. Крупный концерн так же беспомощен, как и мелкий предприниматель [1].

Монополистический капитализм сковывает технический прогресс, порождающий новые, более мощные средства воздействия общества на географическую среду и более быстрые темпы ее преобразования. «Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс» [2].

На современном уровне производства и научных достижений международные объединения и так называемые патентные пулы (соглашения) содержат в себе возможности аккумуляции в гигантских масштабах технического опыта, выраженного в патентных расчетах, формулах и чертежах. Но не к этому направлено внимание представителей монополистического капитала. Они преследуют прямо противоположные цели, скупая патенты и вступая в международное соглашение. Эти международные пулы, получившие особенно большое распространение в новейших отраслях капиталистического производства — химической и электротехнической промышленности, как правило, служат не для развертывания технического прогресса, а для его подавления и особенно для задержки индустриального развития экономически отсталых и слабых стран [3].

Не следует впадать в упрощенчество и представлять дело так, что при общей задержке технического прогресса якобы наступил или может наступить сплошной застой, или так называемая стагнация, во всех отраслях капиталистического производства.

---

[1] См. статью «Хаос или контроль». Сборник «Под маской планирования», Госстандартиздат, 1933, стр. 37

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 263.

[3] См. *М. Рубинштейн*, Захват германских патентов американскими и английскими монополиями, «Новое время» № 7 за 1947 г., стр. 3.

Было бы неправильным считать, что в воздействии на географическую среду при капитализме не предпринимается никаких шагов для ее более широкого использования. Бесспорно, что капитализм дает новые средства воздействия общества на природу. К ним относится производство новых машин для добывающей и перерабатывающей промышленности, применение новых способов переработки и использования природных материалов, расширение и усовершенствование транспорта для более быстрого преодоления расстояния и многое другое. Но вследствие узости, уродливой направленности производства, его милитаризации предназначение его — разрушать, поэтому темпы и размах воздействия на природу при империализме крайне низки и при росте технических возможностей не только не возрастают, а относительно все более уменьшаются.

Анализ показывает, что за последние более чем полвека происходит снижение темпов развития капиталистического производства и все усиливается тенденция к застою.

По данным Германского конъюнктурного института Лиги наций, ежегодное увеличение промышленной продукции капиталистического мира составляло (в процентах):

Между 1870 и 1890 гг.	6,3
» 1890 и 1913 »	5,8
» 1913 и 1929 »	3,0
» 1929 и 1937 »	0,4

Капитализм больше не в состоянии полностью использовать уже созданные им производительные силы. Например, недогрузка производственного аппарата для США за пятилетие 1929—1934 гг. достигла не менее 43%, для Германии за 1929—1936 гг. и для Англии с конца первой мировой войны до 1935 г. — около 50%, если принимать за полную нагрузку работу только в одну смену, т. е. 308 смен в году.

В период своего общего кризиса капитализм не способен полностью использовать ни наличное промышленное оборудование, ни массовую производительную силу — миллионы опытных рабочих, техников и инженеров.

За предвоенное десятилетие, с 1929 по 1938 г., армия безработных в капиталистических странах составляла (в миллионах человек):

1929 г.	6,4	1935 г.	20,5
1932 »	26,0	1936 »	16,5
1933 »	26,0	1937 »	14,4
1934 »	22,3	1938 »	18,0[1]

Выходит, что в период 1932—1938 гг. (предвоенные годы) в среднем ежегодно более 20 млн. трудоспособных людей было лишено возможности отдавать свой труд на благо общества. Таково подлинное лицо современной капиталистической цивилизации.

Наиболее отвратительные черты капитализма обнажаются в годы экономических кризисов, которые в период общего кризиса капиталистической системы стали более длительными и разрушительными, когда за депрессией следует лишь некоторое кратковременное оживление, но отнюдь не промышленный расцвет. Хозяйственная жизнь капитализма в результате сильных потрясений пошла вспять. Так, экономический кризис 1929—1932 гг. отбросил назад промышленность капиталистических стран на целые десятилетия: по добыче угля США были отброшены назад на 28 лет, а по производству стали — на 31 год; Англия отстала еще больше: соответственно на 71 и 90 лет[2].

Маркс и Энгельс более ста лет тому назад указывали, что «во время торговых кризисов каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил»[3]. В XX столетии этот процесс разрушения производительных сил приобрел по своему размаху зловещий характер.

Буржуазные социологи и вообще реакционные идеологи капитализма маскируют истинные причины этих потрясений общества ссылками на ограниченность есте-

---

[1] См. *М. Б. Вульф* и *В. С. Клупт*, Статистический справочник, Соцэкгиз, Л. 1937, стр. 62 и Статистический сборник «Социалистическое строительство СССР», Госпланиздат, М.—Л. 1939, стр. 20.

[2] См. «Мировые экономические кризисы» под ред. Е. Варга и др., М. 1937, стр. 36.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Манифест Коммунистической партии, стр. 38.

ственных богатств и на растущую потребность использования их. Сами кризисы изображаются как благотворные якобы для человечества явления, поскольку кризисы, сокращая объем потребления сырья, отдаляют момент истощения естественных богатств окружающей природы. Метафизически рассматривая размеры энергетических ресурсов и других естественных богатств, они не учитывают технический прогресс, который создает новые, более рациональные формы уже используемых ресурсов природы и открывают пути для использования других огромных источников энергии и материалов окружающей природы.

Даже в среде буржуазных ученых и общественных деятелей все чаще раздаются голоса о нарастающей неспособности капиталистов возглавлять производство. Президент США Франклин Рузвельт вынужден был признать, что «большая часть наших машин и орудий остается неиспользованной, а миллионы физически и духовно развитых людей не имеют работы и терпят острую нужду. Мы лишились способности управлять созданным нами хозяйственным механизмом» [1].

Наибольшие разрушения капиталистический строй производит через порождаемые им войны, которые в эпоху империализма приобретают масштабы мировых войн и несут опустошение целым странам и континентам. Превращаются в прах города, разрушаются сооружения, возведенные трудом поколений, разрушаются мощные средства современного господства человека над природой.

Одно наше поколение пережило две мировые войны, самые опустошительные в истории человечества. Население стран, активно участвовавших в первой мировой войне, составляло около 800 млн. человек, а во второй мировой войне — около 2 млрд. Число людей, мобилизованных в действующие армии в первую мировую войну, составляло *36 млн.* человек, а во вторую — *110 млн.* Кроме того, сотни миллионов людей были направлены для производства средств войны, средств истребления людей, разрушения материальной культуры.

---

[1] *Ф. Рузвельт,* Необходимость экономического планирования. Сборник «Под маской планирования», изд. «Стандартизация и механизация», М.—Л. 1933, стр. 127.

В результате первой мировой войны погибло около 10 млн. человек, 20 млн. стало инвалидами, 13 млн. умерло от эпидемий и голода, а многие десятки миллионов остались без крова среди дымящихся развалин городов и сел Европы.

О количестве человеческих жертв второй мировой войны окончательных данных еще нет. Число убитых и погибших в эту войну исчисляется примерно в 50 млн. человек. Количество жертв войны в тылу, среди мирного населения, несомненно, гораздо больше, чем в первую мировую войну.

Современные войны, порождаемые противоречиями капиталистического общества, в невиданных историей масштабах уничтожают главную производительную силу общества — людей. Десятки миллионов наиболее здоровых и работоспособных мужчин капитализм лишает возможности отдавать свой труд на покорение окружающей природы, для улучшения жизни. Империалисты бросают их в войну во имя своих хищнических целей.

«При таком обращении всех производительных средств на служение делу войны мы видим, — говорил Ленин, — что исполняется самое горькое предсказание и что одичание, голод и полный упадок всяких производительных сил охватывают все большее и большее количество стран» [1].

Войны поглотили огромные ресурсы, которые позволили бы намного усилить власть общества над окружающей природой и поднять его благосостояние. Например, общая сумма ущерба, причиненного гитлеровскими захватчиками только одному СССР, Чрезвычайной государственной комиссией определена в размере 679 млрд. рублей.

Загнивание капитализма периода империализма привело к тому, что войны являются единственным фактором специфического технического «прогресса» в капиталистических странах. Все империалистические страны в период между войнами стремятся лишь к тому, чтобы обогнать другие державы в области военного вооружения путем нововведения в области техники наиболее страшных и разрушительных средств. Чем более усиливаются

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, изд. 4, стр. 386.

противоречия между ними, тем сильнее возрастает эта гонка. Одно военное изобретение следует за другим.

Противоречия между капиталистическими государствами не исчезают, а обостряются.

Именно противоречия между капиталистическими монополиями являются, например, причиной длительных проволочек при реализации проекта строительства туннеля под проливом Ламанш, который соединил бы бесперегрузочным и беспересадочным сухопутным транспортом Англию с континентом Европы. Экономически данный проект имеет исключительно большое значение для Франции и особенно для Англии. Реализация его существенно изменила бы географические и другие материальные условия населения Англии и Франции.

Проект этого туннеля был разработан еще в 1865 г. Многим казалось, что его создание есть дело нескольких ближайших лет. Но только через 10 лет, в 1875 г., были начаты строительные работы на французской и английской территории и проложено несколько километров подводного туннеля. Было установлено, что грунт плотного известняка благоприятствует строительству и удешевляет его. Однако вскоре постройку прекратили из-за невозможности примирить англо-французские противоречия и устранить взаимную боязнь использования туннеля в военных целях. На протяжении более полустолетия не один раз поднимался вопрос о возобновлении работ, но и поныне дело сооружения туннеля под проливом остается без движения.

Тормозящая роль капиталистического способа производства в воздействии на географическую среду выражается и в непроизводительных затратах труда. Десятки миллионов людей повседневно отдают свой труд на обслуживание паразитирующего класса, буржуазии. Урезывая производительную затрату труда и средств, капитализм тем самым урезывает возможность целесообразного для общества изменения и использования географической среды.

Например, американская газета «Нью-Йорк таймс» еще в довоенное время приводила данные ежегодных расходов США на собак. Эти затраты по размерам превосходили годовые затраты на сельскохозяйственные машины всех фермеров страны. В Англии, по данным

последней предвоенной переписи, в обслуживании господствующего класса (слуги, повара, конюхи и пр.) было занято мужчин больше, чем в сельском хозяйстве. А трудящихся женщин занято в обслуживании господствующего класса в 20 раз больше, чем в сельском хозяйстве Англии.

Загнивающий капитализм, сковывая технический прогресс и будучи не в состоянии полностью использовать наличные производительные силы, кроме рассмотренного выше породил два новых грозных для человечества последствия:

Во-первых, усиливающаяся тенденция к застою производительных сил в предвоенные 1929—1937 гг. привела к тому, что прирост промышленной продукции стал меньше прироста населения капиталистических стран. Таким образом, от расширенного воспроизводства в предшествующем периоде современный капиталистический мир вступил в такую фазу своего загнивания, когда относительно стала уменьшаться норма производства промышленной продукции на человека. Этот процесс всей своей тяжестью усиливает прогрессирующее обнищание рабочих и крестьян.

Во-вторых, несмотря на высокий технический уровень и некоторый рост его, несмотря на наличие агротехнических условий в сельском хозяйстве, капиталистический мир страдает от абсолютного недопроизводства даже продовольствия и бессилен преодолеть его. Не только в экономически отсталых, но и в самой передовой капиталистической стране с более передовым сельским хозяйством — в США — «урожайность важнейших зерновых культур на протяжении трех последних десятилетий (по 1940 год) либо стабильна, либо даже несколько понизилась». Так называемое капиталистическое перепроизводство объясняется не тем, что производится слишком много, а просто-напросто тем, что трудящимся не на что покупать выработанную продукцию.

Абсолютное недопроизводство продовольствия и невозможность устранить при капитализме голод трудящихся слоев населения было признано и на международной конференции по продовольственному вопросу, происходившей в 1946 г. в Хот-Спрингсе. В своей резолюции она констатировала, что «до сих пор мир никогда не

располагал таким количеством предметов питания, которое было бы достаточно для сохранения здоровья всех народов. Такое положение не может быть оправдано ни незнанием, ни ссылкой на тяжелую судьбу». Международная конференция признала, что «производство предметов питания должно быть значительно увеличено». Но, сознавая, что при существующем капиталистическом хозяйстве это требование является невыполнимой мечтой, конференция не сделала правительствам конкретных рекомендаций. Она вынуждена была признать: «В настоящее время мы еще не знаем необходимых для этого средств».

Несколько позднее, в ноябре 1947 г., выступая на заседании Совета Международной продовольственной и сельскохозяйственной организации, известный специалист по продовольственным вопросам Бойд Орр говорил о дальнейшем ухудшении в ближайшие годы мирового продовольственного положения. По его подсчетам, «число людей в Европе и Азии, которые погибнут от прямых или косвенных последствий голода в ближайшие 12 месяцев, превзойдет число убитых в боях и от бомбежек в любой год войны». Он доказывал, что «даже обильный урожай не спасет многие страны от рационирования хлеба в 1949 г.»[1]

Как же реагируют на зов умирающих от голода миллионов людей основные поставщики продовольствия на мировом капиталистическом рынке — монополисты США и Канады? Факты показывают, что их нисколько не трогает гибель людей от голода. Развертывание же сельскохозяйственного производства противоречит их интересам, так как оно приведет к падению цен на продовольствие. Наоборот, они используют это трагическое положение миллионов людей для взвинчивания цен на продовольствие. Своей политикой голода они добились того, что цена пшеницы на мировом рынке в 1947 г. превышала почти в 5 раз довоенную.

Реакционные социологи и общественные деятели буржуазии для собственного утешения и для дезориентации общественного мнения пропагандируют пессимизм и невозможность познания будущего в развитии общества.

---

[1] *Н. Волгин,* Заокеанские монополисты уничтожают продовольствие, газета «Труд» от 19 ноября 1948 г.

Так, например, Х. Эккерт в содокладе на Цюрихском конгрессе социальной политики говорил: «Мы не в состоянии с какой бы то ни было уверенностью заглядывать в будущее ни на три, ни на тридцать лет вперед. Где находимся и куда грядем? Ответ на этот вопрос, к сожалению, остается как для индивидуума, так и для общества неразрешимым вопросом судьбы, и ни один мудрец не в состоянии найти для данного вопроса должного ответа» [1].

Выступая на том же Цюрихском конгрессе, Г. Шульце-Геверниц прямо указал на опасность для капиталистов допущения научного прогноза о будущем развитии общества.

«Я полагаю, — сказал он, — что, пытаясь создать науку о будущем, мы стоим на скользком пути, ведущем к Карлу Марксу... Я утверждаю: наука парализует политику» [2].

«Гордость» буржуазии Генри Форд также заканчивает свою книгу «Сегодня и завтра» признанием полной бесперспективности, давая весьма курьезный ответ на вторую часть заголовка этой книги: «Никто не может ничего сказать о будущем. Не будем о нем заботиться».

Идеологи реакционной буржуазии пугают народы капиталистических стран заявлениями, что дальнейшее развитие науки и техники якобы является опасным для человечества и якобы приближает его гибель.

Однако развитие науки и техники опасно не для человечества в целом, а только лишь для буржуазии, для существующего загнивающего капиталистического общества. «В цивилизованной и передовой Европе, — писал Ленин еще до первой империалистической войны, — с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство» [3].

---

[1] Сборник «Буржуазные ученые о закате капитализма», Соцэкгиз, М.—Л. 1931, стр. 15—16.

[2] Там же, стр. 33, 34.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 77.

Итак, в эпоху империализма затраты живого труда и технических средств, направленные на усиление власти человека над окружающей природой, соответственно с ростом научно-технических возможностей не только не возрастают, а относительно уменьшаются. Капиталистический способ производства все увеличивает разрыв между техническими возможностями и действительным их использованием для подчинения окружающей природы в интересах всего общества.

Одновременно при капитализме происходит нарастание затрат живого труда и материальных средств для производства всяких средств, разрушающих достигнутый уровень материальной жизни общества. Угрожающе возрастает процесс разрушения созданных производительных сил, являющихся главным средством воздействия на географическую среду.

Современный капитализм сковывает технический прогресс. Капитализм не может рационально использовать новейшей техники как средства повышения уровня власти людей над силами природы.

Следовательно, дальнейшее существование капиталистического способа производства губительно для человечества. Еще 35 лет тому назад Ленин говорил: «И, видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества» [1].

Чтобы прекратить разрушение средств материальной жизни общества, необходимо уничтожить капитализм. Только новый, социалистический способ производства, создающий безграничные возможности технического прогресса, обеспечивает в невиданных масштабах возрастание господства человека над окружающей природой в интересах всего общества.

Теперь это доказано не только теоретически, но и практически развитием социалистического общества в СССР. «Капитализм накопил немало материальных и

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, изд. 4, стр. 440.

культурных ценностей, — говорил т. Молотов, — но он не может уже использовать этого даже в своих интересах. Он уже превратился во многих случаях в душителя прогресса науки, искусства, культуры. Это действительно так, но тем хуже для капитализма. Теперь уже есть кому воспринять наследство капитализма. Коммунизм растет из того, что создано капитализмом, из его лучших и многочисленных достижений в области хозяйства, материального быта и культуры. Коммунизм по-своему перерабатывает все эти ценности и достижения, — но не в интересах верхушки общества, а в интересах всего народа и человечества» [1].

---

[1] *В. М. Молотов,* Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад на XVIII съезде ВКП(б), стр. 51.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Новый характер отношения общества к природе при социализме

Воздействие людей на географическую среду в социалистическом обществе коренным образом отличается от воздействия в предшествовавших формациях и в частности при капитализме как по характеру и масштабам использования минеральных и растительных ресурсов, почв, климата и прочих элементов окружающей природы, так и по темпам и размаху разумного ее преобразования.

Экономической основой социализма является социалистическая собственность на средства производства. Преобразование географической среды и использование природных ресурсов при социализме происходит уже не в корыстных целях частных лиц и их монополий, а в интересах всего общества. Основанная на разумном планировании, социалистическая система хозяйства порождает целый ряд новых форм и средств воздействия человека на окружающую природу, которые при капитализме не осуществимы. Так, гидротехнические сооружения, например, строятся из расчета комплексного хозяйственного использования естественных ресурсов, т. е. для одновременного получения гидроэнергии, проведения мелиорации, организации водного транспорта, водоснабжения, развития рыбного хозяйства и т. п. Для преодоления расстояния как одного из моментов географической среды проводится планово-комплексное использование всех видов современного транспорта (водного, железнодорожного, автомобильного, воздушного), что резко повышает пропускную способность всех имеющихся средств

передвижения и ликвидирует присущие капиталистическому хозяйству в этом случае большие непроизводительные затраты труда и материалов.

В социалистическом сельском хозяйстве воздействие на географическую среду осуществляется на основе широкого и повсеместного применения современных сложных машин и новейших агрономических средств, обеспечивающих не только сохранение плодородия почв, но и повышение его. На основе советской науки создаются совершенно новые, более продуктивные сорта растений и породы животных, которых раньше не было ни в диком, ни в культивированном виде.

Социалистическое преобразование общества начинается с революционного уничтожения политического господства буржуазии и установления диктатуры пролетариата. Экспроприация экспроприаторов и превращение средств производства, в том числе и естественных условий производства, представляющих элементы географической среды, как то: земля и ее недра, леса, водные массивы и пр., в общественную социалистическую собственность создают материальную основу социалистического общества.

Если частная собственность на средства производства распыляла усилия людей в воздействии на географическую среду, разделяя их на антагонистические классы и враждебные конкурирующие группы, то социалистическая собственность сплачивает людей всего общества в единый, монолитный коллектив, создавая этим самым совершенно новую могучую силу для воздействия на природу.

Социалистические производственные отношения построены на товарищеском сотрудничестве и общественной взаимопомощи. Они направлены на плановое расширение производства и усиление власти человека над окружающей природой с целью повышения материального уровня жизни всего общества.

Социалистические производственные отношения порождают новые формы труда. Труд людей из подневольной и тяжелой необходимости при капитализме впервые в истории становится делом чести, славы и естественной потребностью участвовать в общем подъеме благосостояния социалистического общества в целом и каждого члена этого общества в отдельности. Создаются условия, при

которых личные интересы совпадают с общественными.

Характеризуя новые закономерности нашего социалистического общества, товарищ Сталин в 1935 г. говорил: «Люди работают у нас не на эксплоататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы»[1]. В этом основная причина того, что в нашей социалистической стране успешно выполняются и перевыполняются величественные государственные планы хозяйственного строительства. По инициативе самих трудящихся и при поддержке государства проводятся в кратчайшие сроки огромные народные стройки, направленные на лучшее использование и целесообразное преобразование географической среды, как, например, постройка плотин, новых водоемов, оросительных каналов, горных дорог, осушение болот, устройство парков и др.

«Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на своё собственное государство, на свой собственный класс, — это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и усовершенствования нашей промышленности»[2]. Чем больше укрепляются новые, социалистические производственные отношения, тем сильнее проявляется творческий характер социалистического труда, преобразующего мир, окружающую природу. Развитие новых форм труда дает людям все большее моральное удовлетворение, превращая труд в естественную потребность. В этом неизмеримое превосходство социалистического производства перед капиталистическим, жизненность и несокрушимая сила социализма.

«Никогда еще и нигде, — писал М. Горький, — не проявилось с такой сокрушительной силой и в таких героических формах великое значение труда, как это проявляется у нас»[3].

Являясь коллективным хозяином всех средств производства, объединяя трудовую деятельность в масштабе всего общества, люди социалистического общества получают небывалые возможности покорения окружающей

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 499.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 10, Госполитиздат, 1949, стр. 119.
[3] *М. Горький,* Публицистические статьи, ГИХЛ, 1931, стр. 303.

природы и использования могучих сил и обильных богатств ее.

Социалистический способ производства является исторически высшим типом общественной организации труда и, следовательно, воздействия общества на географическую среду. Уничтожая эксплуатацию человека человеком, он направляет производство по пути беспрепятственного непрерывного роста и улучшения условий жизни самих тружеников производства. Он кладет конец явлениям бедности, голода и прочих бедствий людей при капитализме.

Весь общественный труд и все материально-технические средства социалистического общества направляются на созидательные цели, на преобразование и лучшее использование географической среды, в целях скорейшего построения коммунизма.

Если в условиях капитализма общественное производство разъединено на отдельные конкурирующие между собой индивидуальные хозяйства или частные объединения капиталистов, то в условиях социализма общественное производство объединено под общим плановым руководством социалистического государства. Как развитие капиталистического производства немыслимо без анархии, конкуренции, так и развитие социалистического производства немыслимо вне плана и единого управления. Общественные закономерности познаны и регулируются социалистическим государством в интересах трудящихся.

«Здесь та же разница, — писал Ф. Энгельс, — что между разрушительной силой электричества в молниях грозы и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человеку» [1].

Плановое воздействие общества на географическую среду концентрирует современные материально-технические средства и живой труд для наиболее важных изменений географической среды, для обеспечения более быстрых темпов этих изменений.

Важнейшей особенностью планового хозяйства является закономерное развитие его на основе расширенного социалистического воспроизводства.

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 263.

«У нас есть такие возможности, — говорил выдающийся организатор социалистической промышленности СССР Г. К. Орджоникидзе, — которых нет ни у американцев, ни у немцев. Капиталисты работают каждый для себя и готовы каждый друг другу горло перегрызть. Благодаря этой анархии капиталистический мир переживает величайший кризис, а наша страна в это время ведёт гигантское строительство» [1].

Закон социалистического расширенного воспроизводства устраняет существующий при капитализме разрыв между научно-техническими возможностями подчинения географической среды и ее фактическим использованием. Он обеспечивает новые темпы усиления господства человека над окружающей природой.

Планомерное руководство в социалистическом обществе принадлежит государству. Оно выполняет огромную хозяйственно-организаторскую функцию и является новой, величайшей в истории экономической и политической силой, охватывающей все стороны развития социалистического общества.

На основе строго научных данных социалистическое государство определяет реальные возможности более эффективного использования и рационального изменения географической среды. В плановом порядке оно претворяет эти возможности в действительность. На основе знания объективных законов развития и потребностей общества оно концентрирует всю мощь труда и орудий труда социалистического общества и направляет их на преобразование окружающих географических условий для строительства коммунистического общества.

Люди в социалистическом обществе, впервые в истории, сами сознательно создают свои общественные отношения и отношения к окружающим условиям природы.

Еще Ф. Энгельс писал: «Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их

---

[1] *Г. К. Орджоникидзе,* Избранные статьи и речи, Госполитиздат, М. 1945, стр. 231.

все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей»[1].

Созданное гением Ленина и Сталина социалистическое государство превратило производительные силы из господствующих слепых сил в покорных слуг социалистического объединения производителей общественных благ.

Огромная роль в социалистическом преобразовании материальных условий жизни общества принадлежит коммунистической партии — руководящей и направляющей силе советского общества. Почти полвека тому назад, еще до создания этой партии, Ленин писал: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»[2]

Такая организация была создана Лениным и Сталиным, которая привела к коренным социальным преобразованиям в СССР. Одну шестую часть мира, населяемую многими десятками национальностей, в прошлом экономически и культурно отсталую, забитую и придавленную царизмом и европейским капитализмом, она превратила в самую передовую политически и технико-экономически могучую социалистическую державу. Изменились общественные отношения, культурно-политический облик людей, стали иными и географические условия.

Партия Ленина — Сталина как организующая и преобразующая сила раскрывает перед людьми социалистического общества величественные и безграничные перспективы преобразования и использования географической среды на пути к коммунизму.

Социалистическое общество предъявляет высокие требования к науке и технике. Эти требования обусловлены плановостью, быстрыми темпами развития средств воздействия человека на окружающую природу. Поэтому более важную роль приобретают и новые темпы научно-технического прогресса. Ленин указывал, что «только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия. Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 263.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 435.

и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния» [1].

Если разрозненные противоречиями и конкуренцией капиталисты или их капиталистические монополии, все менее заинтересованные в создании новых технических средств, обращаются к научным открытиям лишь в крайней нужде против конкурента, лишь главным образом в военных целях, то при социализме предусматривается грандиозная программа дальнейшего развития науки и техники, направленных на усовершенствование общественного производства, на коренное изменение и более полное использование свойств географической среды.

Это выражается прежде всего в широком развертывании изучения богатых и разнообразных географических условий нашей социалистической родины. Нахождение в недрах земли все новых и новых рудных и нерудноископаемых богатств в районах растущего на них спроса требует научной разработки методов их использования: газификации и энерго-химического использования твердого топлива; более широкого и совершенного применения электротехнологии в металлургии, металлообработке, химическом производстве и др.

Совершенствование производства синтетического каучука, волокнистых веществ, кожи, спирта, пластмасс, легких и твердых металлов и др. уменьшает прежнюю зависимость от данной географической среды. Практическое разрешение и применение передачи электрического постоянного тока на огромные расстояния, производство сложнейших современных приборов в радиотехнике, радиолокации, совершенствование реактивных двигателей как средства получения авиацией больших скоростей — все это создает новые средства преодоления расстояний. Открывающаяся перспектива использования внутриатомной энергии для разработки методов ее практического применения в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве, медицине и прочих областях вооружает социалистическое общество новыми мощными средствами исполь-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, изд. 4, стр. 375.

зования неисчерпаемых сил природы в интересах построения полного коммунизма.

Все это в корне отличает социалистические методы воздействия на окружающую природу от методов классово-антагонистических формаций общества. О хищническом отношении общества к природным богатствам в прежних формациях К. Маркс писал: «Итог таков, что культура, если она развивается стихийно..., оставляет после себя пустыню: Персия, Месопотамия и т. д., Греция» [1]. Напротив, социалистическое общество не расхищает, не уничтожает имеющихся природных богатств, а проводит планомерные преобразовательные работы с целью неуклонного обогащения, увеличения богатств природы.

Характеризуя социалистическое общество, Ф. Энгельс писал, что «человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству» [2].

При социализме человечество совершает величайший скачок из царства необходимости в царство свободы не только в области социальных преобразований, но вместе с тем и в покорении человеком окружающей природы. «Свобода в этой области, — писал автор «Капитала», — может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господствовал над ними; совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXIV, стр. 35.
[2] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 267.

достойных их человеческой природы и адэкватных ей»[1].

Преимущества социалистического способа производства перед капиталистическим подтверждены практически — победоносным развитием социализма в СССР как в мирном сосуществовании двух систем, так и в сложнейшей военной обстановке второй мировой войны, из которой страна социализма вышла не только победившей коварных врагов своих, но и еще более умножившей свое экономическое и политическое могущество.

2. Открытия естественных богатств страны и их роль в развитии социалистического общества

В дореволюционной России мало и плохо использовались многообразные природные условия страны. Богатейшие и разнообразные запасы недр земли почти не изучались. Лучшие люди русского народа и выдающиеся корифеи отечественной науки Ломоносов, Менделеев и другие высказывали предположения о наличии в нашей стране несметных запасов разнообразных минеральных богатств. Они обращались к правительству с предложениями развернуть изучение страны, организовать поиски и разработку этих естественных богатств. Но их предложения не находили поддержки в среде господствующих классов.

Царизм считал строительство острогов по отдалённым местам Сибири более важным делом, чем изучение и освоение естественных богатств страны. Исследования и открытия делались тогда не экспедициями, а самоотверженными народными следопытами, которые на свой собственный страх и риск шли на поиски и которые часто считались «государственными преступниками», были политическими ссыльными — жертвами абсолютизма. Так было с открытием богатейшего в мире угольного бассейна Восточной Сибири — Кузнецкого бассейна. Прибывшая в середине XIX века в неосвоенные районы партия ссыльных в поисках подземных источников воды открыла мощный угольный пласт.

Реакционные классы создали специальную географическую концепцию, пытавшуюся доказать, что будто бы

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 833.

экономическая отсталость России и абсолютистский характер ее государственного строя целиком обусловлены географическими условиями страны.

Наряду с русскими реакционерами-социологами в создании этой антинаучной концепции участвовали и мракобесы западноевропейской «науки». Так, например, А. Гетнер в своей книге «Россия» немало нелепостей приписал географическим условиям и народам нашей страны. Его «труды» услужливо популяризировались и распространялись в дореволюционной России как в оригинале, так и в пересказах других авторов. К сожалению, книги А. Гетнера издавали у нас и в советское время с похвальными отзывами, с предисловиями советских географов (профессора Баранского и др.).

Под видом науки А. Гетнер и другие создали «теорию» о бедности естественных условий в нашей стране.

Многократно указывая на «бедность природы страны», А. Гетнер делает прямой вывод, что именно в Великороссии «отсутствуют» почти все физические и хозяйственные условия «высшего развития». По мнению А. Гетнера, не только экономическая отсталость, но и политическое бесправие народов царской России обусловливалось существующими географическими условиями страны.

Приложением к книге Гетнера помещен очерк А. Безчинского «Азиатская Россия», где последний сообщает, что этими же причинами объясняется культурная отсталость Сибири. По утверждению Безчинского, Сибирь бедна как ископаемыми богатствами недр, так и благоприятными географическими условиями ее поверхности, что якобы делает невозможным заселение и хозяйственное освоение этих огромных, тогда девственных пространств.

Действительно, в дореволюционной России Сибирь являлась тюрьмой, куда тысячами отправлялись в кандалах политические ссыльные. Научных экспедиций для изучения природных условий и поисков естественных богатств царское правительство почти не снаряжало. Сведения о естественных богатствах Сибири сообщались политическими ссыльными и агентами западноевропейских капиталистов, жаждавших завладеть чужими природными богатствами. Невежественные рассуждения о географических условиях Сибири явились идеологическим

оружием царизма, посредством которого затушевывалась реакционная сущность общественного строя России.

Аналогичные рассуждения распространялись и относительно природных условий среднеазиатских окраин Российской империи. Экономическое разорение, полное политическое бесправие и прямое физическое вымирание населения этих окраин объяснялись не колониальным гнетом царизма и местных кровососов, а «бедной» географической средой.

О наличии в горных районах Средней Азии естественных ископаемых существовало неверное представление вплоть до социалистической революции даже в специальной научной литературе. В отношении Памира и Тянь-Шаня господствовал твердо укоренившийся взгляд, что породы, имеющие в себе ценные ископаемые, глубоко закрыты колоссальными толщами осадочных пород. В частности для Памира было установлено, что эта область совсем недавнего происхождения. Процесс этот еще не закончился и сейчас. Из этого делали вывод, что необходимо ждать время, равное нескольким геологическим эпохам, пока под действием солнца, ветра и воды покровные слои будут разрушены и обнажатся коренные породы с заключенными в них полезными ископаемыми.

Отражение этой антинаучной социологической концепции в специальной экономической, естественно-географической, геологической и технической литературе препятствовало изучению и использованию естественных богатств страны. «В итоге к 1917 году, несмотря на то, что мировая геология как наука к этому времени уже поднялась на значительную высоту, Россия оказалась геологически изученной в весьма слабой степени, 90% ее территории оставались белым пятном» [1].

В целях сохранения внутри страны высоких цен и монополии рынка сбыта иностранный капитал, проникший в Россию, также был заинтересован в задержке исследования и использования многообразных топливно-энергетических и сырьевых ресурсов страны. «Монополистический капитал, захвативший в свои руки донецкую

[1] Сборник «Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР», ГОНТИ, М.—Л. 1939, стр. 12.

каменноугольную и кавказскую нефтяную промышленность, всячески препятствовал разведке и исследованию новых месторождений, могущих стать его конкурентами» [1]. Выражая интересы капиталистов, царское правительство меньше всего интересовалось изучением природных богатств и более широким их использованием. Оно расходовало ничтожно малые средства на геологические исследования и разведки естественных богатств России. В результате огромные природные ресурсы до победы социалистической революции не только мало использовались, но были почти неизвестны.

Вместе с тем, несмотря на низкий уровень промышленного развития, царская Россия переживала хронический топливный голод, а цены на топливо, диктуемые монополистами Донбасса и Баку, возрастали. Большую долю в топливном балансе дореволюционной России составляли дрова. Происходило губительное расхищение лесов. Наряду с этим в предреволюционные десятилетия падала добыча топлива местного значения (Подмосковный угольный бассейн, торфоразработки и пр.). Даже электростанции потребляли высокоценные виды дальнепривозного топлива. Например, «в 1913 г. в топливном балансе электростанций 60% приходилось на нефть и мазут и 40% — на донецкий и иностранный уголь» [2].

Таким образом, продиктованная монополистическим капиталом политика, с одной стороны, парализовала использование дешевых местных энергетических ресурсов и, с другой — усиливала рост неразумного хищнического уничтожения ценных лесных массивов и потребления таких дорогих в то время видов топлива, как донецкий уголь и бакинская нефть.

Реакционную политику царизма официальные «идеологи» стремились замаскировать ссылками на невыгодное своеобразие географических условий страны. Они утверждали, что «Россия — страна органического дефицита топлива» [3].

---

[1] *А. Е. Пробст,* Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР, изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1939, стр. 246.

[2] Там же, стр. 121—122.

[3] *В. Н. Кирш,* Топливоснабжение России, М. 1918, стр. 42.

Реакционный характер «теории» о бедности географической среды нашей страны сказывался не только в том, что она служила идейным оружием защиты и оправдания царизма, но и в том, что она насаждала и укрепляла несовместимый с общественным прогрессом предрассудок о невозможности преодоления экономической и культурной отсталости России.

Однако антинаучные нелепости тогда преподносились как «новейшие достижения» западноевропейской «науки». В этом в частности проявлялось лакейское преклонение перед реакционными идеями иностранщины, свойственное помещикам и буржуазии России.

Здесь уместно напомнить о том, что в годы первой и второй пятилеток социалистического строительства вредители в своей подрывной работе также часто прибегали к выводам иностранной «науки» и капиталистическому «опыту». Стремясь к реставрации капиталистического строя в СССР, вредители пытались сорвать намеченные темпы социалистического преобразования страны. В своих подлых замыслах они опирались на дореволюционные идеи о бедности природы СССР и невозможности достигнуть намеченного уровня в развитии промышленности и сельского хозяйства.

Ленин и Сталин с первых дней победы Октябрьской социалистической революции обратились к анализу всех условий построения нового, социалистического общества. Они показали, что в нашей стране наряду с созданием решающего условия для построения нового общества — завоевания диктатуры пролетариата — географические условия также благоприятствуют строительству социалистического общества. Ленин указывал в работе «Очередные задачи советской власти», что Советская Россия располагает «гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 27, изд. 4, стр. 228.

В работе «Главная задача наших дней», формулируя программу борьбы советского народа за величайший общественный прогресс, за построение нового, социалистического общества, Ленин писал: «...Наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств... У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь» [1].

Таким образом, при обосновании конкретных задач социалистического преобразования нашей родины Ленин учитывал и ее выгодные географические условия. Вместе с Лениным товарищ Сталин также уделял огромное внимание теоретической разработке вопроса об условиях построения нового, социалистического общества. В 1920 г., развивая теорию постоянных и преходящих условий укрепления Страны Советов, товарищ Сталин указывал: «Затем, есть еще второе условие, тоже постоянного характера, благоприятствующее развитию социалистической России. Это то обстоятельство, что Россия представляет собой одну из немногих в мире стран, изобилующих внутри всеми видами топлива, сырья и продовольствия, т. е. страну, независимую от заграницы в отношении топлива, продовольствия и пр., страну, могущую обойтись в этом отношении без заграницы. Нет сомнения, что если бы Россия жила чужим хлебом и топливом, вроде, например, Италии, она попала бы в критическое положение на другой же день революции, ибо достаточно было бы блокировать ее, чтобы она осталась без хлеба и топлива. Между тем, предпринятая Антантой блокада России ударила по интересам не только России, но и самой Антанты, ибо последняя лишилась русского сырья» [2].

После гражданской войны, к концу восстановительного периода, когда проблема научного обоснования воз-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, изд. 4, стр. 134—135.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 4, стр. 376.

можности построения социалистического общества в нашей стране встала в порядок дня со всей политической остротой, товарищ Сталин в ряде своих трудов на новом обширном историческом материале показал, какие условия обеспечивают построение социализма и коммунизма в нашей стране. В числе этих объективных условий товарищ Сталин вновь указывает на благоприятные природные, географические условия. В 1931 г. в речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности товарищ Сталин, говоря об имеющихся предпосылках успешного социалистического строительства, отмечал:

«Прежде всего требуются достаточные *природные богатства* в стране: железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок. Есть ли они у нас? Есть. Есть больше, чем в любой другой стране. Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале! У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении. С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно» [1].

Ленин и Сталин развенчали и разбили в прах реакционную «теорию» бедности географических условий России, указывая, наоборот, на неисчерпаемые природные богатства СССР.

Идеи Ленина и Сталина явились и являются огромной плодотворной силой для процесса познания природы. Порождённый новым, социалистическим строем научно-технический прогресс представил ныне географические условия СССР совершенно в ином свете. Земля как бы чувствует, говорил Максим Горький, что родился на ней законный, настоящий, умный хозяин, и, открывая недра свои, она развертывает перед ним свои сокровища.

В результате огромных достижений советских геологоразведывательных организаций обнаружены огромные запасы энергетических и сырьевых ресурсов. Так, например, общие запасы угля в СССР, исчислявшиеся в 1913 г.

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 324.

в 223 млрд. *т*, уже в 1937 г., по данным VII Международного геологического конгресса, составляли 1 654 млрд. *т*, т. е. в 7 раз больше. В одном Кузбассе выявлена такая мощная концентрация угля, которая в два раза превосходит все запасы угля дореволюционной России (тогда угольные запасы Кузбасса определялись, по тем же данным, в 35 раз меньше ныне обнаруженных). В Кузбассе преобладают мощные угольные пласты, по толще достигающие десятков метров (в Донбассе мощность пластов угля два метра), и расположены они местами неглубоко, благодаря чему себестоимость угля здесь ниже, чем в других бассейнах.

Помимо угля и нефти наша страна располагает огромнейшими запасами торфа. Хотя по добыче торфа СССР занимает первое место в мире, прирост запасов торфа в стране превышает его расходы.

В энергетическом балансе социалистического хозяйства большое место занимает использование природных газов, которые в дореволюционное время оставались неизвестными. В последние годы открыт и используется в промышленных и бытовых целях ряд новых мощных месторождений природного газа — Саратов, Бугуруслан, Дагестан, предгорье Карпат и т. д. Народнохозяйственная роль природных газов СССР особенно велика в силу выгодного географического размещения их в экономически развитых районах европейской части СССР и в районах, непосредственно к ней примыкающих, и удобной бесперебойной транспортабельности по газопроводам на большие расстояния. Это значительно укрепляет энергетическую базу крупных промышленных центров и крупных городов: Москвы, Киева, Саратова, Куйбышева и др.

По вступившим в строй после войны газопроводам Саратов — Москва, Дашава — Киев, Кохтла-Ярви — Ленинград природный газ подается на многие сотни километров через реки и горы, болота и леса, заменяя многие тысячи тонн угля и кубометров дров.

При рассмотрении вопроса об обеспеченности природными богатствами следует учесть и то, что природный газ, нефть, уголь и горючие сланцы являются не только топливом, но и ценным химическим сырьем для получения масел, красок, спирта, каучука, пластмасс, удобрений и других промышленных продуктов.

Открытие больших запасов природного газа и быстрое его промышленное использование являются одной из крупнейших побед социалистического общества в покорении и использовании свойств окружающей природы. Эти примеры являются ярким показателем преимуществ социалистического хозяйства перед капиталистическим в воздействии на географическую среду. Только уничтожение частной собственности на средства производства сделало возможным достижение такого высокого уровня подчинения и использования сил природы.

Большие достижения СССР имеются в области использования гидроэнергии, которая раскрывает перед человеком грандиозные перспективы. Систематическое и плановое изучение гидроэнергетических ресурсов на обширной территории нашей страны началось лишь после победы социалистической революции. Научной разработки гидроэнергетических ресурсов до революции в стране не было. Гидроэнергоресурсы до революции определялись в 14,6 млн. *квт*. В годы социалистического строительства было развернуто широкое изучение их созданным после революции Энергетическим институтом Академии наук СССР.

В последние годы запасы водной энергии, могущей быть превращенной в электроэнергию, определяются в 280 млн. *квт*, т. е. обнаружено ее почти в 20 раз больше. При этом не учтены еще запасы гидроэнергоресурсов некоторых территорий СССР: севера, запада, юга и Дальнего Востока. В среднем на одного человека в СССР приходится около 13 тыс. *квт-ч* в год потенциальных запасов только одной гидроэнергии, что в два с лишним раза больше, чем в США.

Ресурсы гидроэнергии имеются во всех без исключения районах СССР, они столь значительны, их расположение настолько благоприятно, что широкое применение гидроэнергии окажет большое влияние на преобразование всех районов и республик социалистической родины. В послевоенное время началось форсированное освоение гидроэнергии малых рек для колхозного производства, резко повышающее энерговооруженность социалистической деревни.

Мы обладаем также огромными запасами энергии ветра, которая почти не используется для энергетических

нужд в народном хозяйстве. Запасы энергии ветра на территории СССР превосходят в 5 раз запасы учтенной энергии всех видов угля, нефти и воды.

Для практического использования ветра в СССР разработаны типы ветродвигателей малой, средней и большой мощности. Еще в предвоенные годы в Крыму была построена одна из мощных ветроэлектростанций. Спроектированы постройки ряда других крупных установок. В ближайшие годы сооружением единой высоковольтной сети в европейской части СССР будет создана возможность весьма широкого использования крупных ветроэлектроцентралей. Вместе с тем еще большее распространение должно получить строительство мелких местных колхозных ветроэлектростанций. В ряде экономических районов СССР ветроэлектростанции вместе с гидроэлектростанциями в ближайшие пятилетки вооружат людей социалистического общества новыми грандиозными силами, высвободят их труд, прежде затрачивавшийся при паровых машинах и тепловых станциях.

Кардинально изменилась картина обеспеченности страны рудными ископаемыми. Известно, например, что одна только Курская магнитная аномалия, открытая после революции, по своим запасам превышает общий запас всех ныне известных во всем мире месторождений железа.

В царской России утверждали, что в нашей стране полностью якобы отсутствуют необходимые естественные предпосылки для развития медеплавильной промышленности. В результате упорной разведочной работы советских геологов, вдохновляемых величием планов сталинских пятилеток, у нас теперь обнаружено запасов меди в несколько сот раз больше, чем было известно до революции.

Дореволюционная Россия ввозила из-за границы олово, и еще совсем недавно вредителями утверждалось, что на территории Советского Союза месторождения олова отсутствуют. К концу второй пятилетки были открыты крупные месторождения олова.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции возникло и стало развиваться собственное производство алюминия из своей руды боксита, залежи которого открыты на северо-западе и юге европейской части СССР, на Урале и в других районах.

До революции запасы редких металлов в России исчислялись в ничтожных размерах, а о существовании многих даже не подозревали. Теперь обнаружено, что по запасам редких металлов СССР стоит на первом месте в мире.

При крайне отсталом сельском хозяйстве царская Россия свои ничтожные потребности в минеральных удобрениях покрывала за счет импорта и не имела собственного производства якобы из-за отсутствия сырья. В послереволюционные годы установлено, что ни одна страна в мире не располагает такими запасами сырья для минеральных удобрений, какие имеются в Советском Союзе. На Кольском полуострове разрабатывается огромное месторождение хибинских апатитов — «камня плодородия», содержащего фосфор, в Приуралье открыты Верхне-Камские месторождения калийных удобрений — самые крупные месторождения в мире.

В результате невиданного научно-технического прогресса в познании природных условий в СССР обнаружены огромнейшие энергетические и сырьевые природные ресурсы, обнаружены такие ископаемые, о которых раньше и не подозревали, например, олово, редкие металлы, различное сырье для химической промышленности и многое другое.

Коренным образом изменилось представление не только о размерах естественных богатств, но и о их географическом размещении на огромной территории СССР.

В центре страны открыты огромнейшие месторождения железной руды — Курская магнитная аномалия с высоким содержанием железа по отдельным участкам. Открыт, разведан и введен в эксплуатацию целый ряд новых железорудных районов: Халиловский, Хоперский, Северо-Западный (будущая база ленинградской металлургии), на востоке — Магнитогорский, Бакальский и др.

Уже за первое пятилетие (1934—1939) открыто, разведано и введено в эксплуатацию в Волго-Уральской области 10 новых нефтеносных районов. За последние предвоенные 5 лет в различных районах и областях нашей великой родины вновь открыто, разведано и введено в эксплуатацию свыше 40 крупных нефтеносных районов.

«За один лишь 1938 г. было открыто и введено в эксплоатацию 8 новых нефтеносных районов» [1].

Не менее радикально изменилась за советские годы и картина географического размещения запасов угля. Вместо почти единственного Донецкого бассейна открыты и дают уголь Кузнецкий, Карагандинский, Черемховский, Печерский, Сучанский, Сахалинский, Ангренский, Ткварчельский и другие бассейны. Некоторые, в частности Подмосковный, в годы социалистического строительства почти заново созданы.

В дореволюционное время Казахстан и Средняя Азия в экономическом и культурном отношении были крайне отсталыми окраинами Российской империи. Природные богатства, естественные возможности этих окраин бывшие хозяева России — помещики и капиталисты — знали очень плохо, считали их наиболее скудными областями империи, непригодными для хозяйственного освоения в силу якобы непреодолимых суровых географических условий.

«За последние годы, — писал И. М. Губкин, — дана совершенно новая оценка природным богатствам Средней Азии, где были открыты, изучены, а во многих случаях и освоены хозяйством ранее неизвестные богатства. Выявленное наличие природных богатств Средней Азии и ее отдельных республик неузнаваемо изменилось по сравнению с прежним».

Проведенная работа по изучению географических условий и поиски естественных богатств на территории республик Средней Азии сыграли важную роль в создании сырьевой базы для промышленности, в расширении площадей для сельского хозяйства, в частности для технических культур, и в решении транспортных проблем. Открыты и разведаны сырье и ранее неизвестные запасы нефти Туркменистана, золото и редкие металлы Таджикистана, энергия горных рек и способы орошения безводных пустынь, запасы древесины в лесах и пастбища гор и сухих степей. Еще до Великой Отечественной войны было развернуто промышленное освоение наиболее важных вновь открытых месторождений золота, олова и редких

---

[1] Сборник «Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР», стр. 22.

металлов. Опрокинуто сложившееся до революции представление о бедности Тянь-Шаньских гор.

Изучение географических условий Киргизской ССР показало наличие в ее недрах больших запасов многочисленных полезных ископаемых, а также выявило плодороднейшие почвы долин, благоприятные для выращивания сахарной свеклы, волокнистых и других высокоценных сельскохозяйственных и технических культур, и обильные большие горные пастбища, благоприятные для развития социалистического животноводства.

Данные советской геолого-разведывательной службы ставят Тянь-Шань в ряд богатейших рудных районов. Многообразие рудных ископаемых здесь представлено шестьюдесятью химическими элементами менделеевской таблицы. Здесь на территории Киргизии найдены многочисленные месторождения свинца, цинка, меди, золота, серебра, кобальта, мышьяка, сурьмы, ртути, железа, ванадия и других металлов, асбеста, углей, нефти, серы, солей, разного рода строительных материалов, целебных источников, что, в свою очередь, обусловило возможность выявления полезных ископаемых в сопредельных Киргизии районах Узбекистана, Таджикистана, Казахстана.

По гидроэнергоресурсам Киргизская Советская Социалистическая Республика превосходит всю Западную Европу, а по запасам угля и редких металлов стоит на первом месте в Средней Азии.

В дореволюционной России из ископаемых богатств Закавказья были известны только марганец и нефть. Современные данные о районах залегания и запасах нефти оставили далеко позади прежние представления. Но не только нефтеносностью славится советское Закавказье. Советская Грузия обладает большими запасами марганца, угля, на территории Закавказских республик открыты залежи железной руды, кобальта и других металлов, мрамора и других ценных пород. Закавказские советские республики имеют особо благоприятные географические условия для использования горных рек в электроэнергетических и ирригационных целях. Благодаря особенностям рельефа и влиянию прилегающих Черного и Каспийского морей на этой части территории Советского Союза имеются климатические районы с

чрезвычайно разнообразной температурой, режимом атмосферных осадков, водостоков. Реки Кавказа отличаются весьма крутыми по сравнению с остальными районами СССР уклонами русла, что позволяет использовать их с помощью высоконапорных гидравлических установок для получения электроэнергии и последующего направления воды для орошения полей и водоснабжения заводов. Поэтому при относительно небольшой территории, имеющей 191 500 *кв. км*, советские социалистические республики Закавказья обладают весьма значительными запасами гидроэнергии. Среднегодовая потенциальная мощность только основных потоков этого района равна примерно 20 млн. *л. с.* Благоприятные географические условия советского Закавказья выражаются в сочетании больших гидроэнергоресурсов и недр, богатых рудными и нерудными ископаемыми. В этом заключаются благоприятные условия для индустриального расцвета данной территории Советского Союза.

Мягкий субтропический климат приморской части, обилие всюду жизнесозидающей солнечной энергии и наличие возможности создания мощной оросительной и осушительной системы являются благоприятными географическими условиями для развития высокоценных субтропических технических и продовольственных культур (хлопок, чай, цитрусовые, виноград и т. д.).

В новом облике предстал ныне и старый Урал, богатства которого отчасти использовались и прежде, со времен Петра I.

Советскими геологами и химиками на территории Урала учтено свыше 12 тыс. месторождений самых разнообразных полезных ископаемых. Это своего рода единственный в мире по разнообразию минеральных богатств громадный склад природы. Его запасы сырья практически неисчерпаемы даже для самых крупных масштабов социалистического производства. Здесь обнаружены многие химические элементы таблицы Менделеева. В недрах Урала залегают в больших размерах самые разнообразные типы исключительно богатых руд природно легированного черного металла, содержащих примеси хрома, никеля, титана, ванадия и других веществ, необходимых для получения высокосортных сталей. Велики запасы руды цветных металлов, меди и цинка. По запасам платины,

магнезита, калия, асбеста, сырья для алюминия, магния Уралу принадлежит первое место в Советском Союзе, а по ряду минеральных ископаемых — первое место в мире. Разнообразны и исключительно велики здесь запасы химического сырья, огромны запасы нефти. На Урале в одном районе природой сконцентрирован уникальный комплекс промышленного сырья и энергетики для получения черного и цветных, легких и редких металлов, химического и лесного сырья, нерудноископаемых и строительных материалов, твердого и жидкого минерального топлива, гидроэнергии, природных газов и многого другого.

Урал является становым хребтом социалистической индустрии. В годы Отечественной войны социалистический Урал стал мощной экономической базой несокрушимой сталинской линии обороны.

Наша страна, кроме многообразных минеральных богатств, обладает еще большими ресурсами лесов. Общий запас древесины в лесах СССР ориентировочно может быть определен в 45 млрд. *куб. м.* Только один ежегодный естественный прирост древесины в наших лесах, составляющий около 700—800 млн. *куб. м,* превосходит примерно в 3 раза ежегодные промышленные заготовки древесины.

Не менее двух третей всей нашей лесной площади составляют ценные хвойные леса. Они дают высококачественную строевую и поделочную древесину. В частности еловая древесина — лучшее сырье для целлюлозно-бумажной промышленности, а химическая промышленность из нее главным образом производит искусственный шелк и ряд других продуктов. Леса нашей страны полностью обеспечивают народное хозяйство различными сортами древесины, сырьем и строительным материалом.

В царской России древесина шла преимущественно на топливо. В нашем социалистическом хозяйстве древесина используется главным образом как строительный материал и сырье для промышленности. При этом все большее значение приобретает использование древесины как комплексного органического сырья в химической промышленности для получения новых ценных продуктов: бумаги, спирта, пластмассы, тканей, жидких химических продуктов и пр.

Вместе с тем при плановом социалистическом хозяйстве леса выступают как все более возрастающий крупный природный фактор организации социалистического земледелия. Полезащитные лесонасаждения, сохранение существующих и особенно насаждение новых лесов улучшают водный баланс страны, режим рек, смягчают климат. Создаваемые в степи леса защищают сельскохозяйственные растения от жарких ветров-суховеев и плодородие почвы от размыва и выветривания. Они укрепляют пески, берега водоемов и озеленяют пригороды, курорты и населенные пункты вообще, коренным образом улучшая их санитарные условия.

Наша социалистическая родина широко распростерлась на два материка. По площади она в 4 с лишним раза больше всех государств Западной Европы, вместе взятых, и почти в 3 раза больше США.

Территория нашей страны охватывает все климатические пояса земного шара, кроме тропического. Климатические и почвенные условия СССР позволяют выращивать самые многообразные сельскохозяйственные растения технических и продовольственных культур — теплолюбивый чай и холодостойкий ячмень, влаголюбивый рис и сухолюбивое сорго, хлопок и лен, пшеницу, рожь и многое другое. Наша страна имеет самую большую в мире площадь черноземных почв и огромную площадь других плодородных почв. В болотистых районах Белоруссии, удаляя лишнюю влагу, используются торфяники, в республиках Средней Азии на орошаемых полях используются почвы прежде безжизненных пустынь.

Кроме огромного и разнообразного богатства культурных растений, производимых человеком, географическая среда нашей страны располагает большими сырьевыми ресурсами дикорастущих растений. В дореволюционной России их не только не использовали, но не знали даже о существовании многих из них. Вместе с тем для удовлетворения своих потребностей царская Россия тратила валюту для ввоза этого сырья из-за границы.

Развитие социалистического народного хозяйства породило более широкий спрос на растительное сырье и потребность в целом ряде новых видов его. Быстрый рост советской науки помогает удовлетворению этого спроса

открытием новых видов каучуконосов, лекарственных эфиромасличных, дубильных, смолянистых, жиромасличных, волокнистых, кормовых и пищевых дикорастущих растений. Нашими учеными подтверждено, что они могут естественно восстанавливаться в более широких размерах, а многие и производиться культурным способом в нашем социалистическом сельском хозяйстве. Запасы дикорастущих в нашей стране по некоторым видам представляют большое народнохозяйственное значение.

Итак, географическая среда СССР исключительно благоприятна для развития социалистического производства. Сокровища недр, плодородие почв, запасы древесины, энергетические запасы рек — все обращено на удовлетворение нужд советского социалистического общества.

Гениальное научное предвидение Ленина и Сталина о наличии в нашей стране более благоприятных условий для построения социализма и коммунизма, чем в любой другой стране, превратилось в конкретные цифры, говорящие о размерах этих естественных богатств. Советский Союз занимает первое место в мире по запасам нефти, природных газов, железной руды, марганца, хрома, апатитов, калийных солей, древесины и имеет больше двух третей мировых запасов гидроэнергии. Запасы последней в 3 раза превышают ресурсы США и в 5 раз ресурсы Канады. У нас имеется больше половины мировых запасов нефти и торфа. В частности нефти мы имеем в 2 раза больше, чем США, Мексика и Канада, вместе взятые.

Показателен факт: удельный вес запасов железной руды в дореволюционной России считали равным только 1,13% общемировых запасов, теперь же удельный вес железной руды в СССР составляет более половины всех мировых запасов.

Для нашего народа, государства, для партии Ленина—Сталина изучение географических условий не является самоцелью, а прежде всего предпосылкой для быстрого достижения экономической независимости нашей страны и полного обеспечения построения коммунистического общества.

Изучение природных условий является одним из средств преобразования этих условий для создания подлинно человеческих материально-культурных условий жизни. Вскрытые запасы природных богатств и их пространственно-географическое распространение оказали свое влияние на размещение производительных сил нашей страны.

Социалистическое размещение производительных сил в корне отличается от капиталистического и обусловлено совершенно иными общественными закономерностями. Не стихийные законы, как при капиталистическом производстве, не погоня за прибылью и конкуренция, приводящие к хищническому, неравномерному и нерациональному размещению производительных сил, управляют при социализме.

В социалистическом обществе размещение производительных сил происходит планово, оно подчинено задаче наиболее эффективного использования природных богатств и достижения более высокой производительности общественного труда. При размещении новых производительных сил учитываются и другие социальные факторы, как то: предыдущее развитие и состояние производительных сил данной области; необходимость подтягивания экономически отсталых районов до передовых и достижения впоследствии равномерного экономического развития всех районов и национальных республик; необходимость комплексного развития различных отраслей; наличие населения или возможность его переселения для вовлечения в новые отрасли более производительного общественного труда; наличие капиталистического окружения и новых средств войны — возможность военного разрушения или временного захвата их врагом.

Размещение социалистических производительных сил не знает препятствий, порождаемых частной собственностью на средства производства. Оно обеспечивает полное и рациональное использование природных богатств и трудовых ресурсов общества; оно приближает промышленность к источникам сырья и топлива и тем самым резко повышает производительность общественного труда; оно резко сокращает общественные затраты, устраняя нерациональные перевозки сырья, топлива и готовой продукции.

Социалистическое размещение производительных сил основано на указаниях Ленина, сделанных им при разработке плана экономического подъема страны и построения фундамента социалистического общества: «...рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта» [1].

Проектирование новых промышленных предприятий и других крупных инженерно-технических сооружений, строительство новых железных дорог и каналов, развитие новых отраслей сельскохозяйственного производства, использование недр и растительных ресурсов, т. е. в целом размещение производительных сил социалистического общества, опирается на достигнутое знание недр, почв, климата и вообще географических условий данной территории.

XVII съезд ВКП(б) в своем постановлении о втором пятилетнем плане отмечал, что «устанавливаемая программа размещения производительных сил во втором пятилетии обеспечивает изживание хозяйственной и культурной отсталости национальных республик и областей, более равномерное размещение производительных сил и приближение промышленности к источникам сырья, специализацию основных районов по сельскохозяйственным культурам и отраслям, завершение экономического районирования страны в целом» [2].

На примере развития советской угледобывающей промышленности можно проследить резкое изменение в размещении производительных сил страны в сравнении с дореволюционным временем. До революции в Донбассе добывалось 87% всей годовой добычи угля в стране. К концу послевоенной сталинской пятилетки, в 1950 г., угледобыча Донбасса превзойдет дореволюционный уровень в 3,5 раза. Тем не менее удельный вес этого бассейна в результате открытия и использования других новых месторождений снизился в общей угледобыче страны более чем в два раза.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, изд. 4, стр. 288.

[2] «Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б)», Партиздат, М. 1934, стр. 667.

То же наблюдается в нефтяной промышленности. Хотя добыча нефти старого, кавказского, района продолжает играть решающую экономическую роль, удельный вес новых нефтедобывающих районов непрерывно растет. Так, в своем докладе 6 ноября 1950 г. т. Булганин говорит: «Серьезно возросло значение новых нефтяных районов на востоке. Созданы новые крупные нефтяные промыслы и нефтеперерабатывающие заводы в Башкирии. Быстро развивается добыча и переработка нефти в Куйбышевской области, в Туркменской, Узбекской и Казахской республиках. Открыты новые крупные нефтяные месторождения в Татарской республике. Ведутся большие работы по развитию добычи нефти на Сахалине. Удельный вес восточных районов в общей добыче нефти по Союзу увеличился до 44 процентов против 12 процентов в 1940 году».

Ряд природных преимуществ, высокое качество и более удобное залегание уральской руды, кузнецкого и карагандинского угля, благоприятствует также более высокой производительности труда и снижению себестоимости. Помимо этого, надо учитывать, что существовавшая прежде угольно-металлургическая база даже при ее технической реконструкции и большом подъеме не могла обеспечить разрешение величайшей исторической задачи — социалистической индустриализации огромной страны и создания экономического фундамента нового общества; а отдаленность этой базы от мест потребления угля и металла намного снизила бы производительность общественного труда.

Вторая индустриальная база коренным образом улучшила территориальную организацию социалистической промышленности и транспорта СССР.

Из всего сказанного видно, как изменилось влияние географической среды на развитие производства СССР. Если огромные запасы недр были даже неизвестны при царизме, то теперь они не только известны, но и разумно используются в интересах социализма.

Достижения советской передовой науки позволяют включать в производство вновь открытые при социализме богатства недр, а также использовать то, что было раньше известно, но не могло быть использовано в силу противоречий капиталистического способа производства.

Используемые при социализме возможности географической среды, разумеется, существовали при феодализме и при капитализме, однако они оставались тогда втуне, они не включались в производство, а значит, и пропадали бесследно для общества.

Но социалистический строй, усиливая господство человека над природой, все более и более освобождает общество от зависимости от того или иного естественного ресурса природы, так как со все большим и большим успехом производит замену недостающих в природе веществ. Например, отсутствие каучуконосов в естественном виде он заменяет искусственным разведением соответствующего растения.

Таким образом, и отсутствие тех или иных естественных источников энергии не может задержать развитие производства. Социалистическое общество неодолимо идет и будет итти вперед в освоении географической среды, в подчинении ее власти человека.

Конечно, прогрессирующее подчинение природы власти человека и при социализме — коммунизме отнюдь не означает устранения влияния географической среды на развитие общества.

Географическая среда была и остается одним из условий материальной жизни общества, и она сохраняет в принципе всю свою значимость для общества. Географические условия влияют, например, на размещение крупных электростанций, на выбор вида топлива для тепловых электростанций: торф, уголь, сланцы и др. Плановое размещение гидроэлектростанций должно учитывать наличие естественных запасов гидроэнергии. Например, географическое положение гидроэнергетического комплекса «Большой Волги» придает ему особо важное значение в перспективах дальнейшего роста социалистического хозяйства в целом. Использование огромных запасов водной энергии этого бассейна будет связано с широкими и глубокими преобразованиями географической среды на большой территории от Москвы до Урала и от Калинина — Молотова до полупустынь Астрахани — Казахстана.

Географические условия влияют на выбор места и характер гидротехнических сооружений, компановка узла сооружений и выбор конструкций решаются в каждом отдельном случае с учетом местных условий.

Грунтовые условия, режим движения воды и сезонность запасов воды, климат и пр. в той или иной степени влияют на сооружения гидростанций. Они придают своеобразие комплексному использованию водных ресурсов: энергетики и орошения, энергетики и судоходства, энергетики и рыбоводства и т. д. Рельеф местности влияет на выбор трассы судоходных и оросительных каналов, на потребность в количестве и характере гидротехнических сооружений при гидроэлектростанциях и на каналах (плотины, шлюзы, укрепление берегов и пр.).

Влияние географической среды сказывается и на передаче электроэнергии: расстояние, атмосферные разряды и т. д. На современном уровне науки и техники электроэнергию можно передавать на большие расстояния.

В границах уже достигнутых техникой масштабов передачи электроэнергии наша страна располагает колоссальными запасами ее. Дальнейшее развитие промышленности вполне обеспечивается уже выявленными запасами энергии в границах указанных выше пространств. Например, волжский район огромных гидроресурсов расположен географически выгодно — в центре ряда крупнейших промышленных гнезд: Москва, Горький, Куйбышев, Сталинград, Урал. Успешно разрешается вопрос об обеспечении углем и гидроэнергией и такого большого промышленного центра, как Ленинград.

При социализме географические условия влияют особенно на размещение местной промышленности.

Одной из причин еще сравнительно слабого развития местной промышленности областей, городов и районов советских республик является недостаточное знание местными органами окружающих их природных условий и пренебрежительное отношение к их изучению. Начавшееся народное краеведческое движение несомненно окажет свое благоприятное влияние на развитие местной промышленности. Осужденная XVIII съездом ВКП(б) болезнь — гигантомания в строительстве промышленных предприятий — в некоторой мере также является следствием недооценки географических условий при размещении производительных сил.

Только правильный подход к размещению производительных сил, направленных на комплексное развитие хозяйства экономических районов и республик, дает воз-

можность всестороннего использования естественных богатств и географических условий в интересах дальнейшего развития материальной культуры социализма. XVIII съезд ВКП(б), осудив гигантоманию, во весь рост поставил задачу перехода к строительству небольших и средних предприятий, как правило, использующих местное сырье и энергетические ресурсы: воду, торф, уголь, сырье, строительные материалы и пр.

Наличие и направление сплавных и судоходных рек влияет на развитие водного транспорта, а характер рельефа и прочность грунта влияют на устройство и эксплуатацию железных дорог.

Таковы факты влияния географической среды на развитие материальной жизни социалистического общества, которые недооценивать нельзя. Дальнейший рост механизации труда, дальнейший научно-технический прогресс откроют новые возможности использования географической среды в будущем.

3. Средства воздействия социалистического общества на географическую среду

По причине общей экономической отсталости старой, царской России и вдобавок еще в результате четырех лет первой мировой войны и трех лет иностранной военной интервенции империалистов производительные силы царской России достались новому, социалистическому государству страшно разрушенными. Враждебное капиталистическое окружение, сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, нищета и голод затрудняли организацию социалистического производства и активное воздействие на географическую среду.

«Наше положение особенно трудно, — писал Ленин, — потому что нет средств для восстановления основного капитала, машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа, пока мы не восстановим собственности капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем. Остается необыкновенно трудный и долгий путь:

скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстанавливать разрушенные железные дороги, машины, здания и прочее» [1].

Перед страной стояла задача ликвидировать противоречие между самой передовой в мире политической властью и отсталой экономической базой, унаследованной от прошлого.

Эта величественная историческая задача нашла свое воплощение в генеральной линии Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Выступления Ленина и Сталина, решения съездов и ЦК ВКП(б), законы и постановления советского правительства были направлены на то, чтобы в кратчайший исторический срок создать материально-технический фундамент социализма.

После победоносного завершения гражданской войны в 1922 г., на заседании верховного органа республики Ленин говорил, что в сравнении с главными капиталистическими странами «производительные силы у нас развиты менее всех... мы все это сознаем и не боимся сказать с трибуны, что на исправление этого направлено больше сил, чем у любого из государств, мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали» [2].

Поэтому уже с первых лет строительства социалистического общества главное внимание обращалось на восстановление и дальнейшее развитие тяжелой индустрии. Она являлась ключом к решению главных общественных задач построения экономического фундамента социалистического общества. Ее развитие обеспечивало и более высокую ступень власти людей социалистического общества над окружающей природой как в использовании естественных богатств, так и в дальнейшем преобразовании ее.

Первым широким планом создания экономического фундамента социалистического общества был план Гоэлро. Он послужил началом нового, рационального использования богатейших энергетических ресурсов страны для быстрого подъема производительных сил. В соответствии с указанием Ленина план Гоэлро намечал электри-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, изд. 3, стр. 303.
[2] Там же, стр. 318.

фикацию страны путем широкого использования местных и низкосортных видов топлива и энергии рек во всех экономических районах СССР.

Существовавшие в царской России немногие электростанции питались исключительно дальнепривозным высокоценным донецким углем, закавказской нефтью и импортным английским углем. Успешное выполнение плана Гоэлро позволило покончить с этой капиталистической уродливостью размещения производительных сил и изменило структуру топливного баланса, в огромной мере увеличив энергетическую мощь молодой социалистической страны.

В быстром росте энергетической промышленности большую роль сыграло использование силы воды больших рек, гидроэнергетических ресурсов. Гидроэлектроэнергетика, целиком созданная после победы Великой Октябрьской социалистической революции, представляет теперь собою одну из важнейших отраслей социалистического хозяйства. Мощность запроектированных гидроэлектростанций по плану Гоэлро составляла больше 36% мощности всех электростанций. Впоследствии мощность построенных гидроэлектростанций превысила в 2,5 раза первоначальные предположения. «За 15 лет — срок, который был даже предусмотрен как крайний срок осуществления плана ГОЭЛРО, наша страна прошла такой путь электрификации, о котором даже было трудно и мечтать во время создания плана ГОЭЛРО. За истекшие 15 лет план ГОЭЛРО перевыполнен почти в три раза» [1].

К концу последующего пятилетия (1939) Советский Союз по производству электроэнергии передвинулся с тринадцатого места, которое занимала дореволюционная Россия, на третье место в мире, опередив такие промышленно развитые страны, как Англия, Франция, Япония и др.

Под электрификацией страны Ленин и Сталин понимали не изолированное строительство отдельных электростанций, а коренную, социалистическую переделку хозяйства страны на новой технической основе современного

[1] *А. Чернышев.* Основные линии развития электроэнергетики СССР, журнал «Плановое хозяйство» № 1 за 1936 г., стр. 29.

крупного производства. Этот путь социалистического развития обеспечивал не только быстрое восстановление прежнего, но и достижение нового, более высокого экономического уровня.

Ленинские идеи социалистического преобразования страны товарищ Сталин развил в теорию социалистической индустриализации и коллективизации. Сталинские пятилетки явились воплощением в жизнь теории построения социалистического общества в СССР. Ликвидировав вековую отсталость, мы превратили Советский Союз в могучее индустриальное социалистическое государство с самой передовой промышленностью и сельским хозяйством. «СССР, — говорил товарищ Сталин уже на XVII съезде ВКП(б), — за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличие отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства» [1].

Социалистическая индустриализация резко увеличила удельный вес тяжелой индустрии, в первую очередь машиностроения. Она коренным образом обновила технику, повысила ее уровень и подняла энерговооруженность социалистического хозяйства во всех отраслях производства.

Были построены десятки гигантов социалистической индустрии: Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Днепровская гидроэлектростанция, крупнейшие станкостроительные заводы тяжелого машиностроения на Урале и в Краматорске, величайшие автомобильные заводы, огромные паровозостроительные заводы, заводы турбин и генераторов, тракторные заводы в Сталинграде, Харькове, Челябинске, Владимире, Липецке и на Алтае, заводы сельскохозяйственных машин, комбайнов, шарикоподшипников, химические комбинаты в Сталиногорске, Соликамске, Березниках, заводы синтетического каучука и искусственного шелка и множество других крупнейших предприятий, создающих новые, более мощные орудия воздействия на географическую среду.

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 438.

Материально-техническая база социализма в нашей стране создавалась внедрением в производство наиболее совершенных новейших машин и самых передовых технологических методов производства. Основу и дальнейшего технического прогресса при социализме составляет машиностроение. Продукция металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности в 1940 г. превысила продукцию наивысшего уровня капиталистической России примерно в 50 раз.

Одной из важнейших особенностей материально-технической основы социализма является то, что она базируется на самом широком применении электрической энергии. Электровооруженность в среднем на одного рабочего в социалистической промышленности возросла с 1 310 *квт-ч* в 1928 г. до 4 370 *квт-ч* в 1937 г., т. е. только за 9 указанных лет предвоенного развития электровооруженность советского человека возросла в 3,3 раза. В результате механизации и электрификации промышленности уже к концу второй пятилетки социалистическая индустрия была оснащена механической силой, равной живой силе больше 150 млн. человек. Следовательно, социалистическое общество заставило работать на себя силы природы, превосходящие в несколько раз силы занятых в промышленности людей.

Уже в 1936 г. коэфициент электрификации промышленности в СССР составлял 81,6%, в то время как в Англии он равен 60%, в Германии — 71,3%, в США — 78,5%.

Кардинально иной стала и энергетика крупного механизированного социалистического сельского хозяйства. Его энергетическо-силовая база ныне не имеет ничего общего с прежней базой старого, индивидуального сельского хозяйства, которое полностью основывалось на использовании мускульной силы животных и человека.

Электричество проникло во все отрасли техники: оно создает новые, лучшие сорта металлов, электромоторы приводят в движение сотни тысяч различных машин и станков; оно движет тяжелые быстроходные поезда, транспорт многих социалистических городов, пароходы. Электричество выводит в шкафах (инкубаторах) тысячи цыплят, в парниках — растения. Телеграф, телефон и

радио на тысячи километров обеспечивают со сказочной быстротой связь между людьми.

Массовое применение машин в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве обусловило возможность почти повсеместной замены двигательной силы человека силами самой окружающей природы при широком использовании местных естественных ресурсов и в первую очередь местного топлива. Так, например, уже в середине второй пятилетки доля промышленного использования местного топлива составляла около половины всего топливного баланса страны.

По использованию торфа в качестве энергетического топлива наша страна занимает первое место в мире. По сравнению с 1913 г. добыча торфа выросла в 18 раз. Торф используется на месте такими крупными электростанциями, как Шатурская, Ивановская, Ярославская, Горьковская грэс, имени Классона и «Красный Октябрь» в Ленинграде. Это высвобождает огромное количество общественного труда по дальней транспортировке привозного топлива и сберегает более ценное топливо — нефть и высокосортный уголь.

Эффективность общественного труда повышается также в результате механизации и автоматизации общественного производства; создаются сложные высокопроизводительные станки: агрегатные, полуавтоматы и автоматы. Механизируются и автоматизируются наиболее тяжелые и трудоемкие процессы труда в горнорудной, угольной, нефтяной, металлургической, машиностроительной и других отраслях производства.

Уже действует автоматическая сигнализация на железнодорожных магистралях и полностью автоматизированы гидроэлектростанции в Закавказье и на канале имени Москвы. Созданный в сталинские пятилетки завод «Запорожсталь» оборудован новейшими сталепрокатными станами. Последние позволяют выпускать большое количество стального листа с затратой труда на единицу продукции в 40 раз меньше, чем при старых способах. Сейчас этот первоклассный завод вновь восстановлен после его разрушения немецкими оккупантами. Все вступившие в строй агрегаты оснащены еще более совершенным оборудованием, чем до войны.

Не только по темпам, но и по степени механизации

ряда решающих отраслей общественного производства (добыча угля, нефти, торфа и др.) наша страна вышла на первое место в мире. В социалистической промышленности разработаны совершенно новые способы добычи угля, нефти, торфа и других продуктов, которые дают высокую производительность труда и облегчают процесс воздействия человека на географическую среду. Например, применение метода искусственного обезвоживания при добыче торфа резко уменьшает зависимость добычи и сушки от метеорологических условий, упраздняет прежнюю сезонность торфодобывающей промышленности и увеличивает количество производственных циклов в 4 раза.

Таким образом, более совершенная механизация и автоматизация уменьшают количество затрат общественного живого труда и этим непосредственно или косвенно обеспечивают возможность усиления преобразующего воздействия общества на географическую среду.

Наконец, эффективность труда резко повысилась вследствие новых, социалистических форм труда, комплексного (энерго-химического и др.) использования природных богатств и планового, более высокого использования производительных сил.

«Технико-экономические показатели наших электростанций, — пишет академик Г. М. Кржижановский, — резко отличаются от западных капиталистических норм, и это отнюдь не потому, что техника наших станций выше западноевропейской и американской техники. Удвоенное и даже утроенное число годичных часов использования мощностей, установленных на станции, по сравнению с западноевропейскими нормами, громадная концентрация электромощностей, увеличенная глубина проникновения электрического привода и электроэнергии во все производства, — все это идет не за счет нашего технического превосходства, а за счет тех преимуществ, которыми мы располагаем в силу планового социалистического режима нашего хозяйства» [1].

В нашей стране преобразованы и возросли средства преодоления пространства — транспорт. Протяженность железных дорог за годы предвоенных сталинских пятиле-

---

[1] *Г. М. Кржижановский,* К пятнадцатилетию плана ГОЭЛРО, журнал «Плановое хозяйство» № 1 за 1936 г., стр. 13.

ток возросла больше чем на 26 тыс. *км*. В несколько раз возросла их пропускная способность. Уже находится в эксплуатации около 2 тыс. *км* электрических железных дорог, а к концу послевоенной сталинской пятилетки сеть электрифицированных железных дорог возросла еще на 5,3 тыс. *км*.

В годы социалистического строительства, помимо роста транспортного значения водных бассейнов Волги, Днепра, сибирских, уральских и среднеазиатских рек, сооружены и эксплуатируются магистральные каналы — Беломорско-Балтийский и имени Москвы, соединяющие водными путями различные моря СССР, ликвидированы днепровские пороги.

Сроки строительства наших каналов являются ярким образцом новых, социалистических темпов и размаха преобразования человеком географической среды. Например, для реализации плана строительства Суэцкого канала длиной в 166 *км*, строившегося на средства капиталистов ряда капиталистических стран, понадобилось 70 лет. Панамский канал длиной в 81 *км* строился 34 года, а Беломорско-Балтийский канал, пробитый среди гранитных скал на протяжении 40 *км* и общей длиной в 227 *км*, строился немного более полутора лет. Здесь наглядно проявилась коренная противоположность методов капиталистической и социалистической организаций преобразования человеком географической среды.

Царская Россия не знала автомобильных дорог и почти совсем не имела автомобилей. СССР имеет на сотни тысяч километров сеть автомобильных дорог, и заново создана мощная автомобильная промышленность. Помимо действующих гигантов автозаводов Московского и Горьковского, автомобили производятся в Ярославле и в Миассе, построены и строятся новые автозаводы в Москве, Днепропетровске, Новосибирске, Кутаиси, Ульяновске и Минске. В 1950 г. автопромышленность даст социалистической стране 500 тыс. автомобилей. Таким образом, в ближайшие годы социалистическая страна получит новые мощные средства преодоления расстояний и скоростной связи. Быстро ликвидируя разрушения войны, наша страна неуклонно ускоряет развитие грузового автомобильного транспорта, грузооборот которого уже в 1948 г.

превысил уровень довоенного, 1940 г. почти в полтора раза [1].

Дореволюционная Россия не имела воздушного транспорта. В 1940 г. в СССР протяженность авиалиний гражданского воздушного флота составляла около 140 тыс. *км*. Законом о пятилетнем плане в 1950 г. предусмотрено увеличение сети воздушных линий до 175 тыс. *км*. Самолеты вошли в повседневную жизнь страны, они доставляют людей, почту и грузы на новостройки на дальний север в любое время года, они ведут борьбу с сельскохозяйственными вредителями и участвуют в геологических разведках.

Социалистическая цивилизация приобщила народы Крайнего Севера к воздушному средству преодоления громадных расстояний ранее, чем они познакомились с простой повозкой и автомобилем. Это революционизирующее воздействие социалистической цивилизации на народы Крайнего Севера находит свое выражение в оригинальном новом словообразовании национального языка. Слово автомобиль у некоторых народов севера образовалось от слова самолет — «самолет без крыльев».

На огромных пространствах Средней Азии единственным видом транспорта, существовавшим там с древнейших времен, были вьючный осел и верблюд; в Таджикистане до революции не было никаких дорог. Многие районы были совершенно изолированы от внешнего мира. После революции только за первое десятилетие существования республики построены железные дороги, больше 12 тыс. *км* грунтовых дорог, из которых около 5 тыс. автомобильных; построены шоссейная дорога Сталинабад — Курган-Тюбе, высокогорная автомобильная магистраль Ош — Хорог протяженностью 700 *км* и др.

Благодаря развитию транспорта огромные массы людей более эффективно включаются в общий процесс социалистического строительства. Развитие транспорта содействует более широкому повсеместному и комплексному использованию естественных богатств и условий различных географических зон.

---

[1] См. «Об итогах выполнения государственного плана восстановления и развития народного хозяйства СССР», Сообщение Центрального статистического управления, «Правда» от 20 января 1949 г.

В результате социалистической революции и создания новых общественных отношений творческий труд миллионов советских людей удесятерил темпы общественного прогресса, изменил не только социальную структуру общества, но и в значительной мере преобразил географический ландшафт страны. За годы сталинских пятилеток в СССР создано более двухсот новых городов. Среди них такие, как Магнитогорск, Комсомольск и др., которые по количеству населения и по своей экономической роли уже превзошли многие более крупные старые города страны. «Мы построили огромнейшие заводы и фабрики, огромнейшие шахты, можно прямо сказать, изменили совершенно физиономию нашей страны» [1].

Быстро растущие крупные индустриальные центры преобразовали таежную Сибирь, до революции мало населенную, служившую местом ссылки. Преобразовался географический ландшафт Казахстана, являющегося ныне республикой карагандинского угля (Караганда), меди (Коунрад), цветных металлов (Алтай), марганца и свинца (Чимкент), химикалиев (Актюбинск). Уже в послевоенные годы в Казахстане вступили в строй шесть новых крупных государственных гидроэлектростанций.

В республиках Средней Азии возникли новые промышленные центры, вплоть до черной металлургии и мощной топливно-энергетической промышленности. Пустынный район Гаурдак стал центром добычи серы, в Прикаспии возникла крупная нефтяная база; Карабугаз стал естественной базой для крупнейшего химического комбината. В связи с созданием в пустыне крупной промышленности развернулось озеленение широких пространств и закрепление сыпучих песков. В безжизненной прежде пустыне создаются парки и сады, развивается виноградарство, бахчеводство и огородничество.

Только в одном Узбекистане после войны вступили в строй восемь гидроэлектростанций. Новые мощности электрической силы в сочетании с использованием воды для ирригации поднимают на более высокую ступень использование географической среды.

Начавшееся строительство гидротехнических сооружений «Большой Волги» является мощным средством корен-

[1] *Г. К. Орджоникидзе*, Избранные статьи и речи, 1945, стр. 287.

ного преобразования географических условий на огромной территории европейской части страны. Создание на Волге и Каме грандиозных плотин и сети мощных гидроэлектростанций даст огромное количество электроэнергии, создаст глубоководный путь между северными и южными морями, разделенными пространством на тысячи километров, и позволит оросить большую территорию засушливого Заволжья. Комплексное преобразование величайшей в Европе реки Волги решает одновременно ряд крупнейших проблем: энергетическую, транспортную, ирригационную и рыборазведения.

Подсчеты Гидропроекта показывают, что путем использования падения воды Волги от Калинина до Сталинграда может быть получено 32 млрд. *квт-ч* гидроэнергии, себестоимость которой будет в пять-шесть раз ниже себестоимости энергии современных крупных тепловых электростанций.

Кроме уже построенных Иваньковской, Угличской, Щербаковской и строящейся Молотовской гидроэлектростанций, по решению Совета Министров СССР, принятому во второй половине августа 1950 г., начато строительство гигантских Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций. С окончанием строительства Куйбышевской и Сталинградской электростанций энергетические ресурсы Волги на участке от Калинина до Сталинграда будут использованы почти на 80%. Использование гидроэнергии Волги, самой большой в Европе реки, коренным образом изменяет энергетический и топливный баланс народного хозяйства. Только Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции дадут общую экономию топлива, равную примерно 45 млн. *т* в год. Это явится гигантским шагом общества в высвобождении живого человеческого труда и разнообразных средств производства, затрачиваемых на добывание и транспортировку угля. Высвобожденный таким образом человеческий труд коммунистическое общество сможет направить на другие цели, осуществить новое наступление на природу и ее преобразование.

Строящиеся Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции будут самыми мощными в мире: Куйбышевская — мощностью около 2 млн. *квт* и Сталинградская — мощностью не менее 1 700 тыс. *квт*, с выработкой в общей сложности около 20 млрд. *квт-ч* электроэнергии

в средний по водности год. Это величайшие гидротехнические стройки, каких еще не знало человечество. Их гигантские масштабы наглядно видны из следующих сопоставлений: мощность этих наших новых гидроэлектростанций в десять раз больше мощности всех электростанций дореволюционной России и почти в два с половиной раза больше той мощности, которая была определена для всей страны историческим планом Гоэлро на срок 10—15 лет. Годовая выработка электроэнергии Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций превысит то количество электроэнергии, которое дают все электростанции Италии, Швейцарии и Швеции.

Наряду с гигантскими гидротехническими сооружениями на Волге по постановлению Совета Министров СССР развернуто не менее грандиозное преобразование природы в Средней Азии — строительство Главного Туркменского канала Аму-Дарья — Красноводск, создание мощной системы гидротехнических сооружений для орошения и обводнения земель южных районов Прикаспийской равнины Западной Туркмении, низовьев Аму-Дарьи и западной части пустыни Кара-Кумы.

Одновременно сооружаются Каховская гидроэлектростанция на реке Днепре, Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы.

Все эти и другие грандиозные, весьма сложные и новые в мировой технике гидротехнические сооружения являются важнейшей составной частью сталинского плана преобразования природы и создания материальной базы коммунизма.

Осуществление этих великих строек коммунизма решает целый ряд важнейших задач гигантского расширения масштабов дальнейшего развития производительных сил, т. е. перехода на новый этап энергетики, ирригации, водного и железнодорожного транспорта и др.

Промышленность, транспорт и сельское хозяйство получают мощную энергетическую базу — десятки миллиардов киловатт-часов наиболее дешевой электроэнергии. Путем передачи электроэнергии на большие расстояния и кольцевого ее использования будет создана самая мощная в мире московская энергосистема.

Железнодорожный транспорт получит новые пере-

ходы — мосты по плотинам и достаточное количество электроэнергии для перевода на электротягу всех железнодорожных подступов к Москве и других важнейших железнодорожных линий.

Коренным образом улучшатся условия использования Волги для судоходства. На протяжении тысячи километров этой реки значительно увеличится глубина, что позволит создать более мощный по грузоподъемности и быстроходности флот, наладить дальние маршрутные перевозки как внутри этого огромного бассейна, так и в другие речные бассейны и моря. Для удлинения сроков навигации будут созданы транспортные суда ледокольного типа и специальные ледоколы.

Постройкой Главного Туркменского канала Аму-Дарья — Красноводск опрокидывается многовековое географическое представление о водных путях сообщения юго-востока СССР. До сего времени единственной транспортной замкнутой судоходной магистралью Средней Азии являлась река Аму-Дарья, впадающая в Аральское море.

Главный Туркменский канал будет самым большим в мире. Его длина 1 100 *км*. Он будет судоходным на всем его протяжении. Ширина данной новой водной магистрали будет достигать десятков метров. По этому каналу будет проходить воды значительно больше, чем по каналу имени Москвы. Постройкой этого канала предусмотрено осуществить коренное изменение водотранспортной сети Средней Азии. Республики Средней Азии получат новую судоходную магистраль, связывающую их водный транспорт с судоходными путями европейских бассейнов. Новый транзитный водный путь будет проложен через огромные пространства прежде безводной пустыни Кара-Кумы, по Каспийскому морю и Волге. Среднеазиатские республики будут связаны самым дешевым видом транспорта с центральными экономическими районами Союза и через другие каналы будут иметь выход в Белое и Балтийское моря.

Исключительно величественные изменения произойдут в различных отраслях сельского хозяйства на обширной территории европейского юга, юго-востока и Средней Азии, территории, равной нескольким европейским государствам, вместе взятым.

Естественная природа этих обширнейших территорий — засушливая степь, полупустыня и пустыня. Однако недоставало только воды для превращения этих больших пространств, обильных теплом и светом, в зеленеющие поля, сады, луга и леса. Этот недостаток природы будет устранен с воплощением в жизнь сталинского плана преобразования природы.

Создание огромных водохранилищ у Куйбышевской и Сталинградской плотин, на Главном Туркменском канале, у Каховской плотины, на Южно-Украинском и Северо-Крымском каналах и на других речных магистралях страны позволит направить воду Волги, Аму-Дарьи, Днепра и других рек на безводные земли сухих степей, полупустынь и пустынь. Пустынные земли получат такое количество воды, которое превысит в два раза размеры естественного в этих районах пополнения в виде осадков. На орошаемых же землях количество влаги будет увеличено по воле человека в 5—10 раз.

Небывалый размах получит орошаемое земледелие. Будут созданы на поливных землях новые большие районы хлопководства, рисоводства и многих других ценных продовольственных и технических культур.

Сооружение мощных волжских гидростанций и постройка Сталинградского магистрального канала позволит оросить и обводнить около 14 млн. *га* земли Заволжья и Прикаспийской низменности. Строительство Главного Туркменского канала даст возможность оросить 1 300 тыс. *га* земли главным образом для целей хлопководства и обводнить около 7 млн. *га* пустыни Кара-Кумы в основном для целей животноводства.

Осуществление строительства гидроэлектростанции на Днепре, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов обеспечит: орошение в Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областях Украинской ССР 1 200 тыс. *га* земель, в том числе 500 тыс. *га* самотеком и 700 тыс. *га* с механической подачей воды, и в северных районах Крымской области 300 тыс. *га*, в том числе 200 тыс. *га* самотеком и 100 тыс. *га* с механической подачей воды; обводнение 1 700 тыс. *га* земель в южных районах Украины и северных районах Крыма; создание защитных лесных насаждений в южных степных районах Украины, в зоне Южно-Украинского канала и Северо-Крымского

канала; отводных оросительных каналов, водохранилищ по границам орошаемых земель, а также закрепление нижнеднепровских песков.

Орошение земель южных районов Украины и северных районов Крыма даст возможность решить важнейшие народнохозяйственные задачи. Оно позволит в новых орошаемых районах всемерно развить посевы хлопчатника, получать высокие и устойчивые урожаи пшеницы и других сельскохозяйственных культур, обеспечит дальнейшее развитие мясо-молочного скотоводства, тонкорунного овцеводства, птицеводства. В больших масштабах гидроэлектроэнергия будет использоваться для механизации земледелия и трудоемких работ в животноводстве.

Главный Туркменский канал оживит пустынные пространства Кара-Кумы. Будут созданы на миллионах гектаров земли новые пастбища, обильные в течение всего года кормовыми ресурсами и пресной водой. Получит невиданное развитие животноводство, в частности разведение каракулевых и других высокоценных пород овец.

В центре пустыни Кара-Кумы, вдоль Главного Туркменского канала, отводных каналов и вокруг разрастающихся промышленных очагов, раскинутся лесные полосы шириной от двух и более километров. В отличие от лесных полос европейской части страны лесные полосы здесь будут поливными, что при обилии солнечного тепла и света позволит превратить их в более короткие сроки в мощные леса, способные задерживать движение песков и смягчать горячие сухие ветры. Среди лесных насаждений значительное место займут тутовые деревья, что в огромных размерах расширит кормовую базу шелководства.

Города Небит-Даг, Красноводск и многие другие молодые промышленные центры, куда прежде даже простая питьевая вода доставлялась за многие сотни километров и иногда на самолетах, теперь будут украшены зелеными парками и садами, а на полях будут созданы виноградники и плантации субтропических плодовых растений.

Благоприятные условия получит и наше рыбоводство. Куйбышевское водохранилище будет самым большим искусственным водоемом в мире. Это новое, Куйбышев-

ское море будет превращено в гигантский завод рыборазведения, в новый район лова рыбы. В центре пустыни Кара-Кумы, в средней части Главного Туркменского канала, с постройкой плотины будет также образовано большое пресноводное водохранилище. По всему Главному каналу, в водохранилищах, на отводных каналах возникнут рыбоводческие и рыболовецкие хозяйства.

Грандиозные работы по орошению и обводнению в сочетании с полезащитными лесонасаждениями и правильной агротехникой использования поливных земель резко изменят климатические условия больших, наиболее засушливых и пустынных территорий. Народнохозяйственное значение изменения климата на этой обширной площади не исчерпывается только тем, что они будут превращены из безжизненных пространств в высокоурожайные поля и зеленые массивы лесов и садов. Большое значение этих климатических изменений заключается также в том, что уничтожатся сами очаги зарождения суховеев, причинявших большие бедствия сельскому хозяйству на больших пространствах за пределами этих территорий. Поэтому масштабы этих изменений можно сравнить лишь с процессами геологического порядка, занимавшими тысячелетия.

Очень сложная задача построить за пятилетие такие мощные сооружения, которые в состоянии сковать могучую стихию огромных рек Волги, Днепра, Сыр-Дарьи и регулировать их воды в таком количестве или в таком направлении, в каком это нужно людям. Сложная задача в столь короткий срок построить гигантские каналы, их отводы и проложить мощные трубопроводы на тысячи километров. Все это осуществляется на огромных территориях, местами в совершенно необитаемой пустыне, где не было почти никаких дорог, где на большой части территории недавно проходили только первые разведчики — участники научных экспедиций.

Выполнить такой сложный комплекс задач и такой большой объем работ в установленный короткий срок возможно только в социалистическом хозяйстве посредством небывало широкого применения новейшей техники и привлечения к этому делу в государственном масштабе большого числа специалистов, научных учреждений, различных предприятий промышленности и всех видов

транспорта. Как уже сообщалось в печати, с помощью советской индустрии эти гигантские стройки будут оснащены новейшими машинами и механизмами.

Только в социалистическом обществе с его плановой мощной системой хозяйства и творческим характером труда возможно создание таких величественных сооружений по преобразованию природы и в такие короткие исторические сроки.

Совершенно иное положение имеет место в капиталистическом обществе. Капиталисты, осуществляя производство только ради прибыли, стремятся с наименьшим вложением капиталов хищнически выжать и из природы возможно больше, хотя это приводит к разрушению ее полезных запасов. Государственные же средства во все возрастающих размерах используются на подготовку новой мировой войны.

Наиболее наглядный пример представляет такая экономически развитая страна империализма, как США. Начатые там несколько десятилетий тому назад работы по сооружению гидроэлектростанций по сей день не закончены. Так, например, строительство гидроузла на реке Теннесси идет уже 35 лет и до сих пор не завершено. Гидростанция на реке Колорадо строится уже больше 40 лет.

В нашем социалистическом обществе преобразование природы приобрело сейчас такой размах, какой для стран капиталистической системы невозможен. Изменяя естественно-исторические условия, коренным образом улучшая географию юга и юго-востока нашей необъятной родины, мы создаем условия для нового, наиболее благоприятного размещения производительных сил.

Огромные новые общественные блага получит наша страна в результате гигантских сталинских сооружений: дополнительные сотни миллионов пудов хлеба, хлопка, риса, сахара, фруктов, миллионные стада будут выращены на преображенных пространствах полупустынь и пустынь, возникнут новые пути сообщения и промышленные предприятия.

Мощная социалистическая промышленность меняет не только внешний ландшафт местности. Развитие крупных предприятий горнодобывающей промышленности приводит к огромным подземным изменениям. Под землей

создается сложное хозяйство со многими вспомогательными отраслями силового хозяйства, сложный комплексный горизонтальный и вертикальный транспорт, целая система сооружений для изменения состава воздуха, температур и т. д. Здесь люди воздействуют на окружающую природу для использования в интересах общества глубоко лежащих недр ее.

Созданием новой отрасли промышленности, подземной газификации углей, СССР первым в мире открывает новую ступень в подчинении и использовании человеком могучих сил глубоких недр земли.

4. Рациональное использование и изменение географической среды социалистическим сельским хозяйством

Сельское хозяйство занимает крупное место в материальной жизни нашего Советского социалистического государства. По данным переписи 1939 г., две трети населения СССР живут в деревне. Созданное социалистическое сельское хозяйство стало самым передовым в мире. Колхозы и единоличники имеют в своем вечном пользовании более 370 млн. *га* государственной земли, т. е. почти в 3 раза больше, чем имели бедняки и середняки (составлявшие 95% всего населения деревни) до революции, когда большей частью земли владели помещики и кулаки. Сельское хозяйство является житницей нашего общества. Оно дает продовольствие для народа, сырье для промышленности.

Воздействие на географическую среду в сельском хозяйстве имеет свои существенные особенности по сравнению с воздействием в промышленности. В то время как в промышленности продукты производятся из наличия данных материалов природы, в сельском хозяйстве люди используют силы природы для создания *новых органических* продуктов, идущих на промышленное и личное потребление.

В промышленности люди только расходуют энергию природы, а в сельском хозяйстве, в частности в земледелии, они способствуют накоплению, аккумуляции солнечной энергии для поддержания и воспроизводства своей жизни. Фридрих Энгельс писал: «...Собирание энергии

посредством труда происходит собственно только в *земледелии;* в скотоводстве, в общем, накопленная в растениях энергия лишь переносится в животное; о собирании энергии тут только постольку может итти речь, поскольку без скотоводства питательные растения бесполезно завяли бы, а здесь находят себе применение. Напротив того, во всех отраслях промышленности энергия только *расходуется*» [1].

Отличие земледелия от промышленности до сих пор состояло в сезонности его производства и в разнице между рабочим временем и периодом производства. В промышленности рабочее время есть всегда время производства. Иное положение в земледелии. «Рабочий период и период производства, — пишет К. Маркс, — здесь не совпадают. Период производства длиннее, чем рабочий период» [2]. Сезонность в условиях созревания сельскохозяйственных продуктов делает период производства более продолжительным, чем рабочий период. Причем эта особенность сельского хозяйства неодинаково проявляется в различных климатических зонах. В южных широтах разница между рабочим временем и временем производства меньше, чем в северных широтах и районах континентального климата.

Помимо этого, в отличие от промышленности в сельском хозяйстве отчасти несколько неустойчивы время и условия производства, создаваемые окружающей природой и могущие в отдельные годы быть то более, то менее благоприятными.

Однако, как бы ни зависел успех сельскохозяйственного производства от условий погоды, тем не менее и в данном случае решающие причины темпов развития производства коренятся в особенностях социальных условий, в характере экономической структуры и государственного строя общества.

Так, творчески развивая марксизм, Ленин и Сталин в частности показали, что причиной крайней отсталости и примитивности сельского хозяйства царской России был общественный строй, а не обусловленные якобы природой особенности земледельческого производства.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 605.
[2] *К. Маркс,* Капитал, т. II, стр. 236.

Социализм кладет конец многовековой беспомощности земледельцев в борьбе против стихийных сил природы. Открыв безграничные возможности и небывалые темпы промышленного производства, социалистический способ производства поднимает на новую, высшую ступень и земледелие, вооружая его мощными средствами воздействия на географическую среду.

Наша страна получила тяжелое наследство в сельском хозяйстве: отсталые уклады, распыленную, мелкую единоличную собственность. Это наследство выражалось также в низкой сортности культурных растений, в малопродуктивной породе домашних животных, в запущенности, истощении и разрушении почв, в отсутствии в степной полосе водоохранных, ветрозащитных, почвоукрепляющих лесов, в широком распространении различных болезней растений и животных, в обилии на полях сорняков и почти полном отсутствии осушающих или увлажняющих почвы и климат гидротехнических сооружений и др.

Это наследие в корне преодолено. Перестроена социальная структура сельского хозяйства. Новейшие мощные агротехнические средства позволяют проводить крупные преобразования, предотвращать прежде непреодолимые вредные влияния и рационально использовать наличные условия географической среды.

Социалистическую реконструкцию сельского хозяйства товарищ Сталин характеризует как «глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 г.»[1]

Коллективизация сельского хозяйства положила конец многовековому бессилию людей в борьбе со стихийными силами природы, порождавшими неурожаи и всенародные бедствия от частых засух. В 1946 г., несмотря на сильную засуху, охватившую значительную территорию европейской части СССР и превосходившую по размерам засуху 1921 г., валовый сбор и товарная продукция зерна были «несколько ниже, чем в 1945 году, но несравнимо выше уровня 1921 года, что могло иметь место только бла-

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 291.

годаря социалистической организации производства с его машинно-тракторными станциями и колхозным строем» [1].

При ином общественном строе последствия засухи 1946 г. сказались бы на всех последующих годах развития сельского хозяйства. Однако советское социалистическое колхозное и совхозное производство сумело полностью ликвидировать последствия засухи в течение одного сельскохозяйственного года.

Обобщая опыт предвоенных лет и небывало суровую практическую проверку жизненности социалистического строя в годы Великой Отечественной войны, товарищ Сталин в 1946 г. сказал: «Метод коллективизации оказался в высшей степени прогрессивным методом не только потому, что он не требовал разорения крестьян, но и особенно потому, что он дал возможность в течение нескольких лет покрыть всю страну крупными коллективными хозяйствами, имеющими возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать стране побольше товарной продукции» [2].

Достигнув полного соответствия между производительными силами и производственными отношениями как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, наша страна получила новые, невиданные по своей мощности средства воздействия на географическую среду.

Дореволюционное сельское хозяйство в основном составляли миллионы разрозненных мелких, технико-экономически весьма слабых бедняцко-середняцких хозяйств. Они имели около 8 млн. сох, 2,2 млн. деревянных плугов, около 18 млн. деревянных борон и некоторое количество других примитивных орудий сельскохозяйственного труда. Даже в крупных помещичьих и капиталистических хозяйствах совершенно не применялись сельскохозяйственные машины на тракторной тяге.

Партия и правительство оказывают большую помощь колхозам, совхозам и машинно-тракторным станциям.

---

[1] «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Постановление пленума ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1947, стр. 4.

[2] *И. В. Сталин,* Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1946, стр. 18.

Советское сельское хозяйство вооружается в большом количестве разнообразной машинной техникой.

Освобожденная от оков капитализма, возросшая социалистическая промышленность пришла на помощь социалистическому земледелию, вооружив его современными машинами. Колхозно-совхозное хозяйство при помощи социалистической промышленности совершило техническую революцию. Ныне социалистическое сельское хозяйство развивается на новейшей технической основе. В 1940 г. социалистическое земледелие имело 523 тыс. тракторов, 182 тыс. комбайнов, около 200 тыс. грузовых автомобилей и много других сложных и простых сельскохозяйственных машин[1]. Наши тракторные заводы и заводы сельскохозяйственного машиностроения были разрушены во время войны; теперь они все восстановлены и вместе с вновь построенными заводами дают в текущем, 1950 г. сельскому хозяйству: тракторов в переводе на 15-сильные — в 4 раза больше, чем в 1940 г., комбайнов — в 3,8 раза, плугов тракторных — в 4 раза, сеялок тракторных — почти в 6 раз, культиваторов тракторных — более чем в 3 раза.

Быстро развивается строительство местных колхозных электростанций. Только с 1932 по 1940 г. их мощность возросла с 66 тыс. *квт* до 275 тыс. *квт*, т. е. больше чем в 4 раза. После Отечественной войны электрификация колхозов возобновилась в еще более быстрых темпах, чем прежде. Уже в 1945 г. было пущено 600 колхозных гидростанций и 900 тепловых электростанций. Например, в Свердловской области в 1945 г. электрифицировано 50% колхозов, а в 1946 г. там проведена сплошная электрификация колхозов. Развертывается электрификация колхозного производства во всех других областях.

К началу 1950 года в сельском хозяйстве работало уже 30 тыс. электростанций.

В дореволюционной России механические двигатели в сельском хозяйстве составляли всего лишь 0,8% общих энергетических ресурсов сельского хозяйства, состоявших из животной и людской силы. Накануне Вели-

---

[1] См. «Развитие советской экономики», Статистический справочник, М. 1946, стр. 66.

кой Отечественной войны в нашей стране 7 тыс. МТС обрабатывали 94,5% всех посевных площадей колхозов [1].

За годы Великой Отечественной войны машинному парку нашего сельского хозяйства причинён большой ущерб. Послевоенная сталинская пятилетка залечила раны войны. Колхозы и совхозы получили новые машины, причем более совершенных конструкций. Только в 1948 г. сельское хозяйство получило от государства «в три раза больше тракторов, в два раза больше автомобилей, в два раза больше сельскохозяйственных машин, чем в довоенном, 1940 году» [2].

По уровню технической оснащенности и механизации основных сельскохозяйственных работ социалистическое земледелие оставило далеко позади земледелие капиталистических стран. По количеству комбайнов СССР занимает первое место в мире и имеет их в два с лишним раза больше, чем США.

Преимущество социалистической системы хозяйства еще более проявляется в использовании сложных сельскохозяйственных машин. Например, по данным за 1937 г., каждый трактор в СССР производил в 5 раз больше работы, чем трактор в самой механизированной стране современного капитализма, в США.

Климат, почвы, наследственные особенности растительных и животных организмов ставят сельское хозяйство в довольно жесткие сроки посева, ухода за посевами и уборки урожая. И если раньше единоличник, трудясь от зари до зари без отдыха, все-таки часто не поспевал, то в социалистическом земледелии с помощью сложных и высокопроизводительных машин в огромной мере достигается облегчение труда колхозника, рабочего совхоза. Машинный труд, являясь более производительным, позволяет выполнять сельскохозяйственные работы в более короткие сроки.

---

[1] См. *И. Д. Лаптев,* Сила и жизненность колхозного строя, изд. «Правда», 1946, стр. 5.

[2] «Об итогах выполнения государственного плана восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1948 г.», «Правда» от 20 января 1949 г.

Новые средства воздействия социалистического общества на природу — высокая машинная вооруженность и социалистические производственные отношения — покончили с хищническим использованием почв. Путем глубокой тракторной вспашки, правильных севооборотов и других мер, улучшающих структуру почв, резко повышены условия для более продуктивного использования природных условий. Мощные средства производства социалистического земледелия изменяют естественные условия земледелия, улучшая свойства почв и повышая их плодородие, что было совершенно недоступно прежнему единоличному хозяйству.

Преобразование географической среды социалистическим земледелием выражается в освоении огромных новых площадей под посевы. Так, за послереволюционные годы, в основном за годы развития социалистического земледелия, посевные площади нашей страны возросли к 1938 г. на 32 млн. *га*[1], значительная часть этого прироста падает на Сибирь. Преобразован ландшафт огромных пространств: на месте прежних кустарников, болот и голых пустынь ныне зеленеют колхозные и совхозные поля, сады и огороды.

В результате социалистической реконструкции земледелия раскрылись новые широкие возможности для повышения урожайности всех сельскохозяйственных культур. Уже в первые годы существования колхозов, в 1933—1937 гг., средняя урожайность зерновых культур была значительно выше, чем в среднем за 1909—1913 гг. Намного возрос уровень производства зерна. Производство товарного зерна в нашей стране поднялось с 21,6 млн. *т* в 1913 г. до 38,3 млн. *т* в 1940 г.[2] Если, сообщал министр сельского хозяйства СССР, уровень производства валовой продукции сельского хозяйства в 1932 г. (первая пятилетка) принять за сто, то уровень производства сельскохозяйственной продукции в 1937 г. (вторая пятилетка) составлял 153%, в 1940 г. — 177%, а в 1950 г. составит по плану 225%, т. е. более чем удвоится.

---

[1] Статистический сборник «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, стр. 58.

[2] См. *И. В. Сталин*, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы от 9 февраля 1946 г., стр. 14—15.

Преимущества социалистического земледелия в использовании природных условий еще более показательны в росте урожайности технических культур. Так, например, только за годы второй пятилетки урожайность хлопка возросла более чем в 2 раза, а сахарной свеклы почти в 4,5 раза. Подобных успехов не знает история земледелия.

Более продуктивное, социалистическое использование географической среды нашло свое выражение в изменении посевов: резко возрос удельный вес технических культур, овощей, картофеля, трав и кормовых культур; внутри зерновых резко возросли посевы пшеницы и других ценных культур. Из года в год социалистическое использование географических условий становится все более продуктивным. Так, по сравнению с дореволюционным периодом в 1938 г. посевная площадь технических, огородно-бахчевых культур и картофеля возросла примерно в 2,5 раза, а кормовых культур — почти в 7 раз. На Дону и Кубани со времени социалистического преобразования деревни посевы сахарной свеклы возросли по сравнению с 1913 г. в 6 раз, табака — в 2,5 раза. В Белоруссии колхозы увеличили посевы пшеницы в 5 раз, картофеля — в 2 раза и технических культур — в 2,4 раза [1].

Блестящей победой социалистического сельского хозяйства СССР является полная обеспеченность нашей страны хлопком. Продукция льна в 1940 г. превысила дореволюционный уровень в полтора раза.

В воздействии на географическую среду превосходство социалистической системы хозяйства особенно ярко сказалось в ломке исстари установившихся границ географического размещения ценнейших продовольственных и технических растений. Например, сахарная свекла с юга европейской части СССР в кратчайший срок распространилась на тысячи километров в Среднюю Азию, к предгорьям Тянь-Шаня, Памира, в далекую Сибирь и, акклиматизировавшись, дает рекордные мировые урожаи.

Развитие хлопководства в поливных районах Среднеазиатских и Закавказских советских республик сделало

[1] См. *П. Пономаренко,* В дружной семье народов СССР, «Правда» от 31 января 1947 г.

менее целесообразным дальнейшее увеличение здесь посевов риса. Силами планового социалистического хозяйства были найдены новые районы для выращивания риса: на Кубани, в низовьях Днепра, в Нижнем Поволжье и в Приморье. Рисосеяние в течение двух-трех лет было сдвинуто на сотни и тысячи километров в новые районы страны и здесь получило успешное развитие.

Дореволюционная агрономическая наука считала, что только районы юга, черноземной полосы и отчасти Западной Сибири имеют благоприятные климатические и почвенные условия для выращивания пшеницы. Ныне посевы пшеницы продвинулись далеко к северу — в центральные и западные районы, районы нечерноземной полосы, — в Ленинградскую, Вологодскую области и Карело-Финскую ССР. Прежде эти районы считались совершенно непригодными для посевов пшеницы по причине якобы бедности почв и непреодолимой суровости климата. Теперь здесь колхозники засевают более миллиона гектаров пшеницы и снимают высокие урожаи.

Советская наука и социалистическое хозяйство опровергли антинаучный взгляд зарубежных ученых, что единственным географическим местом для выращивания каучуконосных растений являются страны тропического климата. В нашей стране были открыты дикорастущие каучуконосы и в кратчайший срок окультурены. Ученые и промышленники капиталистических стран затратили 25 лет для того, чтобы получить первые сотни тонн из давно известного каучуконоса — гевеи. В нашей стране были получены первые сотни тонн каучука из неизвестного до того каучуконоса — кок-сагыза в течение 5 лет, т. е. в 5 раз быстрее. Теперь на полях Белорусской, Украинской ССР, Чувашской и Башкирской АССР и ряда областей РСФСР созданы колхозные и совхозные плантации не менее продуктивных каучуконосных растений, чем тропический каучуконос — гевея.

В дореволюционной России под цитрусовыми культурами было занято всего лишь 160 *га*. Это были частные сады, в основном лимонных деревьев, при дачах царских сановников, помещиков и капиталистов. Эти сады существовали лишь в некоторых местах вдоль Черноморского побережья.

Ныне цитрусовые культуры занимают огромные плантации совхозов и колхозов общей площадью свыше 22 тыс. *га*. Их производство возросло в 138 раз по сравнению с дореволюционным и превратилось в самостоятельную отрасль субтропических культур социалистического сельского хозяйства.

За годы социалистического развития был создан и принят к разведению целый ряд ценнейших видов цитрусовых растений, которых в старой России совсем не было.

Из субтропических растений получило особенно широкое культивирование чайное растение. Площадь чайных плантаций в 1938 г. достигла почти 45 тыс. *га* и превысила более чем в 40 раз площадь 1921 г., т. е. года рождения Советской Грузии. Помимо Грузии чайные плантации созданы и в некоторых других районах Советского Союза. Так, Краснодарский край имеет чайные плантации площадью около тысячи гектаров.

Успехи мичуринской биологии, как подлинно естественно-научной теоретической основы земледелия, позволили продвинуть субтропические культуры далеко за пределы Грузии. Под руководством партии и правительства советские люди успешно решают задачу резкого смещения границ хозяйственного использования субтропических и в частности цитрусовых культур, распространения их не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе, на юге европейских районов и в Средней Азии.

Правительством намечено посадить в 1950 г. 1 млн. цитрусовых растений и 2 млн. эвкалиптов, в 1951 г. — около полутора миллионов цитрусовых и свыше 5 млн. эвкалиптов. Значительно расширяется площадь под инжиром, гранатом и бамбуком. Лимонные, мандаринные, апельсинные, орехоплодные и другие ценные многолетние растения будут высажены в Крыму, Краснодарском крае, на юге Украины, в Среднеазиатских республиках, в западных районах Азербайджана, в Дагестане и Молдавии.

В этих районах будут созданы также большие сады карликовых и пересадочно-кадочных цитрусовых деревьев. Это позволит в дальнейшем продвинуть цитрусовые растения в еще более северные районы страны и сделать

следующий шаг в подчинении, преобразовании и использовании свойств окружающей природы.

За годы социалистического строительства наша страна имеет большие достижения и в развитии садоводства. «Ушло в вечность то время, — писал И. В. Мичурин, — когда плодовый сад являлся достоянием помещика-барина да кулака-богатея. Ушло в вечность время полудиких, разгороженных бесплодных садиков старой деревни. Наступило время расцвета высококультурного, высокотоварного садоводства. Колхозный строй позволяет быстро решить эту задачу» [1].

Анализируя годовые планы закладки новых садов и ягодников совхозов и колхозов еще периода первых лет второй пятилетки, великий преобразователь природы И. В. Мичурин с гордостью отмечал, что «такой рост в условиях прежнего строя возможен был только в течение столетий» [2].

Действительно, в кратчайшие сроки возникали большие зеленеющие массивы огромных садов и ягодников, специализированных совхозов и колхозов. В стране создавались совершенно новые крупные хозяйственные объединения — тресты плодово-ягодных совхозов.

Война и немецкая оккупация во многих районах страны причинила весьма тяжелый ущерб советскому садоводству. Сады пострадали в гораздо большей степени, чем колхозные и совхозные поля. Восстановление садов после войны сопряжено с большими трудностями и требует более продолжительного времени, чем восстановление плодородия полей. Тем не менее за первые четыре послевоенных года и в области садоводства уже сделано немало.

В Советском Союзе имеется более полутора миллионов гектаров садов, в то время как в царской России их было только 66 тыс. *га*.

Помимо развертывания крупных садоводческих хозяйств — колхозов и совхозов, в ближайшие годы каждый колхоз будет иметь свой общественный сад. Кроме того, в одной РСФСР будет создано около 10 млн. приусадебных небольших садов.

---

[1] *И. В. Мичурин*, Соч., т. IV, Сельхозгиз, 1948, стр. 315—316.
[2] Там же, стр. 255.

Выполнение сталинского плана полезащитного лесонасаждения разрешает целый комплекс задач социалистического народного хозяйства, в том числе и задачи развития в больших масштабах садоводства. Так, например, только по РСФСР из общей площади более 4 млн. *га* лесных полос будет засажено свыше 500 тыс. *га* плодово-ягодными деревьями.

Показателем нового, социалистического преобразования географической среды является ломка прежних, веками остававшихся незыблемыми, границ садоводства. Опираясь на новые возможности социалистического общества, Мичурин и мичуринцы продвинули садоводство далеко на север и в суровые по климату районы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Прежде Сибирь и Урал не знали плодоводства, а сейчас там насчитываются уже десятки тысяч гектаров плодово-ягодных насаждений.

В Сибири получили широкое распространение стелющиеся сады — эта новая форма плодоводства, которой прежде наука не знала. Благодаря созданию новых сортов плодово-ягодных растений стало создаваться и быстро расти садоводство даже в наиболее суровых по климату районах Сибири. Так, в Минусинском районе Красноярского края сейчас площадь садов уже превышает тысячу гектаров. Почти в каждом колхозе этого района имеется свой хороший сад.

Советское садоводство быстро перемещается к северу и в европейской части Советского Союза. Уже близ Архангельска возникли и успешно развиваются плодово-ягодные насаждения в государственных и колхозных хозяйствах. Фруктовые сады закладываются под Мурманском и даже на Игарке.

За годы сталинских пятилеток продвинулось далеко на север и восток страны разведение винограда. Продвижение винограда, как и всех южных плодовых растений, стало возможным только в советское время, на основе учения великого преобразователя природы И. В. Мичурина.

В дореволюционной России все попытки выращивать виноград в северных районах совершенно не имели успеха. Сейчас мичуринские сорта винограда растут в Саратовской, Куйбышевской, Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской, Московской областях, в Башкирии

и в Приморье, не говоря уже об Украине. На Всесоюзном совещании по северному виноградарству, происходившем в декабре 1948 г., было твердо определено создание и развитие новых районов виноградарства в центральных областях, в Поволжье, Латвии и Белоруссии.

По темпам развития социалистическое сельское хозяйство в 8—10 раз превышает темпы роста капиталистического сельского хозяйства и темпы доколхозной советской деревни. Социалистическое сельское хозяйство СССР прочно занимает первое место в мире по производству таких важнейших хлебов, как рожь, пшеница, просо, ячмень, и таких ценнейших технических культур, как сахарная свекла и льноволокно. Советское социалистическое земледелие производит около одной трети всего мирового сбора пшеницы и овса, около четверти — сахарной свеклы и ячменя, около 90% мирового сбора подсолнечника.

Известно, что в СССР население растёт быстрее, чем в любой другой стране капиталистического мира. Тем не менее рост валовой продукции социалистического сельского хозяйства значительно обгоняет рост населения [1]. В этом сопоставлении выражен решающий показатель прогрессивности социалистической системы производства и использования географической среды.

Ленин в письме к коммунистам Закавказья писал: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму» [2]. Эти ленинские идеи в годы социалистического строительства нашли свое широкое претворение в жизнь в виде больших государственных и местных народных сооружений по орошению безводных степей, полупустынь и пустынь.

Товарищ Сталин в отчётном докладе ЦК XVII съезду ВКП(б) сказал, что орошение — «это главное с точки зрения борьбы с засухой... теперь нет больше оснований откладывать его дальше. Мы не можем обойтись без серьезной и совершенно стабильной, свободной от случайностей погоды, базы хлебного производства на Волге...» [3]

---

[1] См. *И. А. Бенедиктов,* Развитие сельского хозяйства в новой пятилетке, стр. 3.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, изд. 3, стр. 192.

[3] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 456.

В годы сталинских пятилеток быстро развернулось широкое ирригационное строительство. Так, по инициативе узбекских колхозников в 1939 г. в невиданно короткий срок, в 45 дней, был построен Большой Ферганский канал протяжением 270 *км*, орошающий многие десятки тысяч гектаров пустынных земель.

За годы советской власти в республиках Средней Азии, Закавказья построены десятки тысяч различных ирригационных сооружений, плотин, водохранилищ, каналов, благодаря которым коренным образом преобразована географическая среда обширных районов и последние превращены из безжизненных пространств в плодородные поливные поля, с обильными урожаями ценнейших технических и продовольственных растений. Только в одном Туркменистане за годы советской власти построено свыше 1 500 ирригационных сооружений [1].

Уже к 1940 г. в области мелиорации Советской стране удалось сделать много больше, чем за все время существования царской России: площадь орошаемых земель к тому времени увеличилась в 5 раз, а осушенных земель — возросла в 3 раза [2].

В ближайшие годы размах и темпы преобразования географических условий безводных степей, полупустынь будут все больше и больше нарастать. Закон о послевоенной сталинской пятилетке предусматривал расширение водохозяйственных систем, обеспечивающих прирост орошаемых площадей на 656 тыс. *га*, главным образом в республиках Средней Азии и Закавказья. Февральский пленум ЦК ВКП(б) в 1947 г. поставил дополнительную задачу: «Наряду с проведением нового ирригационного строительства и расширением площади посева на поливных землях в республиках Средней Азии и Закавказья, обеспечить значительное развитие орошения в районах средне-русской возвышенности (Курская, Воронежская, Орловская, Тамбовская области), Поволжья, Северного Кавказа, Крыма, Украины, Западной Сибири и неорошаемых районов Казахской ССР, в целях создания участков

---

[1] См. «Туркменистан сегодня», «Правда» от 1 сентября 1947 г.

[2] См. *А. Н. Костяков*, Мелиоративная наука на службе социалистического сельского хозяйства, журнал «Наука» № 12 за 1940 г.

гарантированного урожая зерновых, технических и других сельскохозяйственных культур»[1].

Новый этап в развитии ирригации знаменуют постановления Совета Министров СССР: о переходе на новую систему орошения, о строительстве Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций, о строительстве Главного Туркменского канала Аму-Дарья — Красноводск, о строительстве Каховской гидроэлектростанции на реке Днепре, Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма. Эти исторические постановления поднимают на новую ступень победу советских людей над стихийными силами природы в целях облегчения человеческого труда и создания мощной производственной базы коммунизма.

Большие преобразования географической среды за послереволюционные годы сделаны в нашей стране путем осушения болот и превращения их в плодородные поля и луга. В частности в Белоруссии за годы советской власти осушено болот больше, чем за всю предыдущую историю белорусского народа. В предвоенные годы в БССР было осушено под пашню больше 113 тыс. *га* и под луга и пастбища — свыше 560 тыс. *га* болот.

Еще в довоенный период были развернуты большие работы в крайне заболоченной Колхидской низменности Закавказья. Уже в 1936 г. была сооружена осушительная сеть общей длиной около 1 тыс. *км*, построены сотни километров прочных современных дорог. Там, где прежде неосторожного путника засасывала болотная жижа, теперь на преобразованной и благодатной земле возникли колхозные поселки, и колхозники выращивают там цитрусовые и другие растения субтропического пояса.

По плану послевоенной сталинской пятилетки в Белоруссии, в Западной Сибири и в центральных областях РСФСР осушается свыше 600 тыс. *га* заболоченных земель[2]. Из них в одной только Белорусской ССР — 270 тыс. *га* болот.

По сообщению министра мелиорации Белорусской

---

[1] «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Постановление пленума ЦК ВКП(б), стр. 38.

[2] См. журнал «Большевик» № 23—24 за 1946 г., стр. 35.

ССР, установленный правительством Советского Союза на 1948 г. план осушения заболоченных земель фактически перевыполнен в 2 раза.

В годы послевоенной сталинской пятилетки Советским государством был обнародован исторический закон о создании водоохранных, водорегулирующих и защищающих плодородные поля лесов. Был создан государственный аппарат лесонасаждений и охраны лесов во главе с особым союзным министерством.

Леса имеют огромное значение для сельского хозяйства. Они видоизменяют климат местности, способствуют усилению и сохранению влажности почв, защищают культивируемые растения от суховеев, задерживают движение песков и укрепляют почвы от размывов и выветривания.

Насаждение полезащитных полос леса в зонах засушливого климата является одним из мощных средств воздействия людей на географическую среду с целью создания наиболее благоприятных условий для сельскохозяйственного производства.

Сама эта идея зародилась еще до революции. Основоположник науки почвоведения Василий Васильевич Докучаев после грозного неурожайного 1891 г. организовал экспедицию в южные районы России с целью выяснения причин неурожая и выявления на месте средств борьбы с ним. По предложению В. В. Докучаева в 1893 г. были произведены первые посадки леса в виде полос, защищающих почву и полевые культуры от сильных ветров, от суховеев. Но вплоть до Октябрьской революции гениальные идеи Докучаева оставались мечтой, не вышли из рамки небольшого научно-опытного мероприятия. Они не получили, да и не могли тогда получить, реализации в общенародном хозяйственном масштабе. Только при социализме, при направляющей роли партии Ленина — Сталина претворяются в жизнь теории Докучаева — Костычева, развитые В. Р. Вильямсом и Т. Д. Лысенко.

Насколько социалистические темпы развития и в этом отношении отличаются от направления и темпов основных капиталистических стран, видно из того, что в Канаде за 30 лет существования полосного лесоразведения было создано всего около 16 тыс. *га* лесных полос.

В СССР еще в период второй пятилетки создание защитных лесных полос происходило в 165 раз быстрее, чем в Канаде [1].

В нашей стране успешно разрешается и более широкая задача — создание лесных массивов водоохранного, водорегулирующего и иного их значения. Выделены водоохранные и защитные леса на площади в 55 млн. *га* — законом запрещено их вырубать. Эти леса равны площади лесов всех европейских стран, вместе взятых (без Скандинавского полуострова). В СССР нарастающими темпами происходит разведение новых лесов. Так, в предвоенные годы второй и третьей пятилеток ежегодное разведение по стране всех видов новых лесов равнялось 300 тыс. *га*, в том числе 212 тыс. *га* лесов специального назначения. По темпам лесоразведения уже в эти годы СССР в 5 раз превосходил дореволюционную Россию.

Несмотря на наличие больших ресурсов естественных лесов, размах лесоразведения в СССР превосходит темпы лесоразведения в капиталистических странах. Так, например, США за 40-летний период существования федерального лесного управления на территории федеральных земель вырастили всего 94 тыс. *га* лесных насаждений. Швеция за 30-летний период (1905—1935 гг.) создала всего 188 тыс. *га* культур, Англия за 15-летний (1920—1934 гг.) создала 101,7 тыс. *га*, тогда как СССР только на территории теперешних водоохранных лесов за 12 лет — с 1927 по 1938 г. — создал площадь свыше 1 млн. (1 062 811) *га* лесных культур. Таким образом, федеральное лесное управление США создавало в год в среднем примерно только 2 350 *га* культур, Англия — 6 784 *га*, Швеция — 5 200 *га*, а СССР в одной только водоохранной зоне — 88 567 *га*. В последние годы кривая роста культур в СССР круто повышается [2]. В США американские деятели признают полное банкротство своих планов разведения и сохранения лесов.

В нашей социалистической стране преобразование географической среды проявляется и в изменении природы растений и животных, все шире развертывается процесс

---

[1] См. *М. Е. Ткаченко*, Общее лесоводство, Гослестехиздат, Л. 1939, стр. 20.

[2] См. там же, стр. 50.

создания новых сортов культурных растений и новых пород домашних животных. Известно, что современные культурные растения и домашние животные произошли от своих диких предков. На протяжении тысячелетий путем искусственного отбора они были радикально изменены. Однако это изменение в прошлом было подчинено стихийным законам и никогда не достигало таких темпов и масштабов, какие оно приобретает теперь в нашей стране.

В годы царизма, когда непрерывно нарастало разорение большей части русской деревни, выдающийся ученый и революционный демократ К. А. Тимирязев, не теряя перспективы, указывал, что «недалеко время, когда человек вполне победит природу, вынудит ее давать наибольшее количество продуктов с наименьшей затратой труда и получающийся в результате досуг обратит на свое развитие, умственное и нравственное»[1]. С гордостью за свою родину мы можем сказать, что это время для нашей страны давно уже наступило.

Развитие социалистического хозяйства в сочетании с научно-техническим прогрессом в нашей стране показало огромную силу передовой науки как орудия познания законов природы, как орудия преобразования окружающей среды.

В благотворных условиях нового общественного строя И. В. Мичуриным была создана новая биологическая наука. В отличие от старой науки она является действенной, активной. «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача», — говорил он, выражая в этих словах революционно-творческую сущность своего учения.

В прежней России, в условиях капиталистического строя, существовали непреодолимые препятствия внедрению этих величайших принципов мичуринской теории. В капиталистических странах и сейчас культивируется реакционная теория Менделя — Моргана, утверждающая неизменность наследственной основы («генов») и принципиальную невозможность получения новых растений и животных.

---

[1] *К. А. Тимирязев,* Соч., т. X, Сельхозгиз, 1940, стр. 82.

В противоположность метафизическому взгляду буржуазных биологов И. В. Мичурин писал: «Растительный вид не есть что-то извечное и неизменчивое, как учили метафизики всех времен, как еще до сих пор пытаются доказать это рутинеры, представители кастовой науки. Вид изменялся так же, как «все течет, все изменяется». И если мы призваны к тому, чтобы не объяснять только, а переделывать мир, мы прежде всего должны переделать свойства растений в желательном для трудящихся направлении» [1].

Исходя из возможностей нового общественного строя нашей Советской страны, Мичурин делал вывод, что «теперь, когда *человечество* в пути своей эволюции достигло более высшей точки своего развития, оно уже не может быть в зависимости от случая, его не удовлетворит пользование подачками слепой для его нужд природы. Теперь наступило время, когда человек может не только делать мертвые механизмы различных машин, но и создавать живые организмы новых видов растений, а в *будущем*, вероятно, достигнет и творения новых видов животных, более полезных для его жизни» [2].

Мичурин научно доказал возможность коренного преобразования мира растений и животных.

Возникновение мичуринского учения, его признание и широкое распространение в нашей социалистической стране знаменует новую эпоху в развитии биологической науки. Мичуринская биологическая наука получила быстрое развитие благодаря вниманию и заботе великих преобразователей человеческого общества Ленина и Сталина, первыми понявших исключительно прогрессивное значение учения Мичурина. Это новое направление биологической науки сложилось после победы Октябрьской социалистической революции. Его вырастила большевистская партия, сделав это направление достоянием не только ученых, но и рядовых колхозников — передовиков социалистического сельского хозяйства.

До Мичурина биология была преимущественно созерцательной, описательной наукой. «Мичуринцы в своих исследованиях исходят из дарвиновской теории развития.

---

[1] *И. В. Мичурин,* Соч., т. IV, стр. 259.
[2] *И. В. Мичурин,* Соч., т. I, стр. 434—435.

Но сама по себе теория самого Дарвина совершенно недостаточна для решения практических задач социалистического земледелия. Поэтому в основании современной советской агробиологии лежит дарвинизм, преобразованный в свете учения Мичурина — Вильямса и тем самым превращенный в советский творческий дарвинизм» [1].

В советских условиях сложилось могучее движение мичуринцев. Помимо ученых в это движение вовлечены десятки тысяч передовых колхозников-опытников, вовлечены колхозные массы. Мичуринская биологическая наука в руках советских людей ныне стала могучим орудием массовой переделки культивируемых и диких растений.

Новые успехи одерживает мичуринская биология также и в животноводстве. Созданы новые породы высокопродуктивных коров, овец, свиней и других домашних животных, более приспособленных к местным климатическим и прочим условиям их хозяйственного разведения.

Дальнейшее успешное развитие мичуринского учения является неотделимой частью общих успехов нашей страны. Это вполне ясно понимал и сам И. В. Мичурин. «Я вижу, — писал он, — что колхозный строй, через посредство которого коммунистическая партия начинает вести великое дело обновления земли, приведет трудящееся человечество к действительному могуществу над силами природы» [2].

Мичуринская биология стала могучим средством преобразования флоры и фауны СССР. Создан целый ряд новых сортов растений, обладающих рядом новых ценных свойств для их использования в материальной жизни общества. Уже созданы новые сорта засухоустойчивой и холодостойкой пшеницы и многих других ценных культур. Созданы совершенно новые сорта хлопка. На советских хлопковых плантациях разводится невиданный прежде шерстистый хлопок, волокно которого имеет ценные свойства шерсти. В Туркмении и Узбекистане в годы Великой Отечественной войны создан новый сорт цветного хлопка с естественной окраской зеленого, бурого и других цветов.

---

[1] *Т. Д. Лысенко,* Агробиология, изд. 4, Сельхозгиз, 1948, стр. 640.
[2] *И. В. Мичурин,* Соч., т. IV, стр. 293.

В последние годы на научной базе Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина создана новая ветвистая пшеница, в колосе которой содержится зерен во много раз больше, чем в колосе всех существующих сортов пшеницы. Известно, что озимые культуры по урожайности продуктивнее яровых. Ветвистая пшеница хотя по урожайности и превосходит все другие сорта пшеницы, но она является яровой. Превращение ее в озимую повысит еще больше ее продуктивность. Над этим работает группа научных сотрудников академика Т. Д. Лысенко. Имеющиеся опытные данные позволяют сделать вывод, что ветвистая пшеница может давать урожай до 100 *ц* с гектара.

Знаменитый украинский мастер высоких урожаев кукурузы товарищ Озерный в 1949 г. получил 223,8 *ц* кукурузы с гектара. В Казахской ССР Герой Социалистического Труда Ольга Гонаженко в 1949 г. вырастила 1 515 *ц* сахарной свеклы с гектара. Это урожаи, невиданные в истории.

Быстро идет сельскохозяйственное освоение Крайнего Севера. В зоне вечной мерзлоты якутские колхозники за послереволюционные годы увеличили посевную площадь в 10 раз. Создание новых культур коренным образом изменило и сделало более ценным ассортимент сельскохозяйственной продукции. В Якутии стали вызревать не только ячмень, но и пшеница, овощи, малина, земляника, даже арбузы. Возникло земледелие далеко за Полярным кругом. На Кольском полуострове и около побережья Северного Ледовитого океана созданы новые скороспелые сорта овощных и зерновых культур. Впервые за всю историю существования человека здесь успешно развертывается производство ячменя, овса, картофеля, капусты, малины и многих других продовольственных культур. Только при социализме люди оказались в силах положить начало заполярному земледелию, чего никак нельзя было ожидать в дореволюционное время.

Изменяя природу растений и создавая новые сорта их, советская наука и социалистическое хозяйство делают то, чего не сделала сама природа на протяжении долгой истории своего развития и что не могли сделать наука и хозяйство капиталистической России.

5. Сталинский план преобразования природы

Коммунистическое преобразование общества выражается в поднятии на высшую ступень производительных сил, производственных отношений и культурно-морального облика общества в целом. В результате этих преобразований воздействие общества на природу становится плановым и мощным, максимально развиваются благоприятные свойства географической среды.

Стихийный характер общественного развития, хищническое использование почв, лесов, ископаемых и прочих богатств природы в капиталистическом хозяйстве, с одной стороны, и крайняя примитивность средств производства, отсталые, патриархальные методы ведения хозяйства мелкими землевладельцами — с другой, истощали плодородие почв и исключали возможность благоприятного преобразования географической среды.

На огромнейших пространствах наиболее плодородных почв дореволюционной России периодические засухи губили посевы и производили опустошение на полях. Засушливые годы к концу XIX и началу нашего столетия катастрофически учащались.

Только за последние 65 лет засуха повторялась на полях Поволжья 22 раза, в Воронежской, Ростовской, Ворошиловградской и Сталинской областях — 16—19 раз, в Башкирской, Татарской, Мордовской АССР, Курской, Харьковской, Днепропетровской, Херсонской и Николаевской областях — 11—16 раз. Эти данные показывают, что в среднем на каждые 3—5 урожайных года приходился более чем один засушливый, неурожайный.

На огромных пространствах усиливалась эрозия почвы: смывание и размывание наиболее плодородного слоя почвы талыми и ливневыми водами. Учащались и усиливались по своим разрушительным последствиям так называемые черные бури степных районов страны. Восточные и юго-восточные ветры поднимали бури, выдувающие плодородный слой почвы, а иногда и сами посеянные культуры.

Эти бедствия изображались как непреодолимые для человека действия стихийных сил природы, с которыми люди якобы совершенно бессильны бороться. В 1908 г.

министерство внутренних дел царской России вместо поддержки и пропаганды научных средств борьбы с неурожаями, вызывавшими массовый голод в деревне, прямо заявило: «Угроза голодной смерти является возможной участью значительного числа земледельцев России».

Кроме молебнов и крестных ходов, действительный смысл которых состоял в том, чтобы ослабить отчаяние и гнев народа и отвести угрозу от подлинных виновников переживаемых бедствий, ни царское правительство, ни официальная общественность дореволюционной России не принимали никаких более или менее широких и действенных мер для борьбы с засухой и неурожаями. Если кое-что в общественном порядке и делалось прогрессивными слоями, то это были меры борьбы с последствиями засухи, а не с причинами, ее порождающими. В условиях капитализма совершенно невозможна организация действенных общественных мер против сил природы, разрушительно действующих на развитие сельского хозяйства.

Лучшие представители агрономической науки искали пути преодоления засухи и предотвращения народных бедствий от неурожаев. Выдающиеся передовые русские ученые В. В. Докучаев, П. А. Костычев, А. Измаильский, К. А. Тимирязев, В. Р. Вильямс вскрыли причины, порождающие засуху. Еще в конце XIX века они приступили к разработке научно обоснованной системы земледелия, способной противостоять стихийным бедствиям и обеспечивать устойчивые урожаи при любых условиях погоды. Но при капитализме предупреждения передовых ученых России о роковых последствиях помещичье-кулацкого хищнического земледелия оставались гласом вопиющего в пустыне. Только победа советского строя впервые в истории обеспечила возможность планового преобразования природы в борьбе за высокие урожаи.

С первых лет существования социалистического Советского государства правительство и большевистская партия придали борьбе с засухой действенный общегосударственный характер. Еще в 1924 г. товарищ Сталин поставил перед партией и народом задачу — «сделать все возможное для того, чтобы застраховать себя в *будущем* от случайностей засухи».

Необходимые социально-экономические и технические предпосылки для реализации этой важнейшей задачи были созданы в результате социалистической индустриализации страны и сплошной коллективизации сельского хозяйства. Под руководством партии советские ученые-агрономы во главе с академиками В. Р. Вильямсом и Т. Д. Лысенко создали стройную теорию борьбы с засухами и непрерывного повышения плодородия почвы.

В. Р. Вильямс писал: «Дальнейший подъем сельскохозяйственного производства в степных районах Союза немыслим, во-первых, без широкого внедрения в сельскохозяйственное производство системы лесных полос и, во-вторых, без внедрения на межполосных пространствах травопольной системы земледелия, составным элементом которой и являются лесные полосы» [1].

Таким образом, социальное преобразование структуры сельского хозяйства, насыщение его новейшей техникой, развитие социалистической науки создали прочную основу для наступления на засуху, подготовили коренное преобразование природных факторов и создали условия для повышения урожайности социалистических полей.

На XVII съезде партии в 1934 г. товарищ Сталин сформулировал целую программу борьбы с засухой, за высокую урожайность, опирающуюся на современный уровень крупного, механизированного социалистического сельского хозяйства и на достижения передовой, советской агрономической науки. Уже в этом указании товарища Сталина был особо выделен и занимал виднейшее место план лесонасаждений в засушливых районах Заволжья. «Насаждение лесов и лесозащитных полос в восточных районах Заволжья, — указывал товарищ Сталин, — имеет громадное значение. Эта работа, как известно, уже производится, хотя нельзя сказать, чтобы она проводилась с достаточной интенсивностью» [2].

Сталинская программа мероприятий (по полезащитному лесоразведению, орошению и прочим мерам) нашла свое отражение в постановлениях XVII съезда партии, пленумов Центрального Комитета ВКП(б) и в решениях

---

[1] *В. Р. Вильямс,* Лес на службу урожаю, «Известия» от 21 октября 1938 г.

[2] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 456.

советского правительства. Известно, что уже начиная с 1935 г. в Заволжье начала работать большая экспедиция по проектированию лесного заслона на территории южных районов Чкаловской области, через Уральск до Каспийского моря. Кроме этой экспедиции, в районах Поволжья и Северного Кавказа работали многочисленные изыскательные партии.

За одно предвоенное десятилетие на полях колхозов степной зоны СССР было создано полезащитными полосами около 450 тыс. *га* леса. Дальнейшее расширение полезащитного лесоразведения было временно прервано войной.

Разгромив врага, наш народ под руководством партии и лично товарища Сталина развернул мирное строительство и возобновил борьбу с засухой, за высокие урожаи. Февральский пленум ЦК ВКП(б) 1947 г. дал развернутую программу послевоенного подъема сельского хозяйства.

Советским правительством были приняты решения о новых посадках полезащитных лесных полос и орошении в центрально-черноземных областях. Решения предусматривали также создание на полях Украинской ССР полезащитных лесных полос общей площадью около миллиона гектаров.

Социалистическое земледелие еще за предвоенные годы добилось больших успехов в преобразовании и использовании почвенных и климатических условий страны. Сломив вековые зональные границы возделывания человеком различных сельскохозяйственных культур, социалистическое земледелие обеспечило успешное выращивание ценнейших продовольственных и технических культур в более суровых условиях: пшеницы на севере и северо-западе, сахарной свеклы, кок-сагыза на востоке и юго-востоке.

Однако, несмотря на возросшую мощь социалистического земледелия, тяжелая засуха 1946 г., охватившая многие районы страны, привела к большому недобору хлебов. Засушливое лето 1948 г. в Поволжских районах также резко снизило урожай полей этой важнейшей житницы страны.

Все это подтверждает, что для полной ликвидации тяжелого наследства старого общества в земледелии по-

требуется еще не мало труда. В степных и лесостепных районах европейской части Советского Союза, являющихся основным поставщиком продовольственных и некоторых технических культур, в результате суховеев, черных бурь и перемещения песков сельскому хозяйству до сих пор причиняется значительный ущерб.

Без уничтожения наследства капитализма в земледелии нельзя разрешить великой исторической задачи — построения коммунистического общества в нашей стране.

Географические особенности отдельных зон и районов нашей огромнейшей страны определяют своеобразие стоящих перед каждым из них задач. В одних районах проводится облесение, в других — уничтожение кустарников с последующим возобновлением леса или расширением площади земледелия. На юго-востоке лесонасаждениями надо остановить движение песков, а искусственным орошением оживить мертвые пустыни и благоприятствовать развитию ценнейших солнцелюбивых субтропических культур. На севере и северо-западе надо осушить огромные площади болот и на их месте широко распространить наиболее ценные продовольственные и технические культуры, плодовые деревья и ягодники.

Важнейшие из задач воздействия нового общества на географическую среду нашли свое воплощение в историческом сталинском плане преобразования природы. Сформулированный в постановлении Совета Министров и ЦК ВКП(б) «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» от 20 октября 1948 г., этот грандиозный сталинский план преобразования природы превратился в конкретную, научно обоснованную боевую программу работ нашего народа.

Сталинский план преобразования природы — величайший исторический документ. В нем раскрывается совершенно новый характер воздействия людей на окружающую природу в социалистическом обществе. В дореволюционной России и ныне во всех капиталистических странах капиталисты используют природу, побуждаемые погоней за прибылью, в корыстных целях личной наживы. Их эгоистические цели приводят к вредным для общества

результатам. В сталинском же плане нашло свое воплощение преобразование окружающей природы, осуществляемое в интересах и на пользу всего социалистического общества.

Особенностью сталинского плана преобразования природы является то, что впервые в истории он направляет мощные новые общественные силы на борьбу не только с последствиями стихийных бедствий, но и с их причинами.

Наукой установлено, что на протяжении ряда столетий происходил процесс наступления пустыни на степь и степи на лес. Констатируя этот факт, буржуазные ученые приходили к крайне пессимистическим выводам. Только нашей советской наукой с позиций диалектического и исторического материализма были установлены объективные закономерности этого столь существенного изменения географической среды. В действительности пустыня наступала на степь и степь на лесную зону не потому, что степь не могла противостоять пустыне, а лес — степи. Объясняется это тем, что хищническое использование природных богатств при феодальном и при капиталистическом обществах содействовало этим вредным изменениям географической среды.

Величественность сталинского плана преобразования природы состоит в том, что в нем, исходя из научного понимания изменения географической среды, впервые в истории формулируется научно обоснованная возможность повернуть эти процессы природы в обратном направлении. В сталинском плане конкретно разработаны пути и формы наступления леса на степные и полупустынные районы огромнейшей территории, с учетом различия почвенных и климатических условий этих весьма больших пространств нашей страны.

В широко общественном смысле сталинский план преобразования природы есть выражение нового, социалистического закона взаимодействия общества и природы. В этом заключается его основная сущность, его теоретическое значение.

Огромный общественно-исторический смысл этого плана знаменует собою такую победу человеческого общества над природой, которая определяет новую эпоху во взаимодействии общества и географической среды. В нем

сформулированы конкретные пути и формы непрерывного повышения плодородия почв и размеров урожайности социалистических полей.

Буржуазные социологи совершенно неправильно называли убывающее плодородие почвы при капитализме вечным законом природы; В. И. Ленин давно опроверг «доказательства» Булгакова и других буржуазных социологов, показал антинаучность, политическую реакционность их идей. Вместе с тем В. И. Ленин показал, что при определенных исторических условиях в капиталистическом хозяйстве действительно наблюдается процесс падения плодородия почв. Следовательно, нет абсолютного закона природы как закона естественного падения плодородия почв, а есть исторически ограниченный процесс убывания плодородия почв в капиталистическом обществе, вызванный социальными причинами — хищническим использованием почв в этом хозяйстве.

Сталинский план отвергает «закон убывающего плодородия», противопоставляет этому «закону» прямо противоположный процесс. В этом заключается огромное общетеоретическое и политическое значение сталинского плана преобразования природы.

Советских людей интересует практическое значение сталинского плана преобразования природы. Кратко это значение показано в постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. В этом постановлении указывается: «Совет Министров СССР и Центральный Комитет ВКП(б) считают, что колхозы и совхозы степных и лесостепных районов, накопившие опыт борьбы за урожай и вооруженные передовой сельскохозяйственной техникой, имеют все возможности для того, чтобы в течение ближайших лет сделать скачок в дальнейшем развитии земледелия и животноводства. В настоящее время имеются все необходимые условия для того, чтобы в короткие сроки освоить травопольную систему земледелия в степных и лесостепных районах и тем самым значительно повысить урожайность сельскохозяйственных культур».

Травопольная система земледелия, основанная на учении виднейших русских ученых В. В. Докучаева, П. А. Костычева и В. Р. Вильямса, включает в себя целый ряд крупнейших лесохозяйственных, агрономических и гидро-

технических мероприятий. В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) называются следующие важнейшие мероприятия:

«а) посадка защитных лесных полос на водоразделах, по границам полей севооборотов, по склонам балок и оврагов, по берегам рек и озер, вокруг прудов и водоемов, а также облесение и закрепление песков;

б) правильная организация территории с введением травопольных полевых и кормовых севооборотов и рациональным использованием земельных угодий;

в) правильная система обработки почвы, ухода за посевами и, прежде всего, широкое применение черных паров, зяби и лущения стерни;

г) правильная система применения органических и минеральных удобрений;

д) посев отборными семенами приспособленных к местным условиям высокоурожайных сортов;

е) развитие орошения на базе использования вод местного стока путем строительства прудов и водоемов».

В постановлении указывается, что эта система мероприятий является надежным орудием борьбы с засухой. Она способствует повышению плодородия почв, получению высоких устойчивых урожаев, прекращению смыва и выдувания почв, закреплению песков и наиболее правильному использованию земель.

Реализация этого грандиозного и исторически величественного плана мероприятий травопольной системы земледелия стала возможной только в результате победы социализма в нашей стране. В капиталистическом же мире, даже в технико-экономически сильных странах, таких, как США, внедрение системы прогрессивных мероприятий земледелия остается недосягаемой мечтой передовых ученых, агрономов, лесоводов и гидротехников этих стран.

В этом постановлении советского правительства и ЦК ВКП(б), разработанном по заданию товарища Сталина, возведен в степень государственного закона план проведения в широких размерах работ по полезащитному лесонасаждению и освоению остальных элементов травопольной системы земледелия.

«Осуществление этого грандиозного государственного плана, — говорит В. М. Молотов, — принятием которого

объявлена война засухе и неурожаям в степных и лесостепных районах европейской части нашей страны, выведет наше сельское хозяйство на прямой путь высоких и устойчивых урожаев, сделает труд колхозников высокопроизводительным и во многом поднимет экономическое могущество Советского Союза» [1].

Претворение в жизнь этого важнейшего государственного закона не только обеспечивает небывало высокие и устойчивые урожаи продовольственных и технических культур, но также создает прочную кормовую базу для развития животноводства в колхозах и совхозах на огромной площади степных и лесостепных районов европейской части СССР.

Сталинский план является не только широким претворением в общественную практику передовых идей советской науки, но и крупным шагом вперед, создающим новый этап в дальнейшем развитии целого комплекса наук о природе и использовании человеком ее свойств.

На протяжении столетий сложился и оставался незыблемым взгляд на лес, как на создаваемый самой природой полезный материал для общественной жизни человека. Именно лес можно использовать как топливо, как строительный материал и как сырье для механической обработки в промышленности. В нашем столетии к этому прибавилось еще использование леса как сырья разнообразной химической промышленности. Укрепилось мнение, что до момента полезного потребления леса обязательно должен проходить 60—70-летний период его вызревания; до этого же возраста он бесполезен и даже помеха. Существовала также теория, что лес может произрастать только в определенных районах и развитие его невозможно в южной, а тем более в юго-восточной степной зоне. Наконец, как уже говорилось, при царизме сложилась «теория» наступления степи на лес и вытеснения леса даже из тех многих районов страны, где он естественно произрастал до наших дней. Такова суть официальной «науки» царской России и других капиталистических стран.

Сталинский план исходит из отрицания такой с позволения сказать «науки». Развернувшееся еще в предвоен-

[1] *В. М. Молотов*, 31-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1948, стр. 13.

ные годы степное лесонасаждение на площади почти в полмиллиона гектаров представляло опыт создания и использования в широком общественном масштабе неизвестных до сего времени свойств леса, когда последний становится полезным человеку уже с 4—6-летнего возраста; оно явилось практическим опровержением прежней теории о невозможности лесопроизрастания и лесоразведения в степных районах юга и юго-востока. Эти массовые лесопосадки в степи кладут конец исторически наблюдавшейся тенденции наступления степи на лес и являются началом гигантского, совершенно нового процесса наступления леса на степь, а затем и наступления лесостепи на пустыню. Все это в конечном счете обусловлено социальными причинами и является проявлением свойств нового, социалистического общества.

Преобразование географической среды степным лесонасаждением осуществляется вследствие следующих разнообразных свойств и функций, выполняемых лесными насаждениями:

гигантские лесные государственные полосы и полезащитные колхозные лесные полосы выполняют роль ветроломов и заслонов от жарких ветров-суховеев;

противоэрозийные лесные насаждения предотвращают размыв и выветривание почв;

водораздельные лесные посадки различных размеров и форм предотвращают быстрое стекание весенней и дождевой воды и сохраняют влагу на возвышенных местах;

лесонасаждения на песках задерживают движение последних и создают условия для сельскохозяйственного использования песчаных почв, а также изменяют климат в промышленных очагах песчаной степи и пустыни;

водсохранные посадки предотвращают образование оврагов, укрепляют берега рек, озер, прудов и замедляют испарение воды;

снегозащитные лесонасаждения защищают железные и шоссейные дороги, населенные пункты от заноса снегом;

снегосборные полосы леса задерживают снега на полях, которые еще В. В. Докучаев называл «магазинами влаги»;

декоративные и санитарные лесонасаждения по дорогам, около городов и населенных пунктов вообще улуч-

шают и украшают географические условия для труда и отдыха людей.

Из этого перечисления видно, что план решает широкие общественные задачи по коренному изменению географической среды.

Восемь гигантских государственных лесных полос должны сыграть роль мощных укрепленных валов против разрушительных, враждебных человеку сил природы.

Государственная защитная лесная полоса от Саратова до Астрахани, по обоим берегам реки Волги, шириной по 100 *м* на каждом берегу и протяженностью 900 *км*, будет задерживать жаркий ветер и вместе с зеркалом воды реки Волги охлаждать воздух на полосе общей шириной более километра. Несомненно, это значительно смягчит сухость воздуха и ослабит его сравнительно высокую температуру, прежде губительно действовавшую на поля ценнейших сельскохозяйственных культур.

Защитная лесная полоса в направлении Пенза — Екатериновка — Вешенская — Каменск на Северном Донце, на водоразделах рек Хопра и Медведицы, Калитвы и Березовой будет состоять из трех полос сплошного леса, шириной по 60 *м* каждая, с расстоянием между ними 300 *м*. Протяженность этой лесной полосы составит 600 *км*.

Государственная защитная лесная полоса в направлении Камышин — Сталинград, на водоразделе рек Волги и Иловли, будет состоять из трех полос, шириной по 60 *м* каждая, с расстоянием между ними 300 *м* и протяженностью 170 *км*.

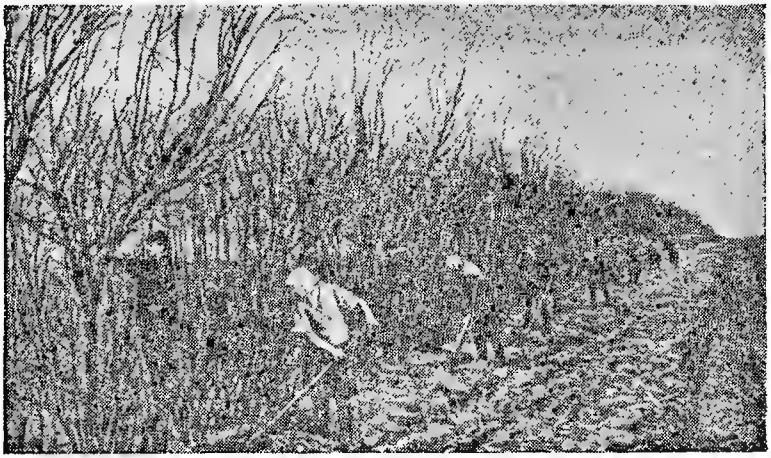
Государственная защитная лесная полоса в направлении Чапаевск — Владимировка будет состоять из четырех полос, шириной по 60 *м* каждая, с расстоянием между полосами 300 *м* и протяженностью 580 *км*.

Государственная защитная лесная полоса в направлении Сталинград — Степной — Черкесск будет состоять из четырех полос, шириной по 60 *м* каждая, с расстоянием между полосами 300 *м* и протяженностью 570 *км*.

Государственная защитная лесная полоса в направлении гора Вишневая — Чкалов — Уральск — Каспийское море, по берегам реки Урал, будет состоять из шести полос, по три полосы вдоль каждого берега, шириной по 60 *м* каждая, с расстоянием между ними в 100—200 *м* и протяженностью 1 080 *км*.

Полезащитные лесопосадки В. В. Докучаева в Каменной степи

Полезащитные лесопосадки в Ростовской области (поросли дуба)



Уход за лесными полосами в Сальской степи (колхоз имени И. В. Сталина)

Государственная защитная лесная полоса Воронеж — Ростов-на-Дону, по обоим берегам реки Дон, будет иметь ширину по 60 *м* и протяженность 920 *км*.

Государственная защитная лесная полоса от города Белгород до реки Дон, по обоим берегам реки Северный Донец, будет иметь ширину по 30 *м* и протяженность 500 *км*.

Предполагается, что в последующие годы площади между стенами сплошного леса внутри государственных полос будут также превращаться в лес путем естественного обсеменения или путем посадки сеянцев, собранных тут же в полосах леса. Таким образом в перспективе вся площадь, отведенная теперь под государственные лесные полосы, будет представлять собою сплошной лесной массив, шириной около километра и длиной в несколько сот километров, который посредством ряда последовательно расположенных линий будет защищать поля от азиатских пустынных ветров.

Создание государственных лесных полос является преобразованием окружающей природы в невиданных масштабах. Протяжение этих полос в длину более 5 320 *км* и общая площадь леса 118 тыс. *га*; расположенные в не-

сколько рядов широкие зеленые заслоны задержат горячие юго-восточные ветры, улучшат климатические условия огромных территорий Поволжья, Северного Кавказа, Украины и Центрально-черноземных областей.

Наряду с созданием государственных защитных лесных полос сталинский план преобразования природы предусматривает в степной и лесостепной зоне европейской части СССР создание колхозами и совхозами на своих земельных массивах полезащитных лесонасаждений. Общая площадь полезащитного лесонасаждения к концу намеченного планом срока, в 1965 г., должна достигнуть почти 6 млн. *га* новых лесов, не считая ранее осуществленные полезащитные лесонасаждения. В Курской, Саратовской и ряде других областей площадь лесов удвоится.

Многие безлесные области будут превращены в области с большой площадью ценных лесных массивов промышленных дубрав и полезащитных полос. В Сталинградской области леса займут до 900 тыс. *га* вместо прежних 345 тыс. *га*. В Астраханской области площадь лесов возрастет с 80 тыс. *га* до 245 тыс. *га*, или увеличится в 3 раза. В Ростовской области площадь лесов увеличится с 122 тыс. *га* до 745 тыс. *га*, или более чем в 6 раз. Такого размаха искусственного лесонасаждения, да еще в такой сложной климатической и почвенной зоне, какой является юго-восток, история природы и человеческого общества еще не знала.

Чтобы представить себе масштабы развернувшегося в нашей стране преобразования природы, профессор М. Е. Ткаченко дает такое сравнение. Площадь новых лесов, создаваемых по сталинскому плану, будет больше площади всех лесов такого сравнительно лесного государства, как Норвегия. Если исходить из количества деревьев, которые должны быть выращены по сталинскому плану, то в среднем на каждого гражданина Советского Союза, от стариков до младенцев, придется больше 20 деревьев. При этом надо иметь в виду, что эти деревья будут посажены там, где прежде лес не произрастал, теперь же по воле советских людей он будет расти и приносить человеку еще бо́льшую пользу, чем в тех районах, где он произрастает от природы. Таковы масштабы и степень преобразования природы социалистическим обществом в нашей стране.

Не менее поразительны и *темпы* развертывающегося преобразования природы в социалистическом обществе. На протяжении более двух с лишним столетий в царской России было заложено в степной и лесостепной зоне всего около 3 тыс. *га* леса. Причем это было сделано по частной инициативе и не являлось выполнением каких-либо государственных заданий или планов.

В СССР же в одно предвоенное десятилетие было создано лесов в степной и лесостепной зоне примерно в 150 раз больше, чем за весь период властвования русских царей; почти в 1 500 раз больше, чем при царизме, будет выращено лесов за 15 лет по сталинскому плану. При этом имеются все основания предполагать, что план будет значительно перевыполнен.

Трудно переоценить народнохозяйственное значение новых лесонасаждений и их благотворное влияние для десятков миллионов советских земледельцев степных и лесостепных областей. Государственные и колхозные защитные лесонасаждения будут охранять площадь в 120 млн. *га* земли. Этим преобразованиям подвергается площадь наиболее плодородных черноземных и каштановых почв теплой и солнцеобильной зоны, т. е. территория основных областей, производящих ценные продовольственные и технические культуры. Следовательно, сталинский план преобразования природы приведет к расцвету сельского хозяйства в наиболее решающих экономических районах Советского Союза.

В дополнение к плану лесонасаждений в степных и лесостепных районах европейской части СССР, утвержденному постановлением от 20 октября 1948 г., правительство в июне 1949 г. поручило Министерству лесного хозяйства СССР создать в течение шести лет дубовые леса промышленного значения. Это будут новые леса на большой площади около полумиллиона гектаров в безлесных Сталинградской, Астраханской и Ростовской областях, где по климатическим и почвенным условиям сама природа лесов не создала.

Вместе с тем сталинский план преобразования природы намечает большие работы по закреплению и облесению песков для последующего сельскохозяйственного использования этой территории.

Закрепление и облесение песков остановит вековой

процесс наступления безжизненной пустыни на плодородную степь и создаст благоприятные условия для расцвета материальной и культурной жизни людей в бывшей пустыне. В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. на ближайшие 6 лет поставлена конкретная задача — преградить передвижение песков из степных и полупустынных районов на плодородные земли Поволжья, Северного Кавказа, Центрально-черноземных областей и Украинской ССР. Предусмотрено создание разветвленных лесных насаждений на полях колхозов, совхозов и землях Гослесфонда. Облесение и закрепление песков в первую очередь будет произведено в местах, где имеется непосредственная угроза подвижных песков полевым угодьям колхозов и совхозов.

Это постановление советского правительства и ЦК ВКП(б) обязало Министерство лесного хозяйства произвести закрепление и облесение песков в 1949 г. на площади 22 400 *га*, в 1950 г. — 43 100 *га* и в 1951—1955 гг. — 256 500 *га*, а всего за ближайшее шестилетие — 322 тыс. *га*. Всенародное одобрение сталинского плана и трудовой энтузиазм в его выполнении фактически уже в первом году позволили намного перевыполнить намеченный план. Так, в 1949 г. проведено закрепление и облесение песков на площади 32 800 *га*, или план перевыполнен на 146%. Учитывая новые возможности, ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР постановлением, опубликованным в газете «Правда» от 21 апреля 1950 г., установили на 1950 г. план закрепления и облесения песков на площади 72 тыс. *га* вместо 43 100 *га*, т. е. объем работ увеличили почти в 2 раза.

Наряду с лесонасаждением предусмотрены и более быстро действующие меры закрепления подвижных песков и превращения песчаной почвы в полезную для сельского хозяйства площадь. Так, в Астраханской, Грозненской, Сталинградской областях и в Ставропольском крае широко развертываются посевы сорго-гумаевого гибрида, пустынного житняка и других трав, с тем чтобы в короткие сроки превратить площади безжизненных песков в пастбищные и сенокосные угодия. Уже в 1949 г. только по одной Астраханской области проведены межбарханные посевы засухоустойчивых трав на площади 3 500 *га*.

Советское правительство и ЦК ВКП(б) обязали Министерство лесного хозяйства разработать и представить к 1 января 1950 г. план мероприятий на 1956—1965 гг. по дальнейшему закреплению и облесению всей площади песков Поволжья, Северного Кавказа, Центрально-черноземных областей и Украинской ССР. Реализация этого плана не только приостановит наступление песков на плодородные земли, но превратит сами песчаные площади в пастбища. Полезащитные лесонасаждения, улучшая влажность почвы, смягчая климат, предотвращая засухи, увеличивают и делают устойчивой урожайность полей.

Не следует забывать, что под лесонасаждения занимаются неудобные для сельскохозяйственных угодий и посевов земли, что под пашню и луг используется только часть площади степной и лесостепной зон. Полезащитные лесонасаждения не только приостановят процессы разрушения почв, но сделают пахотными уже разрушенные эрозией участки земли. Гигантские лесные государственные полосы и местные полезащитные лесонасаждения расширят посевные площади за счет ввода новых земель, превращенных из неплодородных в плодородные.

Насколько долговечны будут степные полезащитные лесонасаждения? Наука имеет для ответа на этот вопрос проверенные практикой данные.

В нашей стране лесоразведение имеет многовековую историю. Правда, до революции оно не могло превратиться в систему преобразования природы, а оставалось на стадии отдельных опытов, вызванных самыми разнообразными причинами случайного характера. Так, например, еще в 1696 г. около г. Таганрога, в урочище Большая Черепаха, по заданию Петра I были посеяны жолуди, из которых образовалась и ныне существует дубрава. Несколько позже частными лицами были проведены удачные опыты с посадкой леса в сухой степи. Существуют полезащитные полосы леса в Каменной степи, посаженные полвека назад по инициативе Докучаева. Успешно развиваются более массовые посадки степного леса в советское время.

Эти данные позволяют сделать вывод, что созданные человеком леса в степи не только не гибнут по климатическим причинам, а обладают способностью сохраняться

на протяжении столетий. Дубрава, например, близ Таганрога существует уже более двух с половиной веков.

Если учесть, что прежние степные лесопосадки не всегда имели должный уход, не имели такой широкой научной основы, какую будут иметь степные лесонасаждения по сталинскому плану, то мы имеем все основания сделать вывод, что современное социалистическое лесонасаждение в степных и лесостепных районах будет безусловно успешным. Несомненно также, что практика степного лесоразведения, предпринимаемого в гигантских общественных масштабах, будет быстрее двигать наши знания в этой области и поможет еще лучше развить полезащитные свойства, долголетие и другие хозяйственно-важные свойства лесов.

В сталинском плане предусмотрено, что дуб должен явиться главной породой полезащитного лесонасаждения во всех районах на почвах, пригодных для его произрастания. В смешении с другими породами леса дубовые насаждения сделают полезащитные лесные полосы более мощными и долголетними. В различных почвенных и климатических условиях, сообразуясь с хозяйственными целями, дубовые лесонасаждения будут смешивать с разными другими видами многолетних растений.

Значительный удельный вес в полезащитных лесах будут занимать посадки плодовых деревьев, а для подлеска и опушки леса будет проводиться посадка ягодных кустарников. Однако все посадки различных пород лесонасаждений подчиняются главной цели — усилению полезащитных свойств и долголетию лесных полос и лесонасаждений на водоразделах.

Наряду с полезащитными лесонасаждениями в сталинском плане преобразования природы большое значение придается строительству новых прудов и водоемов. Последние окажут влияние на повышение влажности воздуха, на смягчение климата и непосредственно обеспечат более широкое развитие орошаемого земледелия в Центрально-черноземных областях и других районах европейской части СССР.

В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. значение строительства прудов и водоемов характеризуется следующим образом:

«В целях развития в колхозах и совхозах орошения на базе использования вод местного стока путем строительства прудов и оросительных систем, имеющих важное значение для повышения урожайности сельскохозяйственных культур... обеспечить широкое развитие строительства в колхозах и совхозах прудов и водоемов в естественных ложбинах, у истоков рек, в верховьях балок и оврагов и в других естественных понижениях, а также строительства водоемов на малых реках для регулирования и использования местного стока воды для орошения, рыборазведения и получения гидроэлектроэнергии для нужд сельского хозяйства» [1].

В этом постановлении утвержден конкретный план строительства прудов и водоемов на 1949—1955 гг. по республикам, краям и областям — отдельно по колхозам и совхозам. В целом согласно этому плану будет построено 44 228 прудов и водоемов. В большей своей части строительство прудов, водоемов, оросительной сети и гидроэлектростанций будет происходить в форме народных строек по решениям самих колхозов с привлечением рабочей силы и средств колхозов. Наряду с этим государственные органы обязаны обеспечить техническое руководство и оказать финансовую помощь. По решению правительства и ЦК ВКП(б) все расходы по проектно-изыскательным работам и техническому руководству строительством прудов, оросительных систем и насосных установок принимаются на государственный бюджет СССР.

Грандиозные масштабы и быстрые темпы преобразования географической среды и в этой части сталинского плана наглядно видны из сравнения размаха работ предреволюционной России и претворяемого сейчас в жизнь первого семилетнего плана ирригации степной и лесостепной зоны европейской части СССР. Так, в царской России с 1881 по 1910 г. было создано всего 960 прудов, т. е. за 29 лет в среднем строилось ежегодно по 33 пруда. По сталинскому плану предусмотрено среднее ежегодное строительство по 6 318 прудов и водоемов.

---

[1] «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР», Госполитиздат, 1948, стр. 37.

Если бы выполнять наш семилетний план строительства прудов и водоемов прежними, дореволюционными темпами, то для постройки намеченных 44 228 прудов и водоемов потребовался бы срок в 1 340 лет, т. е. 14 столетий. Таковы различия в темпах преобразования географической среды капиталистической России и социалистического СССР. Причем есть основания ожидать досрочного выполнения и перевыполнения сталинского плана также в части строительства прудов и водоемов.

В указанном выше постановлении правительства и ЦК ВКП(б) обращается особое внимание на развитие (на базе использования вод местного стока) самотечного орошения, не требующего больших затрат, а также на полное использование пойменных земель для посева ценных культур и создания высокопродуктивных кормовых угодий. Республиканские, краевые и областные органы должны обеспечить широкое развитие лиманного орошения на землях колхозов и совхозов.

Предварительные подсчеты показывают, что создание новых прудов и водоемов обеспечивает водой орошение в установленные сроки на огромной территории, равной почти 5 млн. *га*. При этом надо иметь в виду, что орошаться будут поля новых районов с наиболее плодородными землями черноземных и каштановых почв. Претворение в жизнь данного плана увеличит размеры всей орошаемой территории СССР примерно на 80%.

Таким образом, сталинский план является крупнейшим фактором преобразования природы степей и лесостепей. Создаваемые водохранилища и орошаемые поля сделают почвы и воздух более влажными и благоприятными для сельского хозяйства на огромной площади нашей страны, где раньше неотвратимо гуляли суховеи, порождая общенародные бедствия.

Орошение в земледелии не будет ограничено использованием только вод поверхностного стока, местных малых рек и речек. Развитие колхозных гидроэлектростанций и ветродвигателей дает дешевую энергию для использования в подаче воды на поля из подземных источников.

Кроме орошения новые водохранилища будут использованы для разведения в них рыбы, для водоснабжения населенных пунктов и для других хозяйственно-культурных целей. Следовательно, и в части строительства прудов

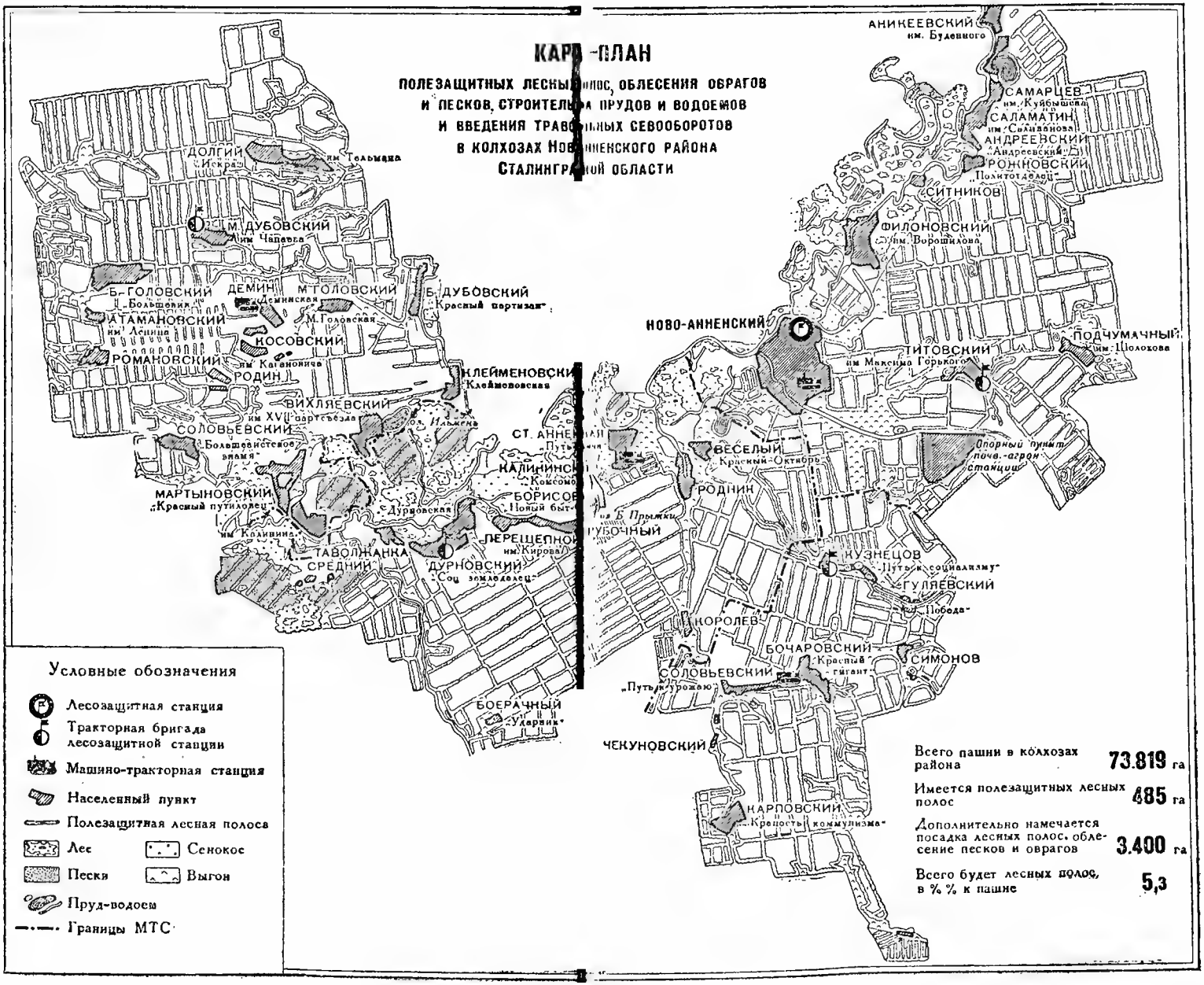
и водоемов сталинский план преобразования природы предусматривает комплексное решение целого ряда важных задач, направленных на использование географической среды как одного из условий материальной жизни социалистического общества.

Величественные масштабы работ, предусмотренные сталинским планом преобразования природы, по своим замыслам сложны и грандиозны. Они разрешат целый комплекс крупнейших общественных задач, осуществление которых знаменует коренное преобразование географической среды на огромнейшей территории европейского континента.

Реальная возможность научно-технической разработки этого плана и выполнение его прежде всего обусловлены социалистической системой хозяйства, основанной на общественной собственности на средства производства и социалистических формах труда. Сочетание интересов отдельных тружеников с интересами социалистического государства обеспечивает всенародную поддержку государственных планов, большие строительные работы в нашей стране носят общенародный характер. Заинтересованность широких масс советского народа в претворении планов в жизнь обеспечивает не только выполнение, но и перевыполнение этих планов.

Социалистическое государство умело концентрирует силы науки, техники и всю индустриальную мощь на разработку планов и их выполнение. Конкретной разработкой сталинского плана занимается огромное количество специалистов министерств сельского и лесного хозяйства, целая сеть научно-исследовательских учреждений, областных и районных организаций. Наряду с этим созданы специальные организации, начиная от Главного управления полезащитного лесоразведения до механизированных лесозащитных станций. Последних в течение ближайших 3 лет должно быть создано 570.

Каждая лесозащитная станция оснащается в большом количестве разнообразными новейшими машинами и механизмами. Последние обеспечивают высокую производительность работ, заменяя тяжелый ручной труд. Лесозащитная станция будет иметь от 18 до 28 мощных тракторов, от 6 до 10 грузовых автомашин и много других высокопроизводительных современных орудий.


КАРТА-ПЛАН
ПОЛЕЗАЩИТНЫХ ЛЕСНЫХ ПОЛОС, ОБЛЕСЕНИЯ ОВРАГОВ
И ПЕСКОВ, СТРОИТЕЛЬСТВА ПРУДОВ И ВОДОЕМОВ
И ВВЕДЕНИЯ ТРАВОПОЛЬНЫХ СЕВООБОРОТОВ
В КОЛХОЗАХ НОВО-АННЕНСКОГО РАЙОНА
СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
Условные обозначения
Лесозащитная станция
Тракторная бригада лесозащитной станции
Машино-тракторная станция
Населенный пункт
Полезащитная лесная полоса
Лес
Сенокос
Пески
Выгон
Пруд-водоем
Границы МТС
Всего пашни в колхозах района 73.819 га
Имеется полезащитных лесных полос 485 га
Дополнительно намечается посадка лесных полос, облесение песков и оврагов 3.400 га
Всего будет лесных полос, в % % к пашне 5,3
ДОЛГИЙ
Искра
им. Тельмана
М. ДУБОВСКИЙ
им. Чапаева
Б. ГОЛОВСКИЙ
Большевик
ДЕМИН
Деминская
М. ГОЛОВСКИЙ
М. Головская
Б. ДУБОВСКИЙ
Красный партизан
АТАМАНОВСКИЙ
им. Ленина
КОСОВСКИЙ
РОМАНОВСКИЙ
им. Калинина
РОДИН
КЛЕЙМЕНОВСКИЙ
Клеймоновская
ВИХЛЯЕВСКИЙ
им. XVII партсъезда
оз. Ильмень
СОЛОВЬЕВСКИЙ
Большевистское знамя
МАРТЫНОВСКИЙ
Красный путиловец
им. Коминтерна
ТАВОЛЖАНКА
СРЕДНИЙ
ДУРНОВСКИЙ
Соц. земледелец
ПЕРЕЩЕПНОВ
им. Кирова
КАЛИНИНСКИЙ
Комсомолец
БОРИСОВ
Новый быт
Дурновская
ст. АННЕНСКАЯ
Путь
БОЕРАЧНЫЙ
Ударник
АНИКЕЕВСКИЙ
им. Буденного
САМАРЦЕВ
им. Куйбышева
САЛАМАТИН
им. Сталинова
АНДРЕЕВСКИЙ
Андреевский
РОЖНОВСКИЙ
Политотделец
СИТНИКОВ
ФИЛОНОВСКИЙ
им. Ворошилова
НОВО-АННЕНСКИЙ
ТИТОВСКИЙ
им. Максима Горького
ПОДЧУМАЧНЫЙ
им. Шолохова
ВЕСЕЛЫЙ
Красный Октябрь
Опорный пункт почв.-агрон. станции
РОДНИК
из Б. Прямки
ЧУБОЧНЫЙ
КУЗНЕЦОВ
Путь к социализму
ГУЛЯЕВСКИЙ
Победа
КОРОЛЕВ
БОЧАРОВСКИЙ
Красный гигант
СИМОНОВ
СОЛОВЬЕВСКИЙ
Путь к урожаю
ЧЕКУНОВСКИЙ
КАРПОВСКИЙ
Крепость коммунизма

Достаточно указать, что общая мощность только тракторного и автомобильного парка лесозащитных станций составит около 750 тыс. *л. с.*, что может заменить ручной труд примерно 7,5 млн. человек. Лесозащитные станции будут оснащены бульдозерами, плантажными плугами и другими сложными машинами. Каждый бульдозер заменяет труд около 300 работников, а каждый плантажный плуг — 400 работников ручного труда.

«Механизация процессов труда, — говорит товарищ Сталин, — является той *новой* для нас и *решающей* силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства» [1].

С этой мощной механизированной силой соединяются людские резервы работников 3,5 тыс. МТС и более тысячи совхозов, вооруженных сотнями тысяч тракторов, автомобилей и других машин, и миллионы колхозников 80 тыс. колхозов степной и лесостепной зоны с кадрами низовых специалистов. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, опубликованным в газете «Правда» от 21 апреля 1950 г., на машинно-тракторные станции возложены работы по посеву и посадке лесных полос в колхозах, не обслуживаемых лесозащитными станциями, а также работы по строительству прудов и водоемов. Для выполнения этих работ МТС оснащаются землеройными машинами. Таковы средства и силы социалистического государства, осуществляющего небывалые в истории замыслы господства над природой.

Уже первый, 1949 год реализации сталинского плана преобразования природы закончился большими успехами. В речи на собрании избирателей Ленинградского избирательного округа города Москвы Г. М. Маленков сообщил: «Принятый в конце 1948 года Партией и Правительством план полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР успешно выполняется. К концу 1949 года произведены посадки полезащитных лесонасаждений на площади 590 тысяч

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 333.

гектаров. Для будущих посадок подготовлено земель в размере 800 тысяч гектаров» [1].

Успешное выполнение плана посадки полезащитных лесонасаждений характеризуется резким возрастанием масштаба работ. Так из 590 тыс. *га* произведенных лесопосадок в 1948 г. было выполнено 216,6 тыс. *га*, а в 1949 г. — 373,4 тыс. *га*. Несмотря на большое увеличение плана 1949 г. в сравнении с предшествующим годом, колхозы и совхозы план лесопосадок 1949 г. перевыполнили почти в два раза (по колхозам выполнили на 189% и по совхозам — на 192%).

В апреле 1950 г. ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР утвердили на 1950 г. план степного лесоразведения в 700 тыс. *га* вместо установленного постановлением от 20 октября 1948 г. в размере 425,3 тыс. *га*. На 15 апреля 1950 г. посеяно и посажено защитных лесонасаждений на площади 306,8 тыс. *га*, или 44% к новому плану 1950 г. А годовой план разведения дубовых лесов промышленного значения на 15 апреля 1950 г. выполнен на 95%.

На основе уже достигнутых успехов колхозы, совхозы, лесхозы и целые области развернули борьбу за перевыполнение своих планов разведения полезащитных лесонасаждений. В передовой газеты «Правда» указывалось, что уже «созданы благоприятные условия для того, чтобы намного сократить сроки выполнения всей программы лесонасаждений» [2].

Курганинский район Краснодарского края взял социалистическое обязательство выполнить весь 15-летний план полезащитных лесонасаждений в 1951 г. Колхоз «День освобождения Крыма» Джанкойского района полностью завершил план лесных насаждений, рассчитанный на период 1949—1965 гг. Колхоз «Украина» Егорлыкского района Ростовской области свой пятнадцатилетний план полезащитных лесонасаждений выполнил за полтора года.

Выполнена также значительная работа по развитию орошения, строительству прудов и водоемов в степных и лесостепных районах европейской части Советского

---

[1] *Г. М. Маленков*, Речь на собрании избирателей Ленинградского избирательного округа города Москвы 9 марта 1950 г., Госполитиздат, 1950, стр. 11.

[2] Газета «Правда» от 28 апреля 1949 г.

Союза. Так, если в 1948 г. в колхозах и совхозах было построено прудов и водоемов 2 812, то в 1949 г. — 4 579.

Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, опубликованным в «Правде» 21 апреля 1950 г., утвержден на 1950 г. план строительства 7 587 новых прудов и водоемов.

На 15 апреля 1950 г. построено оросительных систем и подготовлено земель к поливу в колхозах центрально-черноземных областей 55 тыс. *га* и 67,7 тыс. *га* в других степных и лесостепных районах европейской части нашей страны. Восстановлено лиманное орошение на площади более 6 тыс. *га*. В 1950 г. будет введено в сельскохозяйственный оборот около 90 тыс. *га* орошаемых земель, восстановлено лиманное орошение на площади 15,6 тыс *га* и будет проведено строительство новых лиманов на площади 23,5 тыс. *га*.

Сталинская идея коренного преобразования географических условий все больше овладевает массами советских людей, великая цель — коммунизм — порождает великую энергию у свободного советского народа.

Сталинский план преобразования природы имеет всемирно-историческое значение. В нем величественно раскрываются сила и преимущества социалистического общества перед капиталистическим и в покорении природы.

В многотысячелетней борьбе людей с окружающей природой сталинский план является первым грандиозным опытом борьбы не с последствиями неурожаев и других народных бедствий, а с главными причинами, их порождающими. Эта борьба людей нового, социалистического общества развертывается на территории, по площади равной нескольким крупным европейским государствам.

Глубина замысла, грандиозность масштабов и невиданная в истории быстрота темпов осуществления сталинской идеи вызывают восхищение прогрессивных людей всего мира.

Сталинский план преобразования природы имеет огромное значение для трудящихся всего мира. Он создает условия для перехода от социализма к коммунизму в нашей стране и ускоряет этим победу народных масс над капитализмом.

* *

Сущность качественно нового воздействия социалистического общества на географическую среду может быть кратко сформулирована в следующих чертах.

Со времени свержения капиталистического строя уничтожены частнособственнические, эгоистические мотивы использования природных богатств и изменения географической среды, неизбежно порождавшие хищническое истребление естественных ресурсов и тем самым вредное для общества изменение окружающей природы.

Социалистические производственные отношения открывают простор для развития производительных сил. Создана единая социалистическая государственная и колхозная собственность на средства производства, на недра, землю, породившая социалистический закон планового хозяйствования; плановое рациональное использование природных богатств и общественно целесообразное изменение географической среды направлены на коренное улучшение жизни всего общества.

С устранением анархии и конкуренции производства, распылявших силы и технические средства общества и ослаблявших мощность воздействия капиталистического общества на географическую среду, новое, социалистическое общество обеспечивает концентрацию всех людских сил и общественных материальных средств для непрерывного и разумного использования природных богатств и улучшения географических условий в целом.

Ликвидированы преграды для технического прогресса, неизбежно тормозившие при капитализме процесс подчинения природы. Непрерывное совершенствование средств воздействия и быстрое возрастание их численности и мощности открывают безграничные возможности и обеспечивают невиданные темпы усиления господства социалистического общества над природой.

Изменился характер самого воздействия людей на географическую среду. Небывало быстрые темпы и колоссальные масштабы планового воздействия на географическую среду социалистического общества уже привели к резкому изменению географических условий. Это в свою очередь создало новые возможности для дальнейшего совершенствования географических условий, например,

повышение плодородия почв, коренное и массовое изменение сортов растений и пород животных, орошение и освоение пустынь, осушение болот, углубление рек и прорытие больших каналов, озеленение местности и даже изменение климата данной местности (Колхида и др.).

Итак, с построением социалистического общества в нашей стране преобразование и использование географической среды подняты на новый, более высокий уровень.

На опыте СССР наглядно видно, какие могучие человеческие силы способен пробудить и привести в действие социалистический строй как для преобразования самого общества, так и для коренного изменения воздействия его на географическую среду для усиления своего господства над окружающей природой.

При сравнении дореволюционного и послереволюционного развития нашей родины со всей очевидностью раскрывается решающая зависимость темпов и характера воздействия на географическую среду от общественного строя. Но то, что сделано, — это только начало того, что безусловно будет сделано при небывало быстрых и нарастающих темпах и все увеличивающемся размахе преобразования географической среды. Беспрерывное совершенствование производственно-технических средств и научных возможностей обеспечивает это нарастание. Воплощается в жизнь мечта И. В. Мичурина: *«Наша страна и внешне должна быть самой красивой страной в мире!»*[1] Развернувшееся в невиданных темпах создание новых сортов всевозможных растений и преобразование географических условий в целом обеспечивают выполнение этой задачи в кратчайшие исторические сроки.

Бурный рост производительных сил, прогресс науки и творческий размах в трудовой деятельности всех людей социалистического общества впервые в истории делают человека действительным и могущественным повелителем окружающей природы. Последовательно и неудержимо преодолеваются преграды в использовании географической среды как одного из условий прогрессивно развивающейся материальной жизни нового общества.

---

[1] *И. В. Мичурин*, Соч., т. IV, стр. 271.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая. КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ О РОЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА 15

1. Субъективно-идеалистические и географические теории —
2. Геополитика — доктрина империалистической экспансии 24
3. Географизм в истории русской общественной мысли . . . 37

Глава вторая. ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВА НА ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ СРЕДУ 49

1. Характер и формы влияния географической среды на развитие общества . . . . . —
2. Изменение форм и степени влияния географической среды на развитие общества 76
3. Влияние человеческого общества на географическую среду 98

Глава третья. ВОЗДЕЙСТВИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НА ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ СРЕДУ 109

1. Частная собственность на средства производства — основное препятствие для рационального отношения общества к богатствам природы . . . . . —
2. Хищническое использование природных богатств . . . 117
3. Разрушение материальной и духовной культуры человечества при империализме 133

Глава четвертая. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ 147

1. Новый характер отношения общества к природе при социализме . . . . . —
2. Открытия естественных богатств страны и их роль в развитии социалистического общества 155
3. Средства воздействия социалистического общества на географическую среду 177
4. Рациональное использование и изменение географической среды социалистическим сельским хозяйством . . 194
5. Сталинский план преобразования природы 215

Вклейка: Карта (схема) размещения государственных лесных защитных полос и полезащитных лесонасаждений

Редактор *В. Козерук*

Ответственный корректор *Л. Фокина*
Технический редактор *А. Тюнеева*

Подписано к печати 14 ноября 1950 г. Тираж 50 тыс. экз. А 08613. Бумага 84×108¹/₃₂. 3¹⁵/₁₆ бумажного, 12,915 печ. листа, 12,99 уч.-изд. листа. Заказ № 2626. Цена 4 р. 70 к.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

4 р. 70 к.